

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Малахова Серафима Игоревна

**Французское дворянство в период Фронды: связи и конфликты в
условиях политического кризиса**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Людмила Александровна Пименова,
кандидат исторических наук, доцент

Москва – 2026

Оглавление

<i>Введение</i>	4
<i>Обзор исторических источников</i>	17
<i>Обзор историографии</i>	65
<i>Глава 1. Конфликты французских дворян во время Фронды: партии, личные отношения и политика</i>	99
1.1 Партии Фронды: фрондеры, мазаринисты, кондеанцы	100
1.2 Конфликты между представителями противоборствующих партий	106
1.3 Конфликты внутри партии	120
<i>Глава 2. Дружба, верность, преданность: лояльность во время Фронды</i>	142
2.1 Мазарини и Анна Австрийская: преданность на грани с любовью в лагере двора	143
2.2 Лояльность в партии старой Фронды: друзья, спутники, соратники ..	145
2.3 Покровительство принца Конде членам семьи и клиентелы	151
2.4 Герцогиня де Монпансье и принц де Конде: редкий пример верности	155
2.5 «Формальная» и «ложная» лояльность	167
<i>Глава 3. Мазарини: спаситель или враг государства? Позиции главных участников Фронды и пропаганда</i>	176
3.1 Принц Конде vs кардинал Мазарини: сражение в письмах и на поле брани. Мотивация поступков, собственная позиция, взаимные обвинения	177
3.2 Мазарини в мазаринадах	188
3.3 Королева, Принц Конде, Гастон Орлеанский, Старшая Мадемуазель в памфлетах Фронды	201
<i>Заключение</i>	213
<i>Список источников и литературы</i>	225
<i>Приложения</i>	245
Приложение № 1. Автограф Мадемуазель де Монпансье	245
Приложение № 2. Автограф «Мемуаров» кардинала де Реца	246
Приложение № 3. Иллюстрированные мазаринады	247

Приложение № 4. Мазаринада в виде коллективного обращения к королеве Анне Австрийской	249
Приложение № 5. Титульный лист мазаринады с пометкой «avec permission» («с разрешением»).....	251
Приложение № 6. Сторонник Фронды, призывающий парижан к восстанию против кардинала Мазарини	252
Приложение № 7. «Французский курьер» приносит всевозможные новости	253
Приложение № 8. Второй выпуск «françois, traduit fidellement en vers burlesques».....	254

Введение

Правление короля Людовика XIV (1643–1715 гг.) является одной из самых знаменитых и богатых на события эпох в истории Франции. Победоносные войны, величественные дворцы, развитие придворного общества – все это дает неисчерпаемый материал для изучения. Активная внешняя политика и установление близкой к абсолютизму монархии во внутренней жизни государства объяснялись не только объективными законами развития страны, но и волеизъявлением монарха. Высшая знать, еще недавно своевольная и могущественная, собралась со всех концов страны вокруг государя в смиренном поклоне. Время гражданской войны, когда против королевских войск выступали даже ближайšie родственники монарха – его дядя, двоюродная сестра и другие, Людовик XIV не забудет никогда. Фронда (1648–1653 гг.) оказала серьезное влияние на Короля-Солнце: он поставил одной из главных целей правления установление жесткого контроля над дворянством.

Середина XVII в. во Франции была беспокойным и богатым на события временем. Тридцатилетняя война, регентство при юном Людовике XIV, возвышение иностранного министра – все это не могло не отразиться на жизни, мыслях и поступках французов. Дворянство, привыкшее воспринимать главу государства как первого среди равных, остро отреагировало на ущемление своих привилегий. Если предыдущего первого министра – кардинала Ришелье – многие не любили, но считали «своим», то итальянца Джулио Мазарини вовсе не принимали и отвергали как чужака. Знать и народ совершенно не устраивало засилье иностранца Мазарини в высших сферах власти. В сторону королевы Анны Австрийской и кардинала Мазарини, которых современники подозревали в тайной связи, сыпались не только изощренные обвинения, но и камни, которые разбивали стекла в Пале-Рояле. Против ненавистного кардинала поднялись две мощные волны недовольства, которые получили название парламентская Фронда (1648–1649 гг.) и

Фронда принцев (1650–1653 гг.). Движение было подавлено силами правительства, а фрондеры – отправлены в тюрьмы и ссылки, где многие из них написали мемуары.

Анализ происхождения слова «Фронда» не раз проводился исследователями¹, но важно осветить этот вопрос в постановочной части настоящей работы. В словаре Французской Академии 1 издания 1694 г. значение слова «fronde» объясняется так: «Сетка из веревок, с помощью которой бросают камни. Давид убил Голиафа с помощью пращи. Древние сражались с помощью пращей». Далее приведено значение глагола «fronder» (фрондировать): «Метать, запускать камни пращей. <...> Маленькие мальчики с удовольствием бросают камни с помощью рогатки. <...> В переносном смысле это означает «обвинять», «осуждать», «резко критиковать»». Ниже упоминается существительное «frondeur» (фрондер): «Тот, кто бросает камни из рогатки. Древние использовали пращников в своих войсках»². В словарной статье XVII в. нет упоминаний о Фронде как об историческом событии, хотя и приведено иносказательное значение слова и его однокоренных, прямым образом связанных с исследуемой гражданской войной. Поскольку первое издание было опубликовано во время правления Людовика XIV, вряд ли на мятежников не сослались по случайности. Во втором издании словаря, относящемся к 1718 г., Фронда уже была охарактеризована не только как праща, но и как партия, оппозиционная по отношению к двору «в прошлом веке»³.

Как пишет кардинал де Рец⁴ – участник событий и автор изучаемых в работе источников – название гражданская война действительно получила от детской игры. Один из современников⁵ заметил, что «Парламент уподобляется школярам, которые стреляют из рогатки в парижских рвах, бросаясь врассыпную, едва завидят

¹ Малов В. Н. Парламентская Фронда. М., 2009. С. 391–392; Pernot M. La Fronde. P., 2022. P. 7–9.

² Dictionnaire de l'Académie française. [Официальный сайт] URL: <https://dictionnaire-academie.fr/article/A1F0241> (Дата обращения: 24.04.2025).

³ Dictionnaire de l'Académie française. [Официальный сайт] URL: <https://dictionnaire-academie.fr/article/A2F0778> (Дата обращения: 24.04.2025).

⁴ Жан Франсуа Поль де Гонди, коадьютор парижский, кардинал де Рец (1613–1679). Участник Фронды и автор мемуаров, мазаринад.

⁵ Франсуа Ле Куанье, сеньор Буа-Шомон, известный как Башомон. Младший сын председателя палаты (président à mortier) Жака Ле Куанье, советник Парижского парламента в четвертой палате расследований (1624–1702). Поэт, остроумец и распутник, он принял участие во Фронде, а затем оставил магистрат, чтобы посвятить себя литературе и вести жизнь, полную удовольствий. Вместе со своим другом Шапелем он написал бурлескный путевой очерк под названием «Путешествие Шапеля и Башомона». Pernot M. La Fronde. P. 8.

полицейского комиссара, но, стоит тому скрыться из виду, собираются вновь». Сравнение понравилось участникам гражданской междоусобицы, им стали пользоваться, обозначая непокорство не примирившихся с двором⁶. «Мы сами охотно его применяли, ибо заметили, что отличительная кличка воспламеняет умы», – отмечал де Рец⁷. Представляя себя ветхозаветным Давидом, фрондеры вступили в схватку с итальянским церковником Голиафом, однако исход сражения отличался от библейского.

Даже из краткого исторического контекста, приведенного выше, становится понятно, что период Фронды – это благодатная почва для исторических исследований. Историк открывает целая панорама военных действий, парламентских дебатов, экономических кризисов, народных и аристократических движений, политических памфлетов. По выражению исследователя М. Перно, нужна нить Ариадны, чтобы не запутаться в этом лабиринте⁸. Настоящая диссертация выделяет из огромного количества сюжетов **связи и конфликты участников⁹ Фронды**. Любовные приключения, придворные интриги, конкуренция в парламенте, семейные ссоры, споры между клиентами одного патрона – все это не просто исторические анекдоты, приведенные очевидцами в мемуарах, письмах, газетах или иных проанализированных источниках. Из межличностных связей участников складывалась сама Фронда, во многом из-за них ее маятник качался в ту или иную сторону. Изучение межличностных связей в среде французского дворянства помогает понять расстановку сил и особенности политической борьбы этого периода. Конфликты, интриги, дружба, любовь,

⁶ В особенности слово пошло в ход после заключения мира между королем и парламентом.

⁷ «Когда президент де Бельевр сказал мне, что Первый президент использует это прозвище против нас, я показал ему манускрипт одного из основателей Голландской Республики, Сент-Алдегонд; по его словам, Бредероде в самом начале нидерландской революции обиделся на то, что повстанцев прозвали гёзами, а принц Оранский, бывший душою мятежа, в ответ написал ему, что тот не понимает истинной своей выгоды: ему, мол, должно радоваться, и сам принц не преминет отдать приказ вышить на плащах своих сторонников маленькие нищенские котомки в виде знака ордена». *Mémoires du cardinal de Retz*. Т. 2. Р. 494–495. Перевод по: Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 217.

⁸ Pernot M. *La Fronde*. Р., 2022. Р. 10.

⁹ Настоящее исследование посвящено по большей части изучению конфликтов представителей аристократии и дворянства Франции, однако важную роль во Фронде играли народные волнения, поэтому в работе упоминается и третье сословие.

взаимопомощь – все это не только влияло на отношения важных участников гражданской войны и на деятельность противоборствующих «партий», но и серьезнейшим образом меняло ход Фронды, а, следовательно, ход истории Франции. В упрощенном виде эта схема выглядит следующим образом: дворяне ссорятся, их «партия» ослабевает, могущественные участники помогают правительственному лагерю, поэтому «оппозиция» дробится и проигрывает.

Источниковая база исследования. Фронда отражена в большом количестве источников, которые оставили участники событий. Для исследователя большая удача иметь доступ к этим материалам, отличающимся разнообразием трактовок событий, стилей и целей изложения. Изучение большого количества источников дает возможность сравнивать их данные, находить наиболее достоверные сведения, видеть происходившие события с разных сторон. Материалы личного происхождения участников событий (мемуары, письма, дневники) в большей мере по сравнению с другими источниками позволяют исследователю проанализировать ментальность людей далекой от нас эпохи, понять мотивацию их поступков и причины того или иного поведения, что представляет важность для изучения отношений в обществе. Кроме этого, в исследовании я обращалась к художественному произведению – роману с ключом¹⁰ – а также к словарным изданиям, чтобы проверить смысл понятий, используемых авторами. Важными материалами для изучения Фронды также стали мазаринады – памфлеты, связанные с гражданской войной и деятельностью первого министра. В качестве одного из дополнительных источников для исследования я изучала парижские газеты конца 1640-х гг.: «*Courrier françois*»¹¹ и «*Gazette*» Ренодо¹².

¹⁰ «Любовная история галлов», в отличие от других источников, является в полном смысле слова художественным произведением, что представляет сложность в его интерпретации. Я использую его в качестве исторического источника, так как Бюсси-Рабютен в куртуазной манере передал картину нравов своего времени и своего окружения. Bussy-Rabutin R. *Histoire amoureuse des Gaules*. Liege, 1665.

¹¹ Периодическое еженедельное издания с новостями, выпуски которого появились в Париже в январе–марте 1649 г. *Courrier françois, apportant toutes les nouvelles de ce qui s'est passé depuis sa première arrivée jusques à présent*. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649; *Le courier françois apportant toutes les nouvelles véritables de ce qui s'est passé depuis l'enleuement de Roy, tant à Paris, qu'à S. Germain en Laye*. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649.

¹² *Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Relations et recits des choses avenues toute l'année 1649*. Par Theophraste Redaudot. A Paris, du Bureau d'Adresse, aux Galleries du Louvre. 1650.

Степень разработанности темы. Эпохе Людовика XIV и времени его детства – периоду Фронды – посвящено большое количество исторической литературы. Как правило, сведениям о Фронде историки посвящают главу или параграф книги о Людовике XIV или истории Франции, но существуют целые монографии и статьи о Фронде. Французские исследователи XVIII в. рассматривали Фронду как плохо организованный бунт против власти по «гнусным и нелепым»¹³ причинам, клубок интриг аристократов, которые восстали против Мазарини из-за корыстных интересов¹⁴. Французская революция сделала отношения к событиям гражданской войны более неоднозначным: ученые обратили внимание на деспотичность стиля управления Ришелье, за которым последовала Фронда¹⁵, и стали сравнивать ее с революцией в Англии в XVII в¹⁶. В целом в XIX– в начале XX вв. оценка Фронды оставалась отрицательной¹⁷. С середины XX в. и до наших дней отношение к Фронде стало меняться, исследователи во Франции, в СССР, затем в России и в других странах начали воспринимать ее как сложное и заслуживающее пересмотра явление¹⁸. На сегодняшний день монографий по истории Фронды, по межличностным и политическим связям дворян и дворянок в ее период немного, особенно на русском языке. Анализ дружеских, семейных, любовных и политических предприятий аристократов и аристократок подлежит более детальной проработке.

¹³ Mailly J.-B. L'esprit de la Fronde, ou histoire politique et militaire des troubles de France pendant la minorité de Louis XIV, 5 tt. P., 1772 – 1773.

¹⁴ Voltaire. Le siècle de Louis XIV. Nouvelle édition, augmentée d'un très grand nombre de remarques. Francfort, chez la veuve Knoch & J.G. Eslinger. T. 1. 1753. Книга впервые вышла в свет в 1751 г.

¹⁵ Sainte-Aulaire, L. de. Histoire de la Fronde, T. 1–3. P., 1827; 2e éd.: Nevers; P., 1841.

¹⁶ Capefigue R. Richelieu, Mazarin, la Fronde et le règne de Louis XIV, T. 1–7. P., 1835–1836.

¹⁷ Chéruel A. Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV. P., 1879. T.1–3; Lavissee E. Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution. Louis XIV: histoire d'un grand règne, 1643–1715. T. 2. 1901; Normand Ch. La bourgeoisie française au XVIIe siècle. La vie publique. Les idées et les actions politiques 1604–1661. P., 1908.

¹⁸ Поршнеv Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.; Л., 1948; Mousnier R. Quelques raisons de la Fronde // Mousnier R. La plume, la faucille et le marteau. P., 1970. P. 282. Статья была впервые издана в 1949 г.; Kossman E.H. La Fronde. Leiden, 1954; Mongrédien C. Si la Fronde avait réussi... // Les Annales. Revue mensuelle des lettres françaises. Paris, 1957. № 80; Кожокин Е.М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции. М., 1989; Dulong-Sainteny C. Les signes cryptiques dans la correspondance d'Anne d'Autriche avec Mazarin, contribution à l'emblématique du XVIIe siècle // Bibliothèque de l'école des chartes. T. 140. 1982; Dulong-Sainteny C. Le processus d'enrichissement du cardinal Mazarin d'après l'inventaire de l'abbé Mondin // Bibliothèque de l'école des chartes. 1990, T. 148; Pernot M. La Fronde. P., 1994; Béguin K. Changements de partis et opportunisme durant la Fronde (1648–1653). La mort de la politique ancienne? // Politix. 2001. T. 14. № 56; Bertièrre S. Mazarin: le maître du jeu. P., 2007; Brown H.G. Mass Violence and the Self: From the French Wars of Religion to the Paris Commune, Cornell University Press, 2018; Pouille J.-B. Nicolas Fouquet, procureur général au parlement de Paris sous la Fronde (1650–1653): l'habileté d'un temporisateur // Dix-septième siècle. 2023. № 3 (300); Xavier Le Person. Le Grand Condé. Un exil pour l'honneur. P., 2023.

Объектом настоящей работы является Фронда, а **в качестве предмета исследования** выступают связи и конфликты дворян и дворянок, принимавших в ней участие.

Цель исследования: выявить роль межличностных отношений и политического поведения активного дворянства в развитии и исходе Фронды, проанализировав конфликты и проявления лояльности.

Для достижения цели данного исследования были поставлены следующие **исследовательские задачи:**

1. выявить конфликты, которые возникали в дворянской среде во время Фронды, выяснить, по каким причинам они появлялись в отношениях участников гражданской войны и к чему они приводили;

2. установить лояльность в отношениях дворянства, то есть проявления дружбы, преданности членов семьи и клиентелы, покровительства и взаимопомощи во время гражданской войны, выявить их значение как в конкретных ситуациях, так и для хода Фронды в целом;

3. сделать выводы о пропаганде времени Фронды: установить объекты ее нападков, цели, методы, распространенные приемы, образы участников событий, которые она создавала и распространяла.

Хронологические рамки исследования охватывают период Фронды во Франции (1648–1653 гг.). Нижняя граница соответствует началу парламентской Фронды, верхняя – окончательному подавлению правительством сил мятежников во время Фронды принцев и завершению гражданской войны.

Территориальные рамки исследования охватывают Францию в границах середины XVII в.

Методология и методы исследования. Методологическая основа исследования базируется на исторических, антропологических, этнологических, социологических и других методах. Они позволили понять роль социальных связей аристократов во время Фронды, учитывая специфику отношений, характерных для

французского общества XVII в. Для анализа взаимоотношений между участниками Фронды в диссертации используются методы *социальной истории*¹⁹. Общество рассматривается как взаимосвязанная с властью структура с присущим ей внутренним порядком²⁰, а партии и союзы Фронды – как «человеческие союзы». Важно составить представление о том, что происходило во французском обществе во время Фронды, как субъективное миропонимание авторов источников и их современников влияло на объективную реальность. Также в работе применяются *методы изучения истории повседневной жизни и ее психологии*²¹, потому что особенности межличностных отношений нередко проявлялись именно в обыденных практиках. С помощью *биографического метода*²², источниками эмпирических данных для которого служат личные документы (дневники, мемуары, письма и т.д.), возможно изучить и сравнить материалы об индивидуальных судьбах участников Фронды, проанализировать их поступки, а также оценить их вклад в события гражданской войны. В контексте биографического метода человек является не только неповторимой индивидуальностью, но и носителем образа окружающего мира; этот метод дает возможность проанализировать микроуровень социальных процессов и явлений, увидеть формирование жизненной стратегии отдельных людей. Поскольку во время Фронды активно проявили себя не только аристократы, но и аристократки, для изучения их действий и политического поведения используются *методы гендерной истории и истории женщин*²³. Для работы с мемуарами и письмами

¹⁹ Подобные методы описаны в исследовании: Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis, 1993. Вып. 1. URL: https://www.hse.ru/data/108/314/1234/1_4_2Sied.pdf

²⁰ «Поскольку же ни одно общество не мыслимо без власти, а власть определяется существующим строем, социальная история и история государственного строя должны тесно сблизиться и стать неразрывным целым» (Вернер Конце). Цит. по: Зидер Р. Что такое социальная история? С. 170.

²¹ Подобные методы применены в следующих исследованиях:

Гусельцева М.С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М., 2019; Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010; Тимофеева Т.Ю. «Мы жили обычной жизнью?» Семья в Берлине в 30–40-е гг. XX в. М., 2011.

²² Подобный метод описан в исследованиях: Дильтей В. Основная мысль моей философии // Вопросы философии. 2001. № 9; Голубович И.В. Биография: методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемиология и философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3.

²³ Подобные методы применены в следующих исследованиях: Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4; Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувственной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2; История женщин // под ред. Дюби Ж. и Перро М. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб., 2008.

необходимо использовать *методики изучения источников личного происхождения*²⁴, чтобы сохранить объективность и не поддаться шарму писателей-фрондеров, создающих собственные апологии и карикатуры врагов. Кроме вышперечисленного, нужно использовать *методологию истории понятий*²⁵, чтобы изучить феномены дружбы и лояльности в среде французского дворянства середины XVII в.

Для исследования актуальны интерпретативный и перформативный повороты, описанные в исследовании Д. Бахманн-Медик²⁶. *Интерпретативный поворот* (interpretive turn) примечателен тем, что задал новый вектор развития последующим культурологическим «поворотам» и ввел метафору «культуры как текста». В центре его внимания оказывается внимательное изучение частных случаев, мелких деталей, толкование одних текстов с помощью других. Социальная жизнь в нем рассматривается как ролевая игра с переодеваниями, театральностью, сюжетами, мир воспринимается как сцена. Такой подход хорошо «ложится» на чтение источников личного происхождения, например, «Мемуаров» мадемуазель де Монпансье или кардинала де Реца, которые порой представляли гражданскую войну как театральную сцену, вписывая в эти «декорации» себя и других участников в качестве играющих на ней актеров. Для интерпретативного поворота характерно исследовать общество не как механизм или организм, а как игру, драму, «поведенческий текст»²⁷, что хорошо подходит для изучения интриг и

²⁴ Подобные методы применены в следующих исследованиях:

Виппер Ю.Б. «Мемуары» кардинала де Реца // Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997; Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси-Рабютен Р. Любовная история галлов. М., 2010; Павлова С.Ю. Автобиографическая память в мемуарах мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1 (30); Павлова С.Ю. Героическое начало в «Мемуарах» мадемуазель де Монпансье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия филология. Журналистика: Научный журнал. 2015. Т. 15. Вып. 4; Стогова А.В. Обман между политикой и этикой в «Мемуарах» Ф. де Ларошфуко // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения. М., 2016. Эти методы применяются и в других исследованиях мемуаров участников Фронды, упомянутых в библиографии настоящей диссертации.

²⁵ Подобный метод описан в исследованиях:

Никифорова Н.В. Научная традиция истории понятий и ее культурологический потенциал // Философия права. 2010; Тимофеев Д.В. Методология «Истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // Новое прошлое / The New Past. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-istorii-ponyatiy-ot-teorii-k-praktike-issledovaniy-istorii-obschestvennoy-mysli-rossii-pervoy-chetverti-xix-veka>

²⁶ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты / пер. С нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

²⁷ Geertz C. Blurred Genres: The Refiguration of Social Thought // The American Scholar, Vol. 49, № 2, 1980. <https://www.jstor.org/stable/41210607> Цит. по: Бахманн-Медик Д. Культурные повороты.

политических игр аристократов Фронды. Особенностью *перформативного поворота* (performative turn) является то, что он ставит во главу угла выражение действий, критический анализ процессов²⁸. Антрополог Виктор Тернер ввел в его контекст понятие «социальной драмы», под которой он понимал самые разные проблемы в отношениях от семейных неурядиц до конфликтов при наследовании власти, смене статуса, восстании и войне. В. Тернер подчеркивал, что форма социальной драмы присутствует на всех уровнях социального устройства, то есть от семьи до государства. Таким образом, этот подход хорошо подходит для рассмотрения конфликтных ситуаций в семьях и в партиях во время Фронды.

Научная новизна исследования.

1. Кризисы в межличностных отношениях сильных мира сего часто приводили к конфликтам, но отнюдь не все конфликты становились гражданскими войнами. В исследовании по-новому рассматривается эволюция личных отношений аристократов и их патрон-клиентских связей, которая привела к началу и дальнейшему развитию вооруженного противостояния.
2. Впервые отдельные конфликты и проявления лояльности французских аристократов исследуются как система, которая имела существенное влияние на политическую деятельность партий и на беспорядки во Франции.
3. Фактор влияния личных связей и конфликтов аристократов-участников на поражение Фронды также впервые рассматривается как доминирующий.
4. В работе используется объемный пласт разных типов источников, в том числе архивные документы. Наряду с хорошо знакомыми исследователям мемуарами аристократов проанализированы мазаринады, письма, газеты из Отдела редкой книги ГПИБ (Москва), а также из Библиотеки Мазарини (Париж), остававшиеся ранее вне рамок анализа отечественной

²⁸ Turner V. Process, System, and Symbol. Anthropological Synthesis // Idem. On the Edge of the Bush. Anthropology as Experience. Ed. Edith L. B. Turner. Tucson, 1985, P. 151–173. Цит. по: Бахман-Медик Д. Культурные повороты.

историографии. Сопоставлено отражение конфликтов периода Фронды в источниках разного типа.

Актуальность темы диссертации. Отношение историков к Фронде прошло длинный путь: замалчивание, презрение и жалость к побежденным, романтизация, попытки интерпретировать ее как неудавшуюся буржуазную революцию под влиянием кровавых событий в Англии. При том, что эту гражданскую войну исследовали многие западные и отечественные специалисты, едва ли можно утверждать, что она полностью изучена и что невозможно выдвинуть ее новые трактовки. В России на момент написания настоящей диссертации есть только одна монография²⁹, посвященная главным образом конфликту между абсолютистским правительством и судебским аппаратом, то есть парламентской Фронде (1648–1649 гг.). Однако это первый этап гражданской войны, за которым последовала не менее достойная изучения Фронда принцев (1650–1653 гг.), во время которой аристократическое восстание перешло в стадию военных действий с привлечением иностранных войск и изощренной пропаганды. Также нельзя не сказать об интересе, который представляет для исторической науки изучение деятельности оппозиции и ее рефлексии о событиях в стране. Как больше трехсот лет назад, так и сегодня современники смут и нестабильности в их государстве пытаются осознать произошедшее, обосновать свои действия, разрушить репутации политических оппонентов и просто найти себе место в изменившемся мире.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении периода Фронды по документам личного происхождения, которые дают возможность увидеть события гражданской войны глазами ее участников и участниц из разных партий, а также по памфлетам (мазаринадам), в которых хорошо прослеживаются методы политической пропаганды во Франции середины XVII в. Результаты исследования дополняют научное знание о степени влияния личных отношений «сильных мира сего» на ход Фронды.

²⁹ Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы для изучения истории Франции XVII в. в университете и в школе, а также в научных исследованиях и учебных пособиях по истории межличностных отношений, женщин, общественных движений.

Достоверность исследования определяется широтой источниковой базы, в которую входят мемуары, дневниковые записи и письма участников и современников событий, периодика изучаемого периода, возможностью сравнивать и проверять сведения из разных источников, а также адекватностью примененных в исследовании методов.

Структура диссертации. Научное исследование состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы, приложений. В первой главе проводится анализ конфликтов участников гражданской войны одной партии, разных лагерей и внутри семьи. Вторая глава посвящена лояльности дворян во время Фронды: в ней изучены взаимоотношения королевы Анны Австрийской и первого министра Джулио Мазарини, лояльность в партии старой Фронды, покровительство принца Конде его соратникам и клиентам, преданность ему принцессы Монпансье, а также «притворная» дружба, нацеленная на противников. В третьей главе исследуется пропаганда времени Фронды, распространявшая образы Мазарини и других значимых участников событий с помощью открытых писем и сатирических памфлетов. В заключении подводятся итоги и формулируются выводы исследования. Приложение содержит изображения из источников: автографы авторов мемуаров, редкие мазаринады, содержащие карикатуры и другие материалы, комментирующие текст исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Фронда является совокупностью конфликтов, связанных с семейными и патрон-клиентскими обязательствами, в которой важную роль играла напряженность между значимыми участниками. Сложности в

межличностных отношениях аристократов-участников Фронды часто приводили к острым противоречиям и разногласиям, которые были способны влиять на деятельность партий и даже на ход исторических событий.

2. Неизменная лояльность во время Фронды была явлением достаточно редким и непостоянным. Это объясняется тем, что участники партии часто не могли удовлетворить свои интересы и лавировали между лагерями в погоне за личными и семейными выгодами, не считая себя связанными обязательствами с главой партии.

3. Отношения лояльности в лагерях старой Фронды и принцев существенно отличались: если первый лагерь был сформирован вокруг Парижского парламента, то второй в основном состоял из клиентов принца Конде. Принц крови стоял в иерархической системе значительно выше, чем лидер старой Фронды кардинал де Рец. Также принц Конде обладал внушительными возможностями, с помощью которых он покровительствовал лояльным дворянам, давая им должности в армии, деньги, привилегии.

4. Конфликт важнейших людей государства, кардинала Мазарини и принца Конде, имевших огромные ресурсы от военных сил и имущества до влияния на клиентелы и возможности привлечь в своих интересах иностранные державы, был одной из вероятных причин продолжения гражданской войны после завершения первого этапа (Парламентской Фронды 1648–1649 гг.).

5. Участники Фронды с помощью мощного пропагандистского оружия – памфлетов-мазаринад – стремились представить противников как врагов государства и приводили похожие доводы для разрушения их репутации. Старые фрондеры, обвиняя кондеанцев в алчности, показывали себя бескорыстными борцами за справедливость. Кондеанцы, и парламентские фрондеры изображали Мазарини в негативном ключе, подрывая его позиции.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и получила положительное заключение.

Основные результаты исследования были представлены и обсуждались на 11 международных и всероссийских научных конференциях и семинарах, проводимых в 2023–2025 гг. в МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), САФУ имени М.В. Ломоносова (Архангельск), на Международных научных конференциях Международной ассоциации исторической психологии имени проф. В.И. Старцева (Санкт-Петербург). Основное содержание диссертации отражено в 10 публикациях общим объемом 64 страницы, 3,68 усл. печ. л., из которых 4 статьи объемом 32 страницы, 1,84 усл. печ. л. вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Обзор исторических источников

Источники по периоду Фронды во Франции поражают объемами, разнообразностью и историями, которые в них рассказаны. Гражданская война отражена в большом количестве мемуаров, переписок, дневников, которые оставили аристократы и аристократки для своих потомков или написали для саморефлексии. Для исследователя большая удача иметь доступ ко всем этим материалам, отличающимся разнообразием трактовок событий, фокусов интереса, стилей и целей изложения. Изучение большого количества источников дает возможность сравнивать их данные, находить наиболее достоверные сведения, видеть происходившие события с разных точек зрения.

Материалы личного происхождения участников событий в большей мере по сравнению с другими источниками позволяют исследователю проанализировать ментальность людей далекой от нас эпохи, понять мотивацию их поступков и причины того или иного поведения, что представляет важность для изучения отношений в обществе. В процессе написания мемуаров их автор может отредактировать текст, создать произведение литературы, но при этом забыть какие-то детали за давностью лет, а какие-то намеренно исказить. Однако, конечно, это не единственный вид источников, которые дают возможность изучить межличностные отношения в дворянской среде. В письмах или дневниковых записях авторы могли сразу же фиксировать заинтересовавшие их события, не упуская подробностей. Такие документы пишутся по «горячим следам», автор не успевает их редактировать и подгонять факты в угоду изменившейся политической конъюнктуре, но и не всегда имеет время проанализировать события. Мне было интересно изучить как восприятие современниками гражданской войны через некоторое время, когда страсти уже немного поутихли, так и более «сырые» тексты, которые составлялись «в моменте»: письма аристократов, парижские газеты, пропагандистские памфлеты. Кроме этого, в исследовании я обращалась к

художественному произведению – роману с ключом – а также к словарным изданиям, чтобы проверить смысл понятий, используемых авторами.

Проанализированные источники можно подразделить на следующие группы:

- источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма участников Фронды);
- художественные произведения, связанные с событиями и участниками Фронды (роман с ключом);
- памфлеты (мазаринады);
- газеты времени Фронды;
- словарные издания.

1. Источники личного происхождения участников Фронды. Количество дошедших до наших дней мемуаров по периоду Фронды говорит о том, что у современников была потребность в рефлексии над произошедшими событиями и в их анализе. Авторы воспоминаний представляли оригинальные трактовки поступков своих сторонников и противников, обращали внимание на межличностные отношения современников и на их политическую деятельность. Кроме того, сведения различных мемуаров, к счастью для исследователей, дополняют друг друга, поэтому порой есть возможность взглянуть на события с разных сторон и проверить информацию. Многие участники и участницы событий Фронды были ценителями литературы и стремились в художественном стиле рассказать о своем опыте (к таким авторам относятся кардинал де Рец, мадемуазель де Монпансье, де Бюсси-Рабютен). Другие мемуаристы, как правило, мужчины, считали важным изложить события сухо и точно, написать «объективную», с их точки зрения, историю Фронды (де Ларошфуко, Ги Жоли, Дюбюиссон-Обене). Все эти источники наполнены сведениями о многочисленных конфликтах между дворянами и дворянками, принимавшими участие в гражданской войне.

До характеристики источников в обзоре я привожу краткие и наиболее интересные сведения из биографий авторов, так как они создают контекст эпохи и

помогают лучше понять воспоминания в целом, а также конкретные поступки мемуаристов, проанализированные в основной части исследования. Более подробно в обзоре сказано о мемуарах аристократов, которые я чаще цитировала и задеиствовала в диссертации.

Мадемуазель де Монпансье и ее «Мемуары». Старшая Мадемуазель³⁰, внучка Генриха IV, кузина Людовика XIV, первая принцесса крови родилась в Лувре 29 мая 1627 г. в семье Гастона Орлеанского и Марии де Бурбон. Ее мать умерла сразу после рождения дочери³¹, и принцесса с первых дней жизни стала наследницей всех ее огромных богатств и титула, а от отца получила королевскую кровь. Из-за несметного состояния Мадемуазель была очень завидной невестой³². После нескольких неудач принцесса не оставила своих планов на удачный брак и подумывала даже составить партию своему двоюродному брату, Людовику XIV, который был младше ее на 11 лет³³. Надежду на этот союз ей подал кардинал Мазарини, а затем сделал шаг назад, что могло быть одной из причин ее участия в мятеже. В положении кузины короля ей было действительно непросто найти достойного супруга соответствующего титула, потому что для невесты правителей других держав ее титула было недостаточно, а для французских герцогов он был слишком высок³⁴.

³⁰ Анна-Мария Луиза Орлеанская (1627–1693), герцогиня де Монпансье, старшая и единственная дочь герцога Орлеанского от первой жены. Монпансье с рождения имела титул Мадемуазель, который носили незамужние внучки, племянницы и двоюродные сестры короля. Мадемуазель де Монпансье называют «Старшей Мадемуазель» из-за титула «Старший Месье», который носил ее отец Гастон Орлеанский с момента рождения Филиппа, младшего брата Людовика XIV. Первого называли «Старший Месье», так как он был братом Людовика XIII, а второго, брата Людовика XIV – «Младший Месье».

³¹ «Несчастья нашего дома начались сразу после моего рождения, потому что за ним последовала кончина моей матери». Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. T. 1. P., 1858. P. 2. Ее бабушка, Мария Медичи, присматривала за внучкой и любила ее больше своих собственных детей. Впоследствии под свое покровительство ее взяла тетка, королева Анна Австрийская.

³² К ней сватался изгнанный из Англии принц Уэльский, будущий король Карл II, португальский король, но сама герцогиня ценила себя выше. Она рассматривала вариант выйти замуж за императора Священной Римской Империи Фердинанда III, когда тот овдовел. Монпансье решила вести себя таким образом, чтобы соответствовать вкусам своего потенциального супруга. Узнав о религиозности императора, герцогиня принялась укреплять свою веру, и настолько увлеклась этим, что даже подумывала о постриге. Придворные долго скрывали от нее, что император собирается жениться на эрцгерцогине Тирольской.

³³ Мадемуазель пламенно желала этого брака и терпеливо ждала, когда суженый подрастет. «Королева родила сына, и это рождение стало для меня новой радостью; я навещала ребенка каждый день и называла его «мой маленький муж». Montpensier A.-M. Mémoires. P. 42.

³⁴ По тому, как часто Мадемуазель упоминает в своих воспоминаниях принца Конде, и по ее исключительной преданности его лагерю, можно предположить, что она была влюблена в него. Подробнее в основном тексте работы.

Во время Фронды принцесса Монпансье активно включилась в политические и военные события. Вместо того, чтобы плести интриги и вдохновлять на подвиги мужчин, как это делали другие фрондерки, Мадемуазель сама приняла участие в военных действиях, взяла Орлеан и впустила в Париж войска Конде, приказав стрелять из пушек Бастилии по королевским частям. Конечно, после этого можно было позабыть о планах выйти замуж за Людовика XIV, который никогда не простил в полной мере участников Фронды.

После ссылки, в которой принцесса провела 5 лет, в 1657 г. она вернулась ко двору. Она продолжила вести свой литературный салон, начало которому было положено в имении Сен-Фаржо, теперь же он переехал в Люксембургский дворец. Монпансье увлекалась итальянским языком, покровительствовала деятелям искусства, интересовалась флорентийской живописью, коллекционировала картины. Но герцогиня уже не была юна, не имела прежней репутации и популярности у женихов, во Франции ее считали бунтаркой.

Немного позднее ей повстречался гасконский дворянин Антуан Номпар де Комон, граф де Лозен, профессиональный военный и искусный обольститель. Он стал ухаживать за сорокалетней герцогиней из-за ее статуса и денег и преуспел³⁵. В конце жизни Старшая Мадемуазель вела очень набожный образ жизни и встретила смерть как подобает христианке. Мемуаристка умерла в 1693 г. в Люксембургском дворце.

Принцесса принялась за составление «Мемуаров» в 1653 г. в имении Сен-Фаржо и написала их половину во время ссылки. Ее пример разрушает стереотип о том, что мемуары пишут пожилые – на момент начала работы над произведением

³⁵ Де Лозен был беден и не имел высокого титула, но Мадемуазель страстно влюбилась. Людовик XIV сначала дал согласие на их брак, который при дворе расценили как совершенную глупость, но потом взял его назад по совету своей фаворитки мадам де Монтеспан. Из-за оскорбления, которое взбешенный де Лозен нанес де Монтеспан, он 10 лет провел в заточении в крепости Пиньероль. Мадемуазель выкупила его у короля за одно из своих владений. В 1681 г., когда Монпансье было 54 года, она тайно обвенчалась со своим возлюбленным. Их брак не был удачным: де Лозен вел себя с герцогиней непристойно, публично изъяснял ей неуважение, увлекался другими женщинами, разорил ее, и через несколько лет она выгнала мужа. Когда он умер, принцесса даже отказалась присутствовать на его похоронах.

ей было 26 лет. Она во многом вдохновилась примером Маргариты Валуа, прочитав аналогичные воспоминания этой особы. Есть большая вероятность, что принцессу, склонную придавать романтический вид своим поступкам и произведениям, мог также вдохновить недавно вышедший роман госпожи де Скюдери «Артамен, или Великий Кир» (1649–1653 гг.), в котором под вымышленными именами были описаны принц Конде, кардинал де Рец, госпожа де Лонгвиль и другие³⁶. Старшая Мадемуазель трудилась над своим сочинением до 1689 г. и создала уникальное произведение. В отличие от ее современников-мемуаристов³⁷, это было не описание пережитых событий, а история ее собственной личности. Мадемуазель подчеркивает на протяжении всего повествования, что ее «Мемуары» не предназначены для широкого круга читателей. Она была уверена, что написанная ей история не послужит основой для истории официальной, поэтому герцогиня намеренно не пишет об общеизвестных событиях³⁸. Мадемуазель сделала важный шаг в развитии жанра мемуаров, так как она показала, что не только исторические события, но и частная жизнь заслуживает описания в воспоминаниях.

В мемуарах мы можем встретить имена, которые по понятным причинам были изменены, среди прочих имена государственных советников, глав администрации, поверенных Мадемуазель³⁹. Определенную трудность для редактора, А. Шерюэля, составлял небрежный почерк герцогини, который усложнял понимание текста и приводил к искажениям смысла⁴⁰. Хронология воспоминаний герцогини очень условна, но в целом она приурочена к военным событиям. Построение «Мемуаров» герцогини неравномерно: на некоторых годах она не заостряет свое внимание, в то время как на 1652 г. и 1670 г. она основательно останавливается и излагает их с большим количеством подробностей⁴¹.

³⁶ Алташина В.Д. Галантно-героические мемуары мадемуазель де Монпансье // Зарубежная литература. Проблемы метода. Границы литературы в гуманитарном пространстве. Межвузовский сборник. Под. ред. Чамеева А. Вып. 7. 2010. С. 3.

³⁷ Таких как кардинал де Рец, герцог де Ларошфуко, Ги Жоли, граф де Бюсси-Рабютен и др.

³⁸ Например, она не упоминает перечень военных побед герцога Энгиенского зимой 1643 г. Мадемуазель дает понять, что исторические сочинения содержат широко известную информацию, тогда как она запечатлевает то особенное и ценное, что сохранила только ее память.

³⁹ Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. T. 1. P., 1858. P. 5–6.

⁴⁰ Посмотреть автограф мадемуазель можно в Приложении №1.

⁴¹ Мадемуазель описывает особенно важные для нее события – Фронду и роман с де Лозеном.

Оригинальность сочинения герцогини проявляется еще и в том, что она уделила значительное внимание (и значительное количество страниц – около 50) описанию событий своего детства, что совершенно не было характерно для мемуаров той эпохи.

Принцесса была склонна рассуждать о том, чего на самом деле не произошло⁴². Ей свойственна героическая экзальтация, все важные события ее жизни сопровождаются предчувствиями и переживаниями. Напор и энергичность герцогини проявляются в глаголах, которые она употребляла для описания своих действий, к примеру: «я разгорячилась», «я вскарабкалась, как кошка», «перепрыгнула через все изгороди». Эта лексика относится к «орлеанскому эпизоду» – поездке Мадемуазель в фамильные земли для того, чтобы не дать партии мазаринистов подчинить их и распространить там собственное влияние⁴³. Для стиля герцогини характерно внимание к мелким деталям. Она останавливается на таких подробностях, как еда, одежда, сон, обстановка. Именно в этих мелочах заключается дух эпохи, особенности частной жизни того времени. Можно с уверенностью сказать, что именно эти частности и подробности представляют особую ценность в данном произведении. Вольтер сказал про мемуары герцогини де Монпансье следующее: «они принадлежат более женщине, занятой самой собой, нежели принцессе – свидетелю великих событий»⁴⁴. При этом у Мадемуазель не было перед глазами никаких источников, она полагалась только на свою прекрасную память. Однако это было причиной ошибок, неточностей в датировках.

Об истории публикации «Мемуаров» Мадемуазель доступно не так много информации. Первая рукописная копия мемуаров, которую мне удалось найти, относится, как на ней написано, к 1721 г. Этот манускрипт хранится в Национальной библиотеке Франции (Bibliothèque nationale de France – BNF), его отсканированный вариант доступен в электронной библиотеке «Gallica»⁴⁵. Точной

⁴² Garapon J. L'autobiographie d'une princesse du sang // Cahier de l'Association internationale des études française, № 40. 1988. P. 41.

⁴³ Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. P. 360.

⁴⁴ Monnais E. Notice // Mémoires de Mlle de Montpensier. Nouvelle collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis le XIII siècle jusqu'à la fin du XVIII siècle. P., 1854. P. 4.

⁴⁵ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90605243/f2.item> (дата обращения: 11.04.2025).

даты появления документа на этом сайте нет, указан только период с 1601 до 1700 гг. Копиисты совершали множество смысловых ошибок, потому что не могли разобрать почерк герцогини и ее секретаря. А. Шерюэль в вводной статье к «Мемуарам»⁴⁶ упоминает еще публикации 1735 г. и 1746 г. Редакторы этих изданий изменили тяжеловесный стиль принцессы и придали ее тексту более современный вид, что улучшило его понимание. Публикация, которую я использовала для написания кандидатской диссертации, появилась в 1858 г. В предисловии к «Мемуарам» составитель пишет, что пользовался не предыдущими изданиями, а автографом рукописи, сохранившимся в императорской библиотеке. В манускрипте, к несчастью, не сохранилось около сотни страниц в начале рукописи. Шерюэль воспроизвел старинные рукописи с некоторыми поправками, которые он объясняет в комментариях, а также использовал другие источники⁴⁷ той эпохи. Составитель разделил воспоминания по главам⁴⁸ и по годам, выписав в начале каждого раздела краткое содержание последующего текста. Он посчитал нужным воспроизвести в печатном варианте оригинальный стиль мадемуазель де Монпансье и специально не исправлял ошибки. «Мемуары» принцессы являются очень информативным источником по истории межличностных отношений в среде парижского дворянства XVII в. Их оригинальный стиль и авторский подход позволяют проанализировать внутренний мир представительницы изучаемого сословия, рассмотреть его проявления в деталях повседневности, сделать выводы о взаимоотношениях и межличностных связях в дворянской среде во время Фронды.

Кардинал де Рец и его «Мемуары». Жан Франсуа Поль де Гонди, коадьютор парижский, кардинал де Рец (1613–1679) был из семьи флорентийского происхождения⁴⁹. Младшие сыновья в роду стали посвящать себя духовному

⁴⁶ Chérueil A. Avertissement de l'éditeur // Mémoires de m-lle de Montpensier. P. 6.

⁴⁷ Journal d'Olivier d'Ormesson (1643–1649, 1661–1672); Journal de Dubuisson-Aubenay (1648–1653).

⁴⁸ В XVII в. не было принято делать разделение по главам в мемуарах.

⁴⁹ Итальянские предки знаменитого мемуариста занимались коммерцией. Прадед будущего фронтера и мемуариста приехал во Францию в свите Екатерины Медичи, жены Генриха II, которая покровительствовала роду де Гонди и обеспечивала тем самым его возвышение. Дед фронтера, Альбер де Гонди, был удостоен титула герцога де Гонди по принадлежащему ему владению; также он стал пэром Франции и маршалом.

поприщу⁵⁰, к чему был предназначен и фрондер-мемуарист. Гонди, желавший провести свою жизнь ярко, стремился к славе, политическим занятиям, военной службе, светской жизни и удовольствиям. Как выразился Ю.Б. Виппер, «по натуре он был честолюбцем и бунтарем с сильно развитыми авантюристическими и гедонистическими наклонностями»⁵¹. Монашеская жизнь его совершенно не привлекала, чего он и не пытался скрыть⁵². Ораторский талант будущего фрондера ярко проявился в блестящих церковных проповедях, которые помогли ему завоевать признание при дворе. Аббат де Гонди добивался назначения себя коадьютором, заместителем архиепископа Парижского, но получил это звание уже после смерти Ришелье и Людовика XIII из рук Анны Австрийской в 1643 г. Несмотря на сутану, он сражался на дуэлях и ухаживал за светскими дамами⁵³, а проповеди использовал в политических целях. Для его темперамента было вполне логично возглавить Парламентскую Фронду.

Во время Фронды принцев, когда на первый план вышел конфликт двора с Конде, Гонди продолжал играть важную роль в происходящих событиях. Кoadьютор писал мазаринады, сотрудничал с известными литераторами⁵⁴. Однако его деятельность не имела чисто общественно-политического характера, он стал преследовать скорее свои сугубо личные интересы. Современники воспринимали де Реца как «существо беспокойное и невероятно амбициозное», любящее больше

⁵⁰ Начиная с младшего брата Альбера – Пьера де Гонди. Так, дед фрондера был епископом Парижским и кардиналом, а дядя – архиепископом столицы. Так флорентийский род прочно обосновался среди крупных церковных сановников Франции.

⁵¹ Виппер Ю.Б. «Мемуары» кардинала де Реца // Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 651.

⁵² Тем не менее, Гонди выделялся среди учащихся Клермонского коллежа и получил звание лиценциата теологии, несмотря на сопротивление влиятельных недоброжелателей. На диспуте в Сорбонне он получил степень доктора теологии. Постриг Жан Франсуа принял, будучи мальчиком десяти лет, а уже в четырнадцать, в 1627 г., он стал каноником собора Парижской Богоматери.

⁵³ Показательно, что разрыв отношений между ним и Ришелье произошел опять-таки из-за женщины – Гонди вступил за принцессу Гемене, свою возлюбленную, которой всесильный кардинал нанес оскорбление.

⁵⁴ Де Рец написал «Манифест монсеньора герцога де Бофора, генерала армии его Королевского Величества» – сатиру против недалекого «Принца рынков», которая блестяще пародировала его избыточную вульгаризмами речь. В мемуарах де Рец признал авторство семи памфлетов. Считается также, что Гонди написал «Мнение коадьютора об устранении ставленников кардинала Мазарини, выраженное в парламенте 12 июля» и «Независимое мнение относительно поведения господина Кoadьютора», опубликованное анонимно 1 сентября 1651 г. и сразу же приписанное ему молвой. В мемуарах он отрекается от этого памфлета. В этой брошюре высказывается протест абсолютизму, отрицается божественность происхождения монархии и защищаются позиции простого народа. Виппер считает, что отречься от «Независимого мнения» Гонди вынудила двойная политическая игра, которую этот виртуозный интриган вел в то время. В глазах народа он хотел выглядеть старым добрым фрондером, в глазах же двора не хотел обнаруживать резкость своих политических взглядов. (Виппер Ю.Б. Указ. соч. С. 655).

процесс интриги и игры, чем сам выигрыш⁵⁵. Тщеславная погоня за кардинальской шапкой, приближавшая де Реца к партии двора, подрывала его авторитет. Ларошфуко обвинил де Реца в том, что он использовал народное бедствие для того, чтобы стать кардиналом⁵⁶. В сентябре 1652 г. Гонди наконец-то получил долгожданное церковное звание, но двор не мог доверять такому опасному политическому игроку.

19 декабря 1652 г. мемуарист был арестован и заточен в Венсенском замке. Будучи в тюрьме, де Рец ухитрился подписать доверенность и стать после смерти своего брата архиепископом Парижским, чему не смогло помешать правительство. Через 15 месяцев заключения де Реца перевели в Нант под охрану маршала Ла Мейере, которому тот обязался дать слово не бежать. Однако уже через 4 месяца он его нарушил и оказался на свободе. Вместе с доверенными людьми, организовавшими побег, он собрался поехать прямо в Париж, но из-за падения с лошади и вывиха плеча изменил планы и отправился в испанский город Сан-Себастьян. Де Рец направился в Рим, чтобы просить помощи у папы Иннокентия X, не любившего Мазарини. Папа утвердил его в сане архиепископа Парижского и не выдал французским властям. После его смерти в 1655 г. его преемник, Александр VII, не мог противостоять настойчивому давлению Людовика XIV, который требовал ареста де Реца. Кардинал всячески стремился отстоять свои права на сан архиепископа Парижского, действуя с помощью своих доверенных лиц, но число его сторонников все уменьшалось, а папа запретил ему въезд в Рим. В августе 1656 г. де Рец решил под чужим именем покинуть Италию⁵⁷. В это время Гонди сопровождает его секретарь Ги Жоли, который впоследствии написал отнюдь не самый лестный портрет своего хозяина из-за ссоры, которая произошла между ними⁵⁸. Кoadьютор не мог пересечь французскую границу без угрозы быть немедленно арестованным. Скитаясь по Англии, Германии, Голландии, Фландрии, де Рец все равно не был в полной безопасности. Мазарини совершил попытку его

⁵⁵ Цит. по Vertière A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Lille, 1981. P. 51.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Об этом знали лишь его пять доверенных людей, в том числе его секретарь Ги Жоли.

⁵⁸ Подробнее о «Мемуарах» Ги Жоли ниже в обзоре источников.

похищения, но фрондера спас эскорт бывшего противника во время Фронды – принца Конде –, который также был в изгнании.

После смерти Мазарини де Рец примирился с двором, в 1662 г. согласился снять с себя сан архиепископа Парижского в обмен на амнистию нескольким своим друзьям-единомышленникам и доходы с аббатства Сен-Дени, собранные во время его пребывания в ссылке. Несмотря на формальное прощение, кардиналу лишь изредка разрешали появляться в Париже. В столице у него оставался круг старых друзей, в числе которых была мадам де Севинье. Людовик XIV удостоил фрондера несколькими подчеркнуто холодными аудиенциями, но при этом был не против использовать дипломатические способности де Реца, посылая его урегулировать дела французской церкви в Риме.

В 1675 г. де Рец поразил общественность отказом от кардинальской шапки⁵⁹, раздачей своего имущества и началом аскетической жизни. Распустив прислугу, Гонди на правах простого бенедиктинского монаха уехал в близкое к Коммерси аббатство Сен-Мишель к своему духовнику-янсенисту аббату Анри Эннезону⁶⁰. В 1679 г. де Рец умер, совершая утомительную поездку во вверенное ему аббатство Сен-Дени⁶¹. Кардинал де Рец, проигравший как политик, вписал свое имя в историю как литератор.

Как и для многих фрондеров, для него целью создания воспоминаний была потребность в апологии. Де Рец стремился противопоставить свой образ великодушного и бескорыстного политического деятеля Мазарини, которого он рисовал политиканом и интриганом. В «Мемуарах» можно видеть опыт их автора, его мотивацию, размышления, словесные портреты и реалии повседневной жизни во Франции XVII в.

⁵⁹ Папа римский не принял его отказ.

⁶⁰ В этот период жизни Гонди симпатизировал янсенистам и был близок к тому, чтобы разделять их идеи. (Вишпер Ю.Б. Указ. соч. С. 659).

⁶¹ Король-солнце хотел вытравить из памяти французов образ восставшего кардинала-фрондера. Поскольку Людовик XIV запретил сделать памятную надпись на надгробии в Сен-Дени, могилу не осквернили во время Французской Революции.

Точный период работы де Реца над сочинением назвать сложно – это время между 1650-ми гг. (Фронда) и 1679 г. (смерть Гонди). Есть мнение, согласно которому кардинал написал «Мемуары» до отъезда в Италию и до отказа от архиепископства⁶². Считалось, что автор кропотливо работал над манускриптом, вернувшись во Францию после своих скитаний по Европе, то есть в начале 1660-х гг. Но есть факты, которые плохо соотносятся с этой версией⁶³. Бертьер сопоставил упоминавшиеся в «Мемуарах» де Реца факты, события и лица и пришел к выводу о том, что сочинение было написано позднее, в 1675–1677 гг. Сегодня эта датировка является общепринятой. Рукопись была составлена относительно быстро и спонтанно, а не писалась как дневник в течение многих лет. Об этом говорит и размашистый, порывистый почерк манускрипта⁶⁴. Важно учитывать, что между событиями и их описанием прошел большой промежуток времени, автор успел их переосмыслить и сформулировать свое мнение о произошедшем.

Опальный кардинал не имел возможности пользоваться многочисленными источниками для написания своих воспоминаний – его личный архив был секвестрирован во время ареста и заключения. За неимением документов де Рец стремился встречаться с участниками Фронды⁶⁵ во время скитаний по Европе, чтобы получить сведения для повествования. Сам де Рец пишет, что все упоминаемые в его повествовании факты он сверял с реестрами Парламента и парижского муниципалитета. Анализ А. Бертьера показал, что это не так. Прения были изложены де Рецем подробно и в хронологическом порядке, так как он пользовался двумя источниками: «Парламентским дневником» и «Историей нашего времени»⁶⁶, опираясь во всем остальном только на свою память.

⁶² Bertière A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Lille, 1981. P. 49–50.

⁶³ Ги Жоли писал в своих мемуарах, что во время пребывания в Коммерси де Рец (1662–1665 гг.) находился в подавленном душевном состоянии и был склонен к лени и не продвинулся в сочинительстве дальше нескольких страниц, написанных еще в Венсенском замке. Также немаловажно, что знаменитое письмо г-жи де Севинье, в котором она призывает свою дочь г-жу де Гриньян убедить кардинала написать мемуары, относится к 1675 г. (Виппер Ю.Б. Указ. соч. С. 661).

⁶⁴ Посмотреть порывистый почерк кардинала де Реца можно в Приложении № 2.

⁶⁵ Так, в 1658 г. состоялась беседа де Реца с принцем Конде в Брюсселе.

⁶⁶ Первое издание было опубликовано частным предпринимателем отдельными выпусками во время Фронды. Второе сочинение было составлено литератором, близким к тогдашнему коадьютору. В этом сочинении описание парламентских прений было перемешано с памфлетом против Мазарини. (Виппер Ю.Б. Указ. соч. С. 670).

Воспоминания кардинала де Реца можно изучать и как литературный памятник, и как историческое произведение. В них проявляется общая тенденция, характерная для французской прозы XVII в., когда мемуары «сдвигаются» в сторону автобиографии, показывают эволюцию личности героя⁶⁷. Анализируя «Мемуары» коадьютора, нужно иметь в виду эту автобиографическую окрашенность и ее следствие – субъективность. Кардинал писал о тех событиях, участником которых он был, поэтому в них есть подробнейшие отчеты о парламентских дебатах, но нет детального повествования о военных столкновениях между фрондерами и властью, о заключении Вестфальского мира, казни английского короля Карла I. Как и Монпансье, он предоставил историкам возможность заниматься знаковыми событиями, сам же сконцентрировался на том, что было ему действительно интересно.

«Мемуары» де Реца делятся на две части, в первой из которых он рассказывает о семье, юности, успехах в образовании и в отношениях с женщинами, получении высокой церковной должности. Вторая часть посвящена событиям Фронды и рассказу о жизни в ссылке⁶⁸. Интересно, что в начале второй части своего сочинения де Рец рассуждает о том, какими были причины Фронды, что вполне соответствует роли историка, которую примеряли на себя мемуаристы XVII в. Кoadьютор считает, что причины гражданской войны уходили корнями во время правления Ришелье и заключались в сосредоточении власти в руках всемогущего министра и в игнорировании установившихся законов и обычаев, которые эту власть ограничивали. В узурпации власти «министрами-временщиками» де Рец видит покушение на божественную власть монарха, против чего и выступали фрондеры. При этом коадьютор понимал объективную слабость и разобщенность участников Фронды. Виппер считает, что Рец при всей его

⁶⁷ Схожую тенденцию можно наблюдать и в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье, о чем написано выше.

⁶⁸ Первый раздел значительно меньше по сравнению с последующим, а события гражданской войны занимают большую часть второго.

порывистости был дальновидным политиком и умел предсказать перспективы развития той или иной ситуации⁶⁹.

Важнейшее место в «Мемуарах» отведено психологическому анализу поведения окружающих. Де Рец выступает как режиссер; он аранжирует происходящее, выстраивает мизансцены, комментирует действия персонажей. А в том случае, если ему не удавалось осуществить свои планы, Гонди насыщает повествование «картинами возможного, если...». Говоря о других особенностях «Мемуаров» знаменитого фрондера, нельзя не упомянуть его выдающийся ораторский дар и талант рассказчика, который отмечали современники⁷⁰. В качестве примера можно привести эпизод из парламентской деятельности де Реца, когда он прямо во время заседания составил очень изящную речь в свою защиту и даже придумал для ее украшения подходящую цитату на латыни⁷¹.

Анализируя «Мемуары» де Реца, нужно упомянуть о неточностях, искажениях и «замалчиваниях», которые есть в тексте. Действительно, временами де Рец игнорирует неприятные для него факты, чаще всего это происходит при освещении событий, связанных с подъемом Парламентской Фронды. Есть в воспоминаниях и преувеличения. Исследователи с помощью других источников выяснили, что де Рец явно преувеличил свое значение в заговорах против Ришелье, он исказил историю присвоения ему кардинальского звания⁷². Историки XIX и первой половины XX вв.⁷³ были склонны выискивать неточности и ошибки де Реца в изложении событий Фронды и считать его сочинение крайне ненадежным источником. Однако есть мнение о том, что ошибки де Реца – это следствие не его недобросовестности, а его одержимости задачей, так как ему были чужды такие

⁶⁹ Виппер Ю.Б. Указ. соч. С. 674.

⁷⁰ Аббат Шуази, Ларошфуко. Виппер Ю.Б. Указ. соч. С. 678.

⁷¹ «И так как память моя не подсказала мне подходящей к случаю цитаты из древних, я сам сочинил отрывок на латыни, сколь возможно чистой и сходной с классической, и произнес следующую речь...» *«В годину бедствий я не покинул отечества, во времена благоденствия не искал выгоды, в годину отчаяния ничего не убоялся»* (Mémoires du cardinal de Retz. Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Т. 2. 1825. Р. 226; Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 323).

⁷² Во многом де Рец добился кардинальской шапки домогательствами и взятками. Виппер Ю.Б. Указ. соч. С. 671–672.

⁷³ Albert-Buisson F. Le Cardinal de Retz. P., 1954;

Chantelauze R. Le Cardinal de Retz et l'affaire du chapeau. Etude historique, suivie des correspondances inédites de Retz, Mazarin, etc... Т. 1–2. P., 1878; Batiffol L. Biographie du cardinal de Retz. P.: Hachette, 1929.

проявления мемуаров-хроник XVII в., как сухость и эмпиризм⁷⁴. Как я думаю, в его духе было «пококетничать» с читателями, воплотить на бумаге лучшую версию себя, приукрасить автопортрет, чтобы выгодно «осветить» его на фоне многочисленных портретов остальных участников гражданской войны. Сочинение является одним из наиболее объемных и хорошо написанных источников по периоду Фронды, а его автор объективно имел серьезное влияние на события, поэтому часто появлялся на страницах воспоминаний других аристократов изучаемой эпохи. Поэтому интересно узнать его версию несмотря на то, что в ней много «авторского прочтения». Даже если в «Мемуарах» де Рец не всегда правильно приводит фактическую информацию, текст однозначно дает проанализировать его картину происходящего, его взгляд на межличностные отношения дворян во время Фронды, поэтому этот источник является одним из часто цитируемых в данной работе.

Впервые мемуары кардинала де Реца были опубликованы через два года после смерти Людовика XIV в Амстердаме и Нанси, в 1717 г. В 1719 г. вышло уже восьмое издание, что свидетельствовало о безусловном успехе у читателей⁷⁵. Еще одно издание «Мемуаров» кардинала де Реца вышло в 1825 г. в серии «Коллекция мемуаров, относящихся к истории Франции» с комментариями М. Петито⁷⁶.

⁷⁴ Виппер Ю.Б. Указ соч. С. 666.

⁷⁵ При этом авторская рукопись произведения была обнаружена только в годы Французской революции. После смерти Гонди она осталась в монастыре Сен-Мийель, затем перешла к монастырю Монмутье. После 1789 г. она оказалась в руках министра внутренних дел, который поручил ее опубликовать и передал некоему якобинцу П.-Ф. Реолу. Реоль был вынужден покинуть Францию в годы Реставрации и взял манускрипт с собой в Америку, а потом вернулся с ним обратно. Затем рукопись перешла к Национальной библиотеке, где ее обнаружил Шампольон-Фижак. К большому сожалению историков, манускрипт дошел до наших дней не полностью. Первые 258 страниц (примерно 70 страниц в печатном варианте) были вырваны и уничтожены. Ранее исследователи считали, что их изъяли монахи-бенедиктинцы, так как предполагалось, что в начале повествования де Рец писал о бурных похождениях своей молодости. Сейчас исследователи отвергают это предположение, так как для рассказа о юности 258 страниц было бы слишком много, это нарушало бы всю композицию произведения. А. Бертьер считает, что уничтожено было юношеское сочинение Гонди «Заговор графа Жанлуиджи деи Фиески», которое было опубликовано в 1665 г. без согласия и ведома самого автора, а затем в 1682 г., через 3 года после его смерти в отредактированном и политически смягченном виде. Возвращение к своей юношеской работе о борьбе с абсолютизмом могло послужить де Рецу толчком к созданию мемуаров. Эта интересная гипотеза, однако не подтверждена документально. Bertièrre A. Le Cardinal de Retz mémorialiste. P. 1977. P., 680.

⁷⁶ Notice sur le cardinal de Retz // Mémoires du cardinal de Retz. Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. T. 1. P., 1825. P. 84. Воспоминания коадьютора занимают в этой серии тома 44–46. Период Фронды, который мемуарист описывает в сочинении, охватывает 1 и 2 тома (книги 1–4) «Мемуаров» де Реца. Перед текстом «Мемуаров» в издании приведено пространное вступление составителей, в котором содержатся сведения об авторе и о самом произведении. В этом предварительном комментарии сказано, что составители пользовались женеvским изданием 1777 г., которое они посчитали наиболее точным.

«Мемуары» печатались еще восемь раз, пока Шампольон-Фижак не обнаружил рукопись де Реца и не издал ее в 1837 г. в серии «Новое собрание мемуаров, посвященных истории Франции, начиная с XIII века до конца XVIII-го»⁷⁷, выходящей под руководством Ж.-Ф. Мишо и Ж.-Ж.-Ф. Пужула. Полное издание воспоминаний в одиннадцати томах было подготовлено А. Фейе, Ж. Гурдо и Р. де Шантелозом и вышло только в 1870–1920 гг. в серии «Великие французские писатели»⁷⁸. Это было наиболее целостное и авторитетное издание, на которое опирались все последующие, поэтому им я пользуюсь в своем исследовании. В XX в. «Мемуары» были изданы еще несколько раз⁷⁹, а всего во Франции сочинение выходило в свет около 30 раз. Перевод «Мемуаров» на русский язык был сделан Ю. Яхниной и появился в 1997 г.⁸⁰.

Герцог де Ларошфуко и его «Мемуары». Герцог де Ларошфуко, принц де Марсийяк, маркиз де Гершевиль, граф де Ларошгийон, барон де Вертей (1613–1680) получил при рождении имя Франсуа VI и до смерти отца в 1650 г. он по традиции своего рода носил имя принца де Марсийяка. Род де Ларошфуко восходил к XI в., и он считался во Франции одним из наиболее древних⁸¹.

Принц де Марсийяк был принят ко двору в 1630 г. и скоро попал на поля сражений Итальянских походов Тридцатилетней войны. После неосторожных высказываний о неудачной военной кампании в 1635 г. молодой принц и некоторые

⁷⁷ Mémoires du cardinal de Retz / éd. MM. Champollion-Figeac et Aime Champolion-fils. P., Bobbee, 1837. Nouvelle collection des Mémoires pour servir à l'histoire de France, depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe / éd. J.-F. Michaud et J.-J.-F. Poujoulat. T. XXV.

⁷⁸ Oeuvres du Cardinal de Retz / Ed. A. Feillet, J. Gourdault et R. de Chantelauze. P., Hachette. 1870–1920. 10 vol. (Mémoires. T. 1–5. 1870–1880). Grands écrivains de la France.

⁷⁹ Cardinal de Retz. Mémoires / Ed. M. Allem. P., Gallimard. 1939. Bibliothèque de la Pléiade; Cardinal de Retz. Oeuvres / Ed. établie par Marie-Thérèse Hipp et Michel Pernot. P., Gallimard, 1984. Bibliothèque de la Pléiade; Cardinal de Retz. Mémoires / Ed. S. Bertière. P., Garnier. 1987. 2 vol. Classiques Garnier.

⁸⁰ В отличие от многочисленных французских изданий, оно включает в одну книгу все воспоминания кардинала, разделяя их на три части, которые не совпадают с книгами во французском варианте. Период Фронды описан во второй части. Издание сопровождается несколькими важными для исследования статьями Ю.Б. Вишпера, который принимал участие в переводе, послесловием переводчика, многочисленными примечаниями и иллюстрациями. Статьи содержат большое количество информации о биографии автора источника, анализ особенностей его стиля. Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997.

⁸¹ Короли называли его представителей своими «дорогими кузенами» и давали им потомственные титулы графа (при Франциске I), затем герцога и пэра (при Людовике XIII). Франсуа III исповедовал протестантскую веру и был убит в Варфоломеевскую ночь, Франсуа IV погиб по вине Католической лиги. Отец мемуариста подумал о своем будущем и перешел в католичество, что позволило ему сделать успешную карьеру при дворе. Разумовская М.В. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко // Франсуа де Ларошфуко. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 237–238.

его соратники были отправлены в родовые поместья из действующей армии⁸². В 1637 г. принц Марсийяк вместе с Ларошфуко-старшим появился в Париже и вскоре снова вызвал гнев властей⁸³ – на этот раз за помощь Анне Австрийской он был заключен в Бастилию, как и автор других источников для работы, Бюсси-Рабютен. В Бастилии он нашел друзей по несчастью, амбициозных дворян, которых не устраивала политика Ришелье. Правда, пробыл в заключении герцог всего неделю благодаря действиям отца и друзей.

После смерти Ришелье в 1643 г. принц Марсийяк, как и многие сосланные при кардинале дворяне, вернулся в столицу в надежде на милости королевы за прежние заслуги перед ней, однако место старых друзей в сердце Анны Австрийской занял Мазарини. Ларошфуко вместе с Шеврез и Бофором принял участие в заговоре Высокомерных, а потом снова оказался в пучине военных действий под предводительством принца Конде. В этот период будущий фрондер сблизился с семейством Конде и вступил в связь с герцогиней де Лонгвиль, а с началом Фронды вступил в ряды «бунтовщиков». Злые языки говорили, что между королевой и Ларошфуко была по крайней мере дружеская связь, и злость на Анну Австрийскую и ее любимца Мазарини толкнула принца Марсийяка в лагерь фрондеров. Другие считали, что он притворялся влюбленным в герцогиню де Лонгвиль, используя ее страсть. Третьи утверждали, что именно любовь к Лонгвиль способствовала его вступлению в гражданскую войну. Согласно мнению доброжелателей герцога, Марсийяк вступил в лагерь фрондеров, потому что считал поправленными свои дворянские права и привилегии, а значит и благополучие Франции⁸⁴. Как многие

⁸² После военной кампании принцу не разрешили провести зиму при дворе, и он должен был уехать к отцу в Вертей. Положение Ларошфуко отягощала его политическая ориентация при дворе; герцог встал на сторону Анны Австрийской и не раз высказывал ненависть к кардиналу Ришелье, который способствовал изгнанию его отца из придворного общества. Вполне вероятно, что Марсийяк помогал королеве передавать письма ее верным друзьям, был охранником и компаньоном королевы в ее романтических встречах.

⁸³ В это время, когда шла война с Испанией, при дворе разгорелся скандал вокруг найденного в Валь-де-Грасе письма Анны Австрийской к ее брату, испанскому королю. Юный принц хотел сообщить фаворитке Анны герцогине де Шеврез об обыске королевы и угрозе развода августейшей четы, но за ним пристально следили люди Ришелье. В «Мемуарах» герцог упоминает о двух часословах, в красном и зеленом переплетах, которые Анна могла прислать своей подруге в критический момент. Один из них означал, что дела идут хорошо, другой – что все пропало. Кто-то из посыльных отправил не тот часослов, и интриганка пустилась в бег. Принц Марсийяк дал герцогине своих лошадей, когда та проезжала мимо его поместья. За помощь герцогине де Шеврез при ее побеге в Испанию он был заключен в Бастилию.

⁸⁴ Стогова А.В. Загадочный Ларошфуко // Новая и новейшая история № 3. 1999. С. 206.

дворяне его времени, Марсийяк испытывал любовь к приключениям. Намеки, породившие все эти версии, можно найти в воспоминаниях герцога.

Без королевского дозволения фрондер покинул свое губернаторство Пуату и приехал в Париж к восставшим. После ареста принцев он вернулся в Пуату и стал собирать армию для вооруженного сопротивления. Ларошфуко объединил свое войско с другими фрондерскими подразделениями и отправился в Бордо – город, находящийся близко к испанской границе. Когда королевские войска подошли к Бордо, Ларошфуко возглавил его оборону. За это он был лишен губернаторства и получил приказ отправляться в родовой замок Вертей.

Неудачи и финансовые потери Ларошфуко воспринял бесстрашно, а когда Конде отделился от остальных фрондеров и продолжил гражданскую войну, герцог продолжал сохранять верность его лагерю, как и принцесса Монпансье. Это поведение не было типичным для дворянина во время Фронды: к примеру, де Рец и герцог Орлеанского без остановки метались между лагерями. С другими группировками внутри фрондерского лагеря он тоже не мог сойтись, потому что рассорился со всеми, кроме принца де Конде⁸⁵.

Ларошфуко отличился в подробно описанной Монпансье битве в Сент-Антуанском предместье Парижа 2 июля 1652 г. Герцог получил серьезное ранение в лицо мушкетной пулей и вынужден был заняться восстановлением пошатнувшегося здоровья. В 1652 г. на время ослепший и прикованный к постели⁸⁶ Ларошфуко все же не согласился сложить оружие, и за это его имущество было конфисковано; только после окончания Фронды в 1653 г. ему разрешили удалиться в его поместье, разоренное королевскими солдатами. По окончании Фронды

⁸⁵ Стогова А.В. Указ. соч. С. 206–207.

⁸⁶ Мадемуазель де Монпансье пишет, что Ларошфуко был ранен мушкетом в лицо: «пуля прошла между носом и глазом, все лицо было в крови, оба глаза были повреждены». С поля боя герцога выводил преданный Гурвиль. Ларошфуко в дальнейшем шутил над своим ранением. Рассказывают, что он написал внизу одного из портретов мадам де Лонгвиль следующие стихи:

«Чтобы завоевать ее сердце, чтобы понравиться ее красивым глазам,
Я воевал с королями; я бы воевал с богами».

Позднее, когда Лонгвиль изменила ему, он написал пародию на эти стихи:

«Чтобы завоевать ее сердце, которое наконец я знаю лучше,

Я воевал с королями; я потерял глаза». Montpensier A.-M. *Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV*. T. 2. P., 1858. P. 97.

Ларошфуко, как и многие другие мемуаристы середины XVII в., отправился из Парижа в ссылку в Ангумуа.

В 1656 г. Ларошфуко возвратился из ссылки в Париж; он не появлялся при дворе, зато прослыл завсегдатаем литературных салонов мадам де Сабле, мадам Рамбуйе, мадемуазель де Скюдери. Королевская семья забыла прошлые обиды и полностью амнистировала бывшего фрондера. Ларошфуко получил пенсию в размере 8 тыс. ливров в 1659 г., а в 1661 г. – орден Святого Духа. Король-солнце оказывал герцогу пристальное внимание, даже приглашал его во время визитов присесть рядом со своей фавориткой де Монтеспан. Однако Ларошфуко такими почестями тяготился, редко бывал при дворе. В отличие от Бюсси-Рабютена, он не испытывал нужды, ему хватало средств от пенсии и ссуд от его бывшего слуги Гурвиля⁸⁷. За год до смерти Ларошфуко предложили место члена Французской академии, но он отказался, не желая произносить хвалебную речь ее создателю, кардиналу Ришелье. Ларошфуко умер 17 марта 1680 г. в своем парижском особняке.

Ларошфуко начал писать «Мемуары» в «праздности опалы» в 1650-х гг. в провинции Ангумуа. Они были предназначены для узкого круга друзей, автор не предполагал и не хотел их обнародования. Как и многие аристократы XVII в., Ларошфуко не считал себя профессиональным писателем, а если и называл себя так, то в шутку. В 1661–1662 гг. был завершён основной текст «Мемуаров», рукопись которых Ларошфуко давал почитать нескольким друзьям⁸⁸. Герцог показал мотивацию поступков дворян-фрондеров, причины, которые побудили их выступить против власти кардинала и придворного общества, связь между

⁸⁷ Бывший слуга Ларошфуко Гурвиль разбогател вместе с Николя Фуке и получил руку старшей дочери своего бывшего хозяина. Многие современники и исследователи считали, что только по глупости Ларошфуко не сделал карьеры при дворе, потому что сначала он поддерживал королеву и даже попал из-за этого в свою первую ссылку, а потом боролся против нее во время Фронды, ведь Анна Австрийская безусловно встала на сторону кардинала. Характер де Ларошфуко остается загадкой для исследователей его творчества и сегодня. Одни считают его циником, другие идеалистом, третьи – идеалом «*honnête homme*» (честного человека). Стогова А.В. Указ. соч. С. 199.

⁸⁸ Композиционно произведение состоит из шести частей: 1 и 2 части повествуют о молодости герцога, 3–6 части представляют собой интерпретацию герцогом событий Фронды и своего в них участия. Сначала Ларошфуко написал о Фронде, а потом о более раннем периоде своей жизни. В первых двух частях автор говорил о себе в первом лице, в частях, посвященных событиям Фронды, – в третьем.

дворянством и третьим сословием. Жизненный опыт Ларошфуко преобразовался в его собственную философию. Опираясь на «Мемуары», он изложил основные положения концепции в «Максимах»⁸⁹.

Свои поступки мемуарист хотел вписать в историю Франции, он надеялся показать, что они были осуществлены не ради себя, а ради других. Ларошфуко не ставил свою личность в центр повествования «Мемуаров», в очередной раз подчеркивая отсутствие эгоизма. Этим он существенно отличается от мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца, из которых первая писала героический роман, а второй – апологию. Герцог ведь даже не писал о событиях гражданской войны от первого лица, а называл себя «принц Марсийяк» или «герцог Ларошфуко». Сквозь повествование красной нитью проходит горькое разочарование в товарищах по гражданской войне, которые с легкостью меняли лагеря и соратников.

Ларошфуко писал только о тех событиях, в которых принимал участие и старался быть объективным. В «Мемуарах» де Ларошфуко нет неприглядных портретов врагов и недоброжелателей, хотя порой автор прямо высказывал неприязнь по отношению к де Рецу, де Бофору и другим фрондерам. Ришелье Ларошфуко ненавидел, считал узурпатором, но отдавал должное его мудрой политике и ее значению для государства. Большое внимание он уделял любви и дружбе как понятиям, противоположным эгоизму, поэтому его воспоминания особенно интересны как источник по межличностным отношениям.

История издания «Мемуаров» герцога началась со скандала. Как и в случае с «Любовной историей галлов» Бюсси-Рабютена, о которой речь далее в обзоре, рукопись попала в руки типографов сначала в Руане, потом в Брюсселе и без согласия автора была издана. Как и в случае с «Любовной историей», произведение вызвало скандал, но не такой масштабный. В Руане в 1662 г. издатель опубликовал воспоминания в сильно измененном виде; о расшифровке аббревиатуры «M.D.L.R»

⁸⁹ Ларошфуко Франсуа де. Мемуары. Максимумы. М., 1971; *Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes mémoires et lettres.* P., 1865.

все быстро догадались⁹⁰. Похожая книга вышла и в 1663 г⁹¹. Ларошфуко обратился с жалобой в парламент и отказался от авторства, в результате чего книгу запретили. В 1664 г. в Нидерландах появилось издание «Мемуаров», одобренное их автором. В 1665 г. с согласия автора появилось парижское издание, включавшее «Мемуары» и частично «Максимы». В XVII в. сочинения герцога издавались несколько раз; в издании 1678 г. максим стало более 500, в то время как в первом издании было около 300. В 1690 г. под авторством Ларошфуко появилось повторное издание «Мемуаров по периоду малолетства Людовика XIV»⁹². В начале XVIII столетия снова появилось издание со знакомой нам аббревиатурой «M.D.L.R.»⁹³. Впоследствии «Мемуары» де Ларошфуко много раз издавались во Франции на протяжении XVIII, XIX и XX вв⁹⁴. В 1865 г. вышло полное собрание сочинений герцога, которое используется в работе⁹⁵. Выбор этого издания объясняется тем, что наиболее важные для диссертации произведения автора собраны в одной книге без деления на несколько томов, что облегчает чтение.

Интерес к наследию и личности де Ларошфуко пробудился в среде историков еще в XVIII в. Исследователи пытались разрешить «загадку» характера герцога и его взглядов на жизнь, оценить масштаб его личности на фоне истории Франции и

⁹⁰ Memoires de M. D. L. R. Sur les Brigues à la mort de Louys XIII. Les Guerres de Paris & de Guyenne, & la Prison des Princes Apologie pour Monsieur de Beaufort. Memoires de Monsieur de La Chastre. Articles dont sont convenus Son Altesse Royale & Monsieur le Prince pour l'expulsion du Cardinal Mazarin. Lettre de ce Cardinal à Monsieur de Brienne. Rouen, 1662.

⁹¹ Mémoires de M. D. L. R. sur les brigues à la mort de Louys XIII ; Les guerres de Paris & de Guyenne & la prison des Princes ; Articles dont sont convenus son Altesse royale & Monsieur le Prince (Reprod.). 1663.

⁹² Mémoires de la minorité de Louis XIV : corrigez sur trois copies differentes, & augmentez de plusieurs choses fort considérables, qui manquent dans les autres éditions : avec une préface nouvelle, qui sert d'indice et de sommaire (Reprod.) / [François de La Rochefoucauld]. Villefranche, 1690.

⁹³ Memoires de M. D. L. R. sur les brigues à la mort de Louis XIII. Les guerres de Paris. Et la Prison des Princes. Contenant aussi les Memoires de Monsieur de la Chastre. Les Articles, dont sont convenus son Altesse Royale & Monsieur le Prince pour l'expulsion du Cardinal Mazarin. Apologie pour Monsieur de Beaufort. Lettre du Cardinal à Monsieur de Brienne]. Tome 1–2. Amsterdam, 1710.

⁹⁴ К примеру, La Rochefoucauld, François de. Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. 52, Mémoires de la Rochefoucauld, T. II. P., 1826; Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. 3, Mémoires de François de Paule de Clermont,... : contenant l'histoire de la guerre entre la France et la maison d'Autriche durant l'administration du cardinal de Richelieu et du cardinal Mazarin, sous les règnes de Louis XIII et de Louis XIV, depuis la déclaration de la guerre en 1635, jusques à la paix des Pyrénées en 1660. Mémoires de La Rochefoucauld. Mémoires de Jean Hérault de Gourville. P., 1838; La Rochefoucauld, François de. Oeuvres de La Rochefoucauld, précédées d'une notice sur sa vie et le caractère de ses écrits. Maximes, mémoires et lettres. P., 1875; Oeuvres de La Rochefoucauld. [Mémoires]. Nouv. éd. revue sur les plus anciennes impressions et augm. de morceaux inédits, de variantes, de notices, de notes, de tables particulières pour les "Maximes" et pour les "Mémoires", d'un lexique des mots et locutions remarquables, d'un portr., de fac-sim. Tome 1–3. P., 1923.

⁹⁵ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865.

понять, был ли он циником на самом деле. О герцоге писали и в историческом словаре Морери⁹⁶. Серьезные научные труды о герцоге появились в XIX в. после публикации полного собрания его сочинений⁹⁷. Наиболее полную научную биографию написал американский исследователь XX в. М.Бишоп⁹⁸. «Мемуары» Ларошфуко были переведены на русский язык в 1971 г.⁹⁹ Их подготовили советские исследователи-литературоведы А.Бобович, Э.Липецкая, М.Разумовская и Н.Рыкова. Книга была переиздана в 1993 г. В 2007 г. появилось еще одно русскоязычное издание сочинений герцога, которое подготовил примерно тот же коллектив исследователей¹⁰⁰.

«Мемуары» графа де Бюсси-Рабютена. Роже де Рабютен, граф де Бюсси¹⁰¹ (1618–1693) был остроумнейшим литератором XVII в., участником Фронды, а также военным деятелем и членом Французской академии. О его личности известны противоречивые вещи: с одной стороны, он был человеком благородным и отличался большим умом, с другой стороны, Бюсси-Рабютен имел репутацию либертена¹⁰². Мемуарист называл себя одним из «великих страдальцев» рода человеческого, перечень которых восходит к ветхозаветному Иову многострадальному¹⁰³. Граф столкнулся на своем жизненном пути и с Бастилией, и с неудачами во время Фронды, и с бедностью. С деньгами, вернее, с их отсутствием были связаны наиболее неловкие моменты в жизни мемуариста. Стремясь получить

⁹⁶ Moreri L. Le grand dictionnaire historique. 18-eme ed, v. 7. Amsterdam - Leyden - La Haye - Utrecht, 1740, P. 147–148, 153. Цит. по Стогова А.В. Загадочный Ларошфуко // Новая и новейшая история. № 3. 1999

⁹⁷ Биографии де Ларошфуко написали Ш.-О. Сент-Бев, Ж. Бурдо, Ф. Эмон. Sainte-Beuve C.-A. La Bruyère et La Rochefoucauld, Mme de La Fayette et Mme de Longueville. P.: impr. de H. Fournier et Cie. 1842; Bourdeau J. La Rochefoucauld. P.: Hachette. 1895; Hémon F. La Rochefoucauld. P., 1896.

⁹⁸ Bishop M. The Life and Adventures of La Rochefoucauld. New York, 1951.

⁹⁹ Ларошфуко Франсуа де. Мемуары. Максимы. М., 1971.

¹⁰⁰ Ларошфуко Франсуа де. Максимы и размышления. Мемуары. М., 2007.

¹⁰¹ Род Бюсси был древним и именитым, первое упоминание о нем восходит к XII в. Среди предков литератора были историки, кавалер Ордена Золотого Руна, успешные военные деятели. Роже был третьим сыном в семье, что было большой неудачей в XVII в., так как первый сын должен был строить военную карьеру, второй – духовную, а третий оставался не у дел. Между тем, в семье произошли значительные изменения, два старших брата Роже умерли, поэтому сначала будущего мемуариста определили в рыцари Мальтийского ордена, а затем на военную службу.

¹⁰² Широкою огласку имел случай, когда граф похитил вдовствующую мадам де Мирамьон и привез свой замок. Ее семья (Бонно) затеяла судебный процесс против похитителя, который продолжался два года. Однако эта история выглядит совершенно иначе, если учитывать тот факт, что Бюсси хотел предложить женщине свою руку и попросил ее духовника сказать мадам об этом. Духовник передал графу просьбу женщины о похищении, но как оказалось позднее, она ничего не знала о намерениях Бюсси-Рабютена и ничего ему не передавала. Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов. М., 2010. С. 192.

¹⁰³ Там же. С. 187.

деньги, Роже то грабит отца, получая деньги от его кредитора, то вступает в брак, то похищает богатую вдовушку. Из-за амурных приключений граф в первый раз попал в Бастилию: увлекшись женщиной, он последовал в ее владения, оставив своих солдат творить бесчинства во время его отсутствия.

Вполне естественно, что аристократ такого склада характера принял участие во Фронде. Во время гражданской войны он, как и многие его современники, занял неоднозначную политическую позицию и метался из одного лагеря в другой. Сначала он вместе с принцем Конде выступил на стороне короля и принял участие в осаде восставшей столицы, затем поддержал Конде против Мазарини, а в конце Фронды (1651 г.) снова оказался в правительственной партии. «Метания» Бюсси между кондеанцами и мазаринистами¹⁰⁴ объяснялись как личностными, так и материальными факторами¹⁰⁵. За услуги для двора в конце гражданской войны граф был удостоен очень престижной должности командующего королевской легкой кавалерией. В отличие от других действующих лиц, работы которых я использую в диссертации, Бюсси-Рабютен улучшил свое положение после Фронды, а не оказался в тюрьме или в ссылке, но все равно испытывал нужду¹⁰⁶.

Далее начались серьезные скандалы вокруг репутации Бюсси-Рабютена, предметами которых стали «дебош в Руасси» и «Любовная история галлов». В 1659 г. Бюсси принял участие в сомнительном празднестве, организованном герцогом де Вивонном в его поместье в Руасси перед Пасхой. Там собрались либертены высшего общества, в том числе племянник Мазарини Манчини, а также Гиш и Маникан, имевшие репутацию гомосексуалистов. По словам Бюсси, молодые люди мирно проводили время на охоте, однако слухи об этом происшествии были совершенно иными: участники не на шутку боялись гнева двора. Говорили, что участники праздника устраивали оргии, пели богохульственные песни, крестили

¹⁰⁴ Кондеанцами называли участников партии принца Конде, мазаринистами – сторонников Мазарини. Подробнее о названиях партий Фронды см. главу 1 «Конфликты французских дворян во время Фронды: личные отношения и политика», § 1.1 Партии Фронды: фрондеры, мазаринисты, кондеанцы».

¹⁰⁵ Подробнее см. главу 1 «Конфликты французских дворян во время Фронды: личные отношения и политика», § 1.2 «Конфликты внутри партии».

¹⁰⁶ Бюсси-Рабютен двадцать лет верно служил короне в армии, но все еще не имел постоянного места, которое бы могло дать ему доход. В 1656 и 1658 гг. Граф обращался с просьбой к Мазарини выделить ему губернаторство, но дважды получил отказ.

лягушек, а также убили человека и зажарили его ногу. И это в эпоху, когда вкушение мяса во время поста считалось скандальным! За «дебош в Руасси»¹⁰⁷ Бюсси был изгнан в его бургундское поместье.

В 1665 г. разразился новый скандал, в этот раз вокруг его эротического романа «Любовная история галлов», в котором под вымышленными именами автор высмеял придворных и их нравы. Однако многие имена несложно расшифровать любому, кто интересуется эпохой Людовика XIV¹⁰⁸, поэтому придворные с легкостью узнали свои портреты. Кроме этого, ключ с указанием имен был напечатан как приложение к голландскому изданию. Возмущение двора дошло до такого предела, что литератор не выходил на улицу без оружия на случай нападения, а ночью его сопровождали вооруженные слуги.

По приказу короля Бюсси-Рабютен был заключен в Бастилию более чем на год, при этом ему было запрещено писать и получать письма, выходить из камеры на прогулку и принимать посетителей. Несмотря на слезные мольбы, Людовик оставался непреклонен, более того, он заставил узника отказаться от военной должности. Бюсси был вынужден в конце 1665 г. продать свою должность на 18 000 фунтов дешевле, чем он ее купил¹⁰⁹. Бюсси тяжело заболел и едва не умер. Его освободили и разрешили уехать в изгнание в бургундское поместье. В изгнании литератор все еще жил иллюзиями и ждал приглашения ко двору, но только в 1691 г. король выделил аристократу долгожданную пенсию в размере 4000 ливров¹¹⁰.

Воспоминания Бюсси-Рабютена охватывают период с рождения графа до ссылки из Парижа (1618–1666). Литератор начал работать над ними во время заключения, как и многие другие фронтеры, однако сослан он был в середине 1660-

¹⁰⁷ Некоторые подробности упомянутого эпизода Бюсси-Рабютен включил в «Любовную историю галлов»: например, непристойные песни и утреннее пробуждение де Гиша и Маникана в одной постели.

¹⁰⁸ К примеру, принц Конде в «Любовной истории» назван «принцем Тиридатом», герцог Шарль Амедей де Немур – «Амедеем», Анна Австрийская – «Королевой-матерью» и так далее. По ключу, составленному Т.О.Кожановой. Бюсси-Рабютен. *Любовная история галлов*. М., 2010.

¹⁰⁹ Blanquie C. *Bussy-Rabutin ou la Cour en exil* // Cahiers Saint Simon, № 24. 1996. P. 59.

¹¹⁰ Ibid. P. 62.

х гг., а не в середине 1650-х гг. Повторюсь, что причиной опалы было не участие во Фронде, чем он отличается от многих других авторов источников исследования, а скандалы из-за его вольностей. Среди прочего Бюсси описывал события Фронды, которые произошли более 10 лет назад к моменту начала работы над сочинением, поэтому участник событий мог уже многое забыть. Бюсси работал над «Мемуарами» в Бастилии с апреля 1665 по май 1666 г., затем дописывал книгу по время пятилетней ссылки в Бургундии. Французский исследователь Д.-А.Венсан считает, что Бюсси вносил в нее дополнения и позднее, до 1680 г¹¹¹.

Целью написания воспоминаний Бюсси было прежде всего оправдаться перед королевским двором, показать свою верность мазаринистам во время Фронды, обратить внимание на несправедливости, которые на него обрушились, развеять предубеждение, связанное с ним. Бюсси-Рабютен, ссылаясь на «Мемуары», неоднократно предлагал Людовику XIV свои услуги как историографа¹¹². Автор, обращаясь к сыну, так объясняет цель написания сочинения: «...когда отец отправил меня в армию, я записывал свои кампании, чтобы лучше запомнить, что там происходило. Вплоть до настоящего момента я поступал так с единственной целью – развлечься, я даже записывал незначительные занятия. Тем временем несчастья придали моей жизни большую значимость, и я решил ее описать; праздность моего заключения дала мне возможность осуществить это»¹¹³.

Бюсси-Рабютен писал «Мемуары» от первого лица, как де Рец и мадемуазель де Монпансье. В отличие от большинства мемуаристов, Бюсси, по-видимому, не стремился создать свой идеальный образ, хотя много писал о себе и хотел заслужить прощение монарха. Спорные моменты своей биографии он старался получше осветить, показать со своей точки зрения, опровергнуть клевету недоброжелателей. Он не стеснялся рассказывать об эмоциях и страхах, о неприглядных поступках. Например, он честно написал об испуге, когда «мятежники» из оппозиционного лагеря напали на него и взяли под стражу, грозя

¹¹¹ Vincent D.-H. Introduction // Bussy-Rabutin, comte de. Mémoires. Paris, 2010. P. 11.

¹¹² Blanquie C. Bussy-Rabutin... P. 61.

¹¹³ Bussy-Rabutin R. comte de. Mémoires. P. 31.

повесить¹¹⁴. Другой пример: Бюсси начинает описывать события 1650 г. с сожаления о том, что он отошел от партии двора. Мемуарист считает этот поступок изменой короне, но видит своим долгом рассказывать без купюр: «...я охотно вычеркнул бы это время из истории моей жизни..., но надо сказать все»¹¹⁵. Установка на правдивость была для него принципиально важной, отмечает исследовательница творчества Бюсси-Рабютена С.Ю. Павлова, и я согласна ее мнением¹¹⁶.

«Мемуары» Бюсси-Рабютена находятся на стыке нескольких жанров. Воспоминания содержат интересные рассказы о военных кампаниях, любовных приключениях, уличных боях. Бюсси удачно встраивал в текст афоризмы, стихи, портреты и письма. «Тональность» воспоминаний сильно отличается от злой сатиры «Любовной истории галлов»¹¹⁷. Письма также удачно дополняют произведение и показывают отношения автора с его родственниками и друзьями. Стил «Мемуаров» Бюсси взвешенный, при этом выразительный и изящный. Автор не использовал в тексте воспоминаний вычурных конструкций и сложных сравнений или эпитетов, которые характерны для «Любовной истории галлов». Язык этих двух произведений заметно различается, хотя оба они не были предназначены для широкой публики.

Публикация воспоминаний графа была осуществлена посмертно. Первое издание «Мемуаров» Бюсси-Рабютена появилось в Париже в 1696 г. у издателя Жана Аниссона¹¹⁸. В XVII в. в Париже вышло и второе издание, в 1698 г.¹¹⁹. – этой версией я пользовалась для написания работы. Сочинение Бюсси-Рабютена

¹¹⁴ «Я никогда не видел смерти так близко и, по моему мнению, она никогда не была такой неизбежной, как в этой встрече. Однако я отделался ударом по голове». Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. T.1. P., 1698. P. 226–227.

¹¹⁵ Ibid. P. 237.

¹¹⁶ Павлова С.Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена // Известия Саратовского университета. 2012. С. 42.

¹¹⁷ Как отметила В.Д. Алташина, «...его сатирический дар, известный по предыдущим произведениям, здесь совсем не проявляет себя, в его произведении не встретишь острого словца или едкой иронии».

Алташина В.Д. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.). СПб., 2005. С. 47.

¹¹⁸ Les mémoires de messire Roger de Rabutin, comte de Bussy, lieutenant général des Armées du Roi. T. 1, P., 1696.

¹¹⁹ Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. T. 1–2. P., 1698. Выбор объясняется исключительно его доступностью – в электронной библиотеке «Gallica» открыто для просмотра только это издание.

несколько раз издавали в XVIII¹²⁰ и в XIX¹²¹ вв. В наше время «Мемуары» также привлекали внимание издателей литературных памятников¹²².

В «Мемуарах» Бюсси часто жалуется на наветы недоброжелателей, несправедливость принца Конде, происки конкурентов, отказы предоставить пенсии и должности, что дает исследователю материал для изучения спорных ситуаций и конфликтов между аристократами во время Фронды. «Мемуары» Бюсси интересны тем, что автор много пишет о себе и родственниках, рассказывает о взаимоотношениях в семье, о взаимопомощи и участии в гражданской войне. Приведенные письма позволяют изучить «источник в источнике», обратить внимание на то, как члены фамилии общались, о чем просили друг друга, какие сведения считали нужным передать.

«Мемуары» Ги Жоли. Еще одним источником для кандидатской диссертации послужили «Мемуары» Ги Жоли (?–1678), парламентского магистрата и бывшего секретаря кардинала де Реца. Жоли не был персонажем первостепенной значимости во время Фронды, поэтому многие исследователи и составители сборников текстов по периоду Фронды его биографию проигнорировали¹²³. Сведения о биографии автора и его сочинении я почерпнула только из анонимных заметок редакторов «Мемуаров» Жоли 1825 г¹²⁴. и 1838 г¹²⁵. Молодые годы Жоли были связаны с коадьютором, у которого парламентарий служил секретарем. Вероятно, познакомил их дядя мемуариста Клод Жоли, чтобы получше устроить своего родственника¹²⁶.

¹²⁰ Les Mémoires de messire Roger De Rabutin, comte de Bussy. Lyon, 1712; Les Memoires de messire Roger De Rabutin, comte de Bussy, ... Nouvelle edition, revue, corrigée & augmentée sur un manuscrit de l'auteur. Amsterdam, 1731; Memoires secrets de M. le comte De Bussy-Rabutin, contenant sa vie publique & privée, ses aventures galantes,... et les événemens les plus interessans de l'Europe, depuis l'année 1617 jusqu'en l'année 1667. Amsterdam, 1768.

¹²¹ Mémoires de Roger de Rabutin, comte de Bussy ...nouvelle édition revue sur unmanuscrit de famille augmentée de fragments inédits. P., 1857.

¹²² Mémoires de Roger de Rabutin, comte de Bussy: Préface, des notes et des tables par Ludovic Lalanne. Т.1–2. P., 2002–2004; Mémoires de Bussy-Rabutin, Roger de. P., 2012.

¹²³ Мне не удалось найти статей об этом персонаже иностранных или отечественных исследователей. Я не могу назвать имена его ближайших родственников, не имею сведений о том, был ли он женат, имел ли детей, сколько ему было лет, когда началась Фронда. К моему прискорбию, я даже не знаю дату рождения фрондера. Возможно, эти сведения приведены в современных изданиях воспоминаний Жоли, но доступ к ним сейчас ограничен по понятным причинам. Ги Жоли был советником Шатле в Париже. Единственный член его семьи, о котором достоверно известно – это его дядя Клод Жоли, каноник Собора Парижской Богородицы, сыгравший важную роль в судьбе племянника.

¹²⁴ Joly G. Mémoires // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Т. 47, P., 1825.

¹²⁵ Joly G. Mémoires // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. Т. 3, P., 1838.

¹²⁶ Notice sur Guy Joly, et ses Mémoires // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Т. 47, P., 1825. P. 3.

Судя по всему, господин и секретарь близко общались; де Рец называл Жоли на «ты»¹²⁷ и устраивал у него дома свидания с дамами¹²⁸. Секретарь де Реца в некотором отношении был «спичрайтером» Парламентской Фронды. Читая текст «Мемуаров», несложно поверить, что Жоли помогал господину составлять знаменитые пламенные речи¹²⁹. Также Жоли были поручено печатать памфлеты фрондеров, часть из которых он написал сам¹³⁰. При этом Жоли хотел заниматься не только написанием текстов: он стремился и к политической активности. Магистрат возглавил группу рантье Парижской ратуши, сумел стать одним из их 12 синдиков и заставил их провести несколько незаконных собраний, которые правительство не осмелилось распустить. В 1649 г. магистрат получил задание «возмущать» людей, заставляя их поверить в то, что Мазарини хотел убить одного из попечителей, ответственных за сохранение ренты. За эту деятельность на мемуариста было совершено покушение, ему прострелили левую руку¹³¹.

Жоли был чуть ли не единственным из приближенных де Реца, который просил своего патрона в 1652 г. не являться в Лувр и не пытаться добиться новых выгод от двора¹³². Кoadьютор не послушал своего секретаря и был арестован 19 декабря 1652 г. Жоли тоже хотели арестовать, но он благоразумно спрятался в клуатре Нотр-Дама, у своего дяди¹³³. Когда де Реца перевели из Венсенского замка в Нант, где были более свободные условия для заключенного, секретарь отправился искать своего господина и вместе с другими приближенными коадьютора подготовил его побег. Он был товарищем и главным советником де Реца после

¹²⁷ Sur les Mémoires de Guy Joly / Mémoires de Guy Joly // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. T. 3, P., 1838. P. I.

¹²⁸ Stefanovska M. La politique du cardinal de Retz. Passions et factions. Rennes, 2008. P. 83–109.
<https://books.openedition.org/pur/35145> (дата обращения: 14.04.2025).

¹²⁹ Sur les Mémoires de Guy Joly. P. I.

¹³⁰ В ГПИБ хранится одна из мазаринад, предположительно написанная Ги Жоли. Première partie des intrigues de la paix et des négociations faites à la Cour par les amis de Monsieur le Prince, depuis sa retraite en Guyenne jusques à présent. 1652.

¹³¹ Sur les Mémoires de Guy. P. I. Однако это событие не было замечено общественностью, потому что покушение на принца Конде, произошедшее одновременно с этим, было намного более обсуждаемой новостью. Notice sur Guy Joly. P. 4.

¹³² Notice sur Guy Joly. P. 4.

¹³³ Ibidem.

побега из Нанта; он следовал за ним в его странствиях по Италии, Нидерландам, Голландии, в Германии и Англии.

Когда смерть Мазарини дала кардиналу де Рецу возможность снова приехать во Францию, Жоли стал уполномоченным по защите интересов своего господина¹³⁴. У него были длительные переговоры с военным министром Летелье, и ему удалось получить значительную компенсацию для своего хозяина. Магистрат умолял своего покровителя помириться с двором. Вскоре после этого Ги Жоли и кардинал поссорились и расстались в 1665 г., обвинив друг друга в неблагодарности. Жоли закономерно ждал награды за верную службу от господина. Не получив ее, он озлобился, оставил коадьютора и присоединился ко двору в 1667 г., позднее написал несколько работ по его заказу¹³⁵.

Когда Ги Жоли задумал написать свои «Мемуары», он был в разногласиях с кардиналом де Рецем, и это объясняет все плохое, что он сказал о бывшем хозяине. Конечно, мало кто знал революционного прелата лучше, чем его секретарь Жоли, и поэтому подробности, которые он сообщает о его характере и привычках, в целом могут быть верны. Но нельзя забывать о том, что Жоли был обижен на бывшего господина, поэтому хотел дискредитировать его в своих воспоминаниях, показать с другой стороны взгляд на происходящие во время гражданской войны события. «Мемуары» Ги Жоли охватывают период в двадцать два года, с 1643 г. по 1665 г. Они вышли в период Регентства, в 1718 г., немного позже «Мемуаров» кардинала де Реца. Считается, что публикацию первых организовали люди из парламентской среды, а в противовес им правительство поддержало издание «Мемуаров» Жоли, перешедшего после гражданской войны на сторону двора. Это сочинение должно было скорректировать сведения, данные коадьютором о периоде Фронды, но воспринимать «Мемуары» Жоли как их продолжение неверно. «Мемуары» Жоли не вышли из тени грандиозного творения его патрона. Сочинение магистрата,

¹³⁴ Ibid. P. 5.

¹³⁵ В 1667 г. Ги Жоли по заказу двора написал несколько работ в защиту прав королевы Марии-Терезии Австрийской, супруги Людовика XIV, в Нидерландах. Он также написал «Интриги мира» и «Переговоры при дворе друзей господина Принца». С этого времени нет никаких сведений о его жизни. Notice sur Guy Joly. P. 5–6.

написанное откровенно хуже, чем «Мемуары» де Реца, не завоевало сердце публики. Язык воспоминаний Жоли не отличается изысканностью, их стиль не выверен, в тексте нет изящных выражений и афоризмов. Жоли пишет о себе отстраненно, в третьем лице, но старается отмечать важность своего вклада в происходящие события. Описывая обстановку в столице в 1649 г., он хотел подчеркнуть свою роль как деятеля парламента во время Фронды¹³⁶. Парламентский советник явно не ставил себе целью написать роман и сделать себя его главным героем, в отличие от коадьютора и мадемуазель де Монпансье. Поскольку сочинение Жоли не вызвало особого интереса читателей, составители публиковали его просто в качестве дополнения к «Мемуарам» де Реца. Как самоценный источник «Мемуары» Жоли печатали нечасто¹³⁷. Гонди дважды обидел своего секретаря – неблагодарностью при жизни и успехом своего сочинения, затмившего рассказ Жоли, после смерти.

В качестве источника для кандидатской диссертации я использовала франкоязычное издание 1838 г. Это была наиболее поздняя версия «Мемуаров» Жоли, доступная мне во время работы над диссертацией в электронной библиотеке «Gallica». Она содержит редакторскую правку и небольшое вступление с рассказом об авторе и создании текста. Для исследования межличностных отношений в период гражданской войны сочинение парламентского советника предоставило информацию о делах партии парламентских фрондеров, о любовных связях героев Фронды и о родственных связях. С помощью этого источника мне удалось перепроверить некоторые сведения «Любовной истории галлов» и «Мемуаров» де Ларошфуко, де Реца или посмотреть на них под другим углом.

¹³⁶ «Рантье, увидев, что глава купцов и эшевены, покоровшиеся двору, пренебрегают интересами публики, стали собираться в ратуше или, по предложению господина Жоли (*курсив мой – С.М.*), советника Шатле, решили, что они будут выбирать из себя попечителей для наблюдения за сохранением их ренты». Joly G. Mémoires. P. 26.

¹³⁷ В 1718 г., 1825 г., 1838 г. Ссылки на последние два издания я приводила выше в этом параграфе. В 2011 г. вышло издание на английском языке, в названии которого снова воспроизводится традиционное отношение к воспоминаниям Жоли как к несамостоятельному произведению – «Мемуары Ги Жоли: личный секретарь кардинала де Реца» *Memoirs of Guy Joli: Private Secretary To Cardinal De Retz*. Nabu Press, 2011. Аналогичная ситуация с названием повторяется в издании 2016 г.; *Memoires de Guy Joli: Conseiller Au Chatelet de Paris, Suivis D'Un Memoire Concernant Le Cardinal de Retz, Extrait d'Une Histoire Manuscrite*. Wentworth Press, 2016.

Мемуары мадам де Мотвиль. Франсуаза Берто де Мотвиль (1621?–1689) являлась персонажем второго плана во время Фронды. Мадам де Мотвиль происходила из небогатой, но титулованной и знатной семьи, с детства была вхожа ко двору и имела хорошее образование. В 7 лет девочка, владевшая испанским, была представлена Анне Австрийской; она полюбилась королеве, и их отношения были хорошими всю жизнь¹³⁸. Мотвиль не участвовала в событиях гражданской войны, но тщательно наблюдала за действующими лицами и записывала свои суждения, поэтому ее «Мемуары»¹³⁹ о регентстве Анны Австрийской представляют реальный исторический интерес. В ее лице регентша обрела верную спутницу и подругу. Госпожа де Мотвиль была бесконечно преданна королеве, однако не нашла общего языка с Мазарини, так как она не выказывала враждебности Высокомерным, а затем фрондерам; Мотвиль даже проявила симпатию к речи генерального прокурора Талона, защищающего бедных людей 21 февраля 1649 г. Это сделало ее позицию во время Фронды неоднозначной.

Кажется, она задумала писать мемуары с первых минут своего пребывания при дворе; свидетельства современников подтверждают, что у нее выработалась привычка много наблюдать, мало говорить и все записывать, ничто важное не ускользало от нее. После смерти Анны Австрийской в 1666 г. Франсуаза Берто отправилась в свой замок Мотвиль в Нормандии, где принялась перечитывать, исправлять и составлять текст «Мемуаров». Как многие мемуаристы, Франсуаза Берто не собиралась предавать воспоминания гласности, но история решила по-другому. Источник был впервые опубликован в 1723 г.¹⁴⁰, через тридцать четыре года после смерти писательницы. Это издание вышло в Амстердаме, у книготорговца Шангийона, без имени издателя. «Мемуары» переиздавались

¹³⁸ Анна Австрийская поддерживала свою протееже. Сначала она выделила для нее пенсию в размере 600 ливров, затем увеличила ее до 2 тысяч. Notice sur madame de Motteville et ses Mémoires // Motteville, Françoise de. Mémoires de madame de Motteville. Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. [publ.] par MM. Michaud et Poujoulat. P., 1838. P. 3.

¹³⁹ Madame de Motteville. Anne d'Autriche et la Fronde: d'après les Mémoires de madame de Motteville / texte établi par Henry Chapoy. P., 1882.

¹⁴⁰ Motteville, Françoise de. Mémoires pour servir à l'histoire d'Anne d'Autriche. Amsterdam, 1723.

несколько раз в XVIII и в XIX вв¹⁴¹; не перестают их издавать и в наше время¹⁴². Для исследования источник интересен тем, что передает точку зрения современницы событий, в отличие от других авторов не принимавшей участие во Фронде на стороне того или иного лагеря.

«Дневник гражданских войн» Дюбюиссона-Обене. Упомяну о сочинении, которое значительно отличается от всех прочих источников личного происхождения, использованных в настоящей диссертации. Значительную часть исследования составляет анализ мемуаров участников Фронды, которые в большей или меньшей степени стремились написать художественное произведение о важном для них жизненном этапе, объяснить свои мотивации и оправдаться перед властью и потомками. Мемуары писали и редактировали не по горячим следам, как правило, в ссылке, когда у героев появлялись время для рефлексии и потребность в анализе исторической ситуации. Дюбюиссон же писал не мемуары, а дневник, в котором с дотошностью помечал малейшие подробности, которых нет больше ни в одном источнике.

Франсуа-Николя Дюбюиссон-Обене (1590–1652) происходил из семьи, которая с помощью покупки судебных должностей аноблировалась в XVI в¹⁴³. В 1636 г. он составил маршрут по Бретани¹⁴⁴, который еще в XIX в. считался очень увлекательным путеводителем. Дюбюиссон много путешествовал по дипломатическим и военным делам, умел находить себе друзей и патронов. В Париже он обосновался в зрелые годы, часто жил у друзей. В 1645 г. он поселился

¹⁴¹ В частности, в 1750, 1783 и 1824, 1838, 1882 гг. и др. Например, *Mémoires de Mme de Motteville Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France*. Т. II–IV. P., 1824; Motteville, Françoise de. *Mémoires de madame de Motteville. Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France*. [publ.] par MM. Michaud et Poujoulat. P., 1838; Madame de Motteville. *Anne d'Autriche et la Fronde: d'après les Mémoires de madame de Motteville / texte établi par Henry Chapoy*. P., 1882.

¹⁴² Mme de Motteville. *Mémoires de Mme de Motteville sur Anne d'Autriche et sa cour*. Adamant Media Corporation, 2001.

¹⁴³ Дюбюиссон должен был быть нормандцем и, скорее всего, уроженцем окрестностей Бретейля и Конша. О ранних годах его жизни известно немного: он получил хорошее образование и начал посещать страны Европы, составлял путевые заметки. Notice // Dubuisson-Aubenay F.-N. *Journal des guerres civiles de Dubuisson-Aubenay: 1648–1652*. [Volume 1]. P., 1883. P. VIII, XIII.

¹⁴⁴ Dubuisson-Aubenay F.-N. *Itinéraire de Bretagne en 1636, d'après le manuscrit original*. Т. 1-2. Nantes, 1896–1902.

в доме Анри дю Плесси Генего и стал его компаньоном¹⁴⁵, а в 1649 г. получил должность дворецкого короля.

Дата смерти мемуариста не оставляет сомнений в том, что дневник, начатый в 1648 г. действительно составлялся по горячим следам, он был своеобразным «дайджестом» Фронды. Франкоязычное издание 1885 г.¹⁴⁶, которым я пользовалась, разделено на годы и месяцы, каждая новая заметка начинается с красной строки, поэтому произведение легко читать и анализировать. В нем нет анализа или рефлексии по поводу происходящего, а также биографических подробностей об авторе. Кроме двух–трех пассажей, где он говорит от первого лица, Дюбюиссон никогда не выходит на сцену. Лишь в конце «Дневника» он упоминает о смерти племянника 3 июня 1652 г., не называя его имени, и о визите барона де Капре Бурнонвиля и его брата, виконта Барлинского¹⁴⁷. Этот дневник позволяет день за днем проследить за важными и вполне обычными событиями, которые привлекли внимание составителя. Скорее всего, Дюбюиссон не успел качественно отредактировать свой текст – оригинал изобилует пометками, примечаниями, отсылками, произвольными сокращениями, вставками на латыни, которую мемуарист прекрасно знал¹⁴⁸.

Интересно наблюдать, какие подробности привлекали его внимание. Не ускользнули от него и любовные дела: «Аббат де ла Ривьер оставил свои апартаменты г-же де ла Ферте, фрейлине, и поселился у нее»¹⁴⁹. В источнике освещены брачные планы Мазарини по устройению своих племянниц и проект мадемуазель де Монпансье выйти замуж за эрцгерцога Леопольда¹⁵⁰. Важная информация о любовных и родственных делах в «Дневнике» перемешивается с указаниями о балах и театральных постановках в домах знати. Такая структура

¹⁴⁵ Notice // Dubuisson-Aubenay F.-N. Journal. P. VII–VIII.

¹⁴⁶ Dubuisson-Aubenay F.-N. Journal des guerres civiles de Dubuisson-Aubenay: 1648–1652. [Volume 1]. P., 1883.

¹⁴⁷ Ibid. P. VIII.

¹⁴⁸ Ibid. P. II.

¹⁴⁹ Ibid. P. 3.

¹⁵⁰ Ibid. P. 16.

документа еще раз доказывает, что все события записывались сразу же, без подтасовок и рефлексии, столь свойственных фрондерам-мемуаристам.

Рукописи Дюбюиссона-Обене оставались погребенными в течение ста пятидесяти лет в библиотеке Сен-Сюльпис, поэтому современники и ученые не знали об их существовании. Имя Дюбюиссона и его труды не упоминаются в переписке ученых и литераторов, его современников¹⁵¹. Его манускрипты, хранящиеся в библиотеке Мазарини, составляют корпус из пятидесяти томов, в том числе тридцати трех *in-folio*, с единым переплетом. На этих рукописях стоит печать библиотеки Сен-Сюльпис, откуда они поступили во время революции¹⁵². В конце XIX в. было составлено издание этого интересного источника под руководством Гюстава Сежа, которым я пользовалась для исследования¹⁵³. Относительно недавно появился репринт второго тома произведения¹⁵⁴.

Мемуарист был сторонним наблюдателем, который ограничился составлением заметок о текущих событиях. Из-за этой особенности работа обезличена, по ней непросто восстановить неформальные связи между действующими персонажами, непросто проследить дружеские связи, зато легко заметить семейные стратегии и способы реализации задач дворянских семей. Источник не читается как роман, но и не вызывает вопросов о предвзятости автора. «Дневник гражданских войн» – это самый объективный источник личного происхождения, с которым я работала.

¹⁵¹ Ibid. P. VII–VIII.

¹⁵² Ibid. P. IV–V. Составитель издания заметок Дюбюиссона-Обене 1883 г. заинтересовался этой рукописью, потому что увидел информацию о ней в предисловии Шерюэля к «Дневнику Оливье Лефевра д'Ормессона». Он решил привести рукопись в порядок, расшифровать и издать ее. Исследователь начал работать с текстом в 1866 г., подготовил его часть с 1648 г. и стал заниматься переписью 1649 г. Дойдя до 13 февраля 1649 г., составитель узнал, что Альфонс Фейе уже взял экземпляр «Дневника гражданских войн» и готовил эту публикацию, поэтому прекратил работу с источником. Через 10 лет составитель уже и не думал об этой работе, между тем Фейе умер в 1872 г., а его бумаги пострадали во время майских событий 1871 г. Экземпляр «Дневника» Дюбюиссона был утрачен и в библиотеке Фейе, и в библиотеке Мазарини. Таким образом, та часть, которую автор примечания записал, оказалась одним из оставшихся фрагментов «Дневника гражданских войн». Затем выяснилось, что другие интересующиеся собрали некоторые фрагменты рукописи. Утраченной окончательно оказалась часть текста с 1 марта до 31 декабря 1649 г.

¹⁵³ Dubuisson-Aubenay F.-N. *Journal des guerres civiles de Dubuisson-Aubenay: 1648–1652*. V. 1–2. P., 1883–1885.

¹⁵⁴ *Journal des guerres civiles de Dubuisson-Aubenay: 1648–1652*. [Volume 2]. P., 2018.

Письма участников Фронды. В разделе «мазарины» в Библиотеке Мазарини мне удалось найти несколько писем-памфлетов важнейших людей в стране – принца де Конде и первого министра. Так как их предприятия прямым образом определяли ход гражданской войны, особенно ее второй этап, мне было важно приблизиться к пониманию их мотивации и «официальной» позиции, которую они транслировали благодаря значительным связям.

Во время Фронды принцев Конде возглавил мощную «оппозицию», и ему было важно попытаться доказать «правильность» своих действий королю и королеве, обосновать отдаление от двора, отсутствие на церемонии совершеннолетия короля, сбор армии и привлечение в нее иностранных войск. Для этого Людовик де Бурбон написал несколько посланий августейшим особам, в которых обвинил Мазарини во враждебных действиях против Франции и против него самого, которые и вынудили его сначала покинуть Париж, чтобы сохранить свободу, а затем начать организовывать военный отпор «этому итальянцу»¹⁵⁵. Тексты написаны как апологии, их целью было представить Людовика де Бурбона в лучшем свете на фоне кардинала. Примечательно также письмо принца к кардиналу, опубликованное в 1652 г., в котором автор не только обвинил министра в тирании, но и угрожал ему смертью¹⁵⁶. Идеи посланий принца, опубликованных почти сразу после написания, были развиты в прокондеанских мазариныдах, что не оставляет сомнений в наличии связей между лидером «оппозиции» и типографами, а также авторами памфлетов.; в 1651 г. их публиковали в Париже, позже, в 1652 г., когда принц уехал из столицы – в Бордо.

Кардинал, в свою очередь, написал несколько посланий к королю и королеве¹⁵⁷, стремясь защитить собственную репутацию от нападок «мятежников».

¹⁵⁵ Lettre escripte au Roy par Monsieur le Prince sur le sujet de son absence, a l'action de sa majorité. A Paris, chez Nicolas Vivenay, tenant sa boutique au Palais. 6 septembre 1651; Lettre de Monsieur le Prince a Son Altesse royale. Sur le sujet de son esloignement de la cour. Jouxte la copie imprimée à Paris, chez Nicolas Vivenay, tenant sa boutique au Palais. 13 septembre 1651; Lettre de Monsieur le Prince de Condé escripte au Roy, Sur le sujet du retour du C. Mazarin. Contenant ses intentions. Jouxte la copie imprimée à Bordeaux. De l'Imprimerie de François Noel, rue S. Jacques. 12 février 1652; Lettre de monseigneur le prince de Condé escripte au C. Mazarin. Jouxte la copie imprimée à Bordeaux. 1652.

¹⁵⁶ Lettre de monseigneur le prince de Condé escripte au C. Mazarin. Jouxte la copie imprimée à Bordeaux. 1652.

¹⁵⁷ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin à la Reyne. Lettre du 23 décembre 1651, 1652; Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. 11 janvier 1652.

Документы также были опубликованы, вероятно, с целью предъявить обществу точку зрения министра, его заслуги перед Францией и преданность ей. Письма были средними по объему, примерно 5–16 страниц. Они были среди документов в разделе «мазаринады», вероятно, потому что публиковались так же, как и памфлеты. К примеру, типограф Николя Вивенэ печатал и мазаринады, и вышеупомянутые открытые письма. У них очень схожий формат листа, шрифт, объем и сами темы, на которые писали участники событий.

2. Художественные произведения (Роман с ключом – «Любовная история галлов» Бюсси-Рабютена)

«Любовная история галлов», в отличие от других источников в обзоре, является в полном смысле слова художественным произведением, что представляет сложность в его интерпретации. Я использую его в качестве исторического источника, так как Бюсси-Рабютен в куртуазной манере передал картину нравов своего времени и своего окружения. Читая это художественное произведение, можно узнать много нового о межличностных отношениях дворянской среды середины XVII в., о допустимом и запретном, о нравственности и моральных нормах социальной страты, мемуары которой дают информацию о взаимоотношениях аристократов во время Фронды. Отдельные события романа подтверждаются воспоминаниями современников, однако я не полагаюсь в полной мере на фактическую информацию этого произведения. Форма изложения позволяла автору прибегать к художественному вымыслу, ведь он писал не мемуары, а роман.

Жанр произведения, «роман с ключом» (*roman à clef*), был особенно популярным во Франции в XVII–XVIII вв. Появился этот жанр в Испании XVI в., а затем распространился на другие европейские страны. За условными историческими или мифологическими персонажами в романе с ключом угадывались современники¹⁵⁸. Автор романа с ключом, как правило, выставлял

¹⁵⁸ Сегодня ключи публикуют в печатных изданиях вместе с произведением, современники-аристократы обходились и без них, но встречаются и романы, опубликованные сразу с ключами. Аллюзии на конкретных лиц

своих современников в неприглядном свете, раскрывал сведения о негласных связях между влиятельными фигурами или просто выдумывал эти связи, будучи обиженным на неверную любовницу или влиятельного недруга. Похожие цели преследовали и многие мемуары фрондеров, например, «Мемуары» кардинала де Реца. Главной целью романов с ключом было нарисовать сатирическую картину межличностных отношений в высшем обществе. Классический пример романа с ключом – это сочинение мадам де Скюдери (1649–1653) «Великий Кир»¹⁵⁹, действующими лицами которого являются хорошо знакомые нам по мемуарам участники гражданской войны принц де Конде, кардинал де Рец, мадемуазель де Монпансье и другие.

Многие из действующих лиц «Любовной истории галлов» принимали участие во Фронде, например, Анна Австрийская (Королева-мать в романе), принц де Конде (принц Тиридат), Ларошфуко (герцог Кофалас), герцогиня де Шеврез (Белламира), кардинал де Рец (Помощник Верховного Жреца), кардинал Мазарини (Великий Друид), мадемуазель де Монпансье (принцесса Леонора) и другие. Как это видно из названия произведения, Бюсси-Рабютен сконцентрировал свое внимание на интимных подробностях жизни «сильных мира сего», порой передавая некрасивые слухи или придумывая истории, которых не было в реальности с прототипами его героев.

Летом 1660 г. произведение было написано в Бургундии во время изгнания Бюсси-Рабютена и скоро стало распространяться в виде рукописей и подпольных изданий. По словам литератора, роман не был предназначен для широкой публики, он взялся написать эту историю для развлечения себя, возлюбленной и некоторых друзей¹⁶⁰. В 1665 г. роман был впервые напечатан в тайных типографиях Голландии

при дворе были понятны только ограниченному кругу посвящённых, что ограждало автора от преследований (как это задумывалось).

¹⁵⁹ Scudéry, Madeleine de. *Artamène ou Le grand Cyrus : dédié à Madame la duchesse de Longueville* ([Reprod.]) / par Mr de Scudéry, gouverneur de Notre-Dame de la Garde. P., 1653.

¹⁶⁰ Поведение Бюсси-Рабютена в этом вопросе было типичным для его эпохи – писатель-профессионал работал за гонорар и не мог быть аристократом, а аристократ, в свою очередь, не мог быть литератором-профессионалом и писать для широкой публики. Будучи любителем, Бюсси хотел показать остроту своего ума и изящность стиля в узком кругу друзей. В 1662 г. литератор впервые прочел «Любовную историю» мадам де Монгла, затем по ее просьбе графине де Фиеск, графине дю Плесси и еще нескольким друзьям. Желая утолить тщеславие, граф невнимательно следил за кругом своих слушателей. Госпоже де Ла Бом, сплетнице и интриганке, заключенной за свое поведение в

без согласия Бюсси-Рабютена. Как утверждал Бюсси, интриганка де Ла Бом не просто украдала его роман и предала его огласке, а искажила его, вырезала из него части и добавила свои собственные. Этим автор объяснял ненависть, которую это произведение вызвало в придворном обществе. Современные исследователи считают, что у де Ла Бом не было литературного таланта, она бы не смогла так искусно подделать слог Бюсси-Рабютена¹⁶¹. «Любовная история галлов» написана изящным и остроумным языком. Ее стиль хорошо выверен и чист, как отмечали писатели-современники Бюсси-Рабютена – Лабрюйер и Сент-Эвремон. Даже иезуиты оценили по заслугам литературный талант легкомысленного герцога и предложили ему написать критические замечания на «Письма к провинциалу» Паскаля.

Сочинение Бюсси-Рабютена переиздавалось множество раз. Спорным до наших дней остается вопрос, какое издание романа было первым¹⁶². Впервые авторское имя¹⁶³ появилось на издании 1666 г., вышедшем в Брюсселе у Франсуа Фоппана¹⁶⁴. Примечательно, что напечатана «Любовная история» была против воли автора, он знал о подготовке книги и писал Кольберу с просьбой предотвратить ее выход в свет. В книгу включили некоторые богохульные «песнопения» «дебоша в Руасси» и «Максимы любви». Авторы публикации были столь смелыми, что вместо ключа опубликовали роман с реальными именами. Исследователи не знают, кто осуществил эту публикацию, сам же автор приписывал это своим врагам. Успех романа не вызывал сомнений. Теперь судьба книги уже не была в руках автора, его сторонников или противников – поразительно, но за один 1665 г. книга была

монастыре, он даже дал на некоторое время рукопись романа, которая скоро разошлась по всему Парижу. Сатирическая любовная история французского двора вызвала интерес у многих, Бюсси-Рабютена даже прозвали «французским Петронием».

¹⁶¹ Кроме того, портрет госпожи де Севинье относился как раз к «подложной» части романа, хотя Бюсси признавал свое авторство. Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр. С. 214.

¹⁶² Одно появилось весной 1665 г. без указания автора с пометкой «Льеж» – книга небольшого формата с небольшим количеством страниц и с «ключом». Это издание используется как источник для кандидатской диссертации по двум причинам: во-первых, у меня есть к нему доступ, во-вторых, имена героев в нем зашифрованы. Важно помнить, что это художественное произведение, реальные участники Фронды были лишь прототипами героев, с которыми их ассоциировал автор. Bussy-Rabutin. Histoire amoureuse des Gaules. Liege, 1665. Другое издание появилось в том же году и тоже в Льеже, как считается, в типографии Эльзевиров. Оно имеет «ключ» и тоже напечатано анонимно.

¹⁶³ На обложке было написано: «Бюсси придумал, Рабютен осуществил».

¹⁶⁴ Histoire amoureuse de France, par Bussy Rabutin, avec ses Maximes d'amour. Bruxelles, 1666.

переиздана семь раз! Далее роман переиздавался с завидной регулярностью¹⁶⁵. Иногда издатели намеренно использовали скандальное имя Бюсси-Рабютена для публикации подложных частей книги. Например, в одной из книг появилась история любви мадемуазель де Монпансье и графа де Лозена, которую Бюсси не писал. В XIX в. о романе тоже не забывали¹⁶⁶. Впоследствии «Любовная история» переиздавалась большое количество раз, в том числе и в наши дни¹⁶⁷. Роман переведен на русский язык Л. Ларионовой. Издание романа подготовлено Л. Ларионовой, М. Морозовой, Т. Кожановой и опубликовано в 2010 г. в серии «Литературные памятники»¹⁶⁸.

3. Pamфлеты (мазаринады). С конца 1648 г. по начало 1653 г. появилось около 5500 брошюр, связанных с гражданской войной и деятельностью первого министра Джулио Мазарини. Большая их часть хранится в Библиотеке Мазарини. К радости для исследователей, многие памфлеты этого хранилища оцифрованы и доступны в свободном доступе на сайте библиотеки¹⁶⁹. В России тоже есть коллекции мазаринад: Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ) располагает примерно 1000 единицами¹⁷⁰, также они присутствуют в Российской государственной библиотеке в Музее книги¹⁷¹. Встречаются брошюры, которые перепечатывались и публиковались несколько раз, но текст обычно

¹⁶⁵ Роман издавался в 1666, 1671, 1677, 1681 гг., а под измененным названием «Любовные приключения известных дам нашего века» – в 1680, 1681, 1682, 1685, 1690, 1694 гг. В XVIII в. «Любовная история» была опубликована в разных тайных типографиях Бельгии, Голландии и Франции в 1700, 1708, 1709, 1710, 1713, 1717, 1728, 1737, 1754 гг.

¹⁶⁶ Bussy-Rabutin. *Histoire amoureuse des Gaules*. P., 1829; Bussy-Rabutin. *Histoire amoureuse des Gaules: romans satiriques du XVIIe siècle attribués au comte De Bussy; suivi de La France galante*. P., 1868; *Histoire amoureuse des Gaules. Suivie des romans historico-satiriques du XVIIe siècle. Tome I / par Bussy-Rabutin; revue et annotée par M. Paul Voiteurecueillis et annotés par M. C.-L. Livet. Tome I–IV*. P., 1876.

¹⁶⁷ Французские онлайн-магазины книг предлагают купить роман изданий 1928, 1949 (с самыми чувственными иллюстрациями), 1962, 1965, 1967, 1968, 1993 и других годов.

¹⁶⁸ Кроме текста романа в книге есть большое количество приложений, которые составляла Т.Кожанова – это объемная статья о биографии Бюсси-Рабютена и об особенностях романа, список примечаний, генеалогическое древо семейства Рабютен. Также в книге представлены фрагменты «Любовной истории Франции», не фигурирующие в романе, «Карта страны Легкомыслия» Мадлен де Скюдери, «Карта страны Нежности» Бюсси-Рабютена и его «Максимы любви», письмо герцогу де Сент-Эньяну, протокол допроса Бюсси в Бастилии королевским судьей по уголовным делам Тардье, фрагменты из мемуаров современников о Бюсси-Рабютене. В российское издание романа включены портреты автора, наиболее известных прототипов его персонажей, иллюстрации, отображающие нравы и сексуальность XVII в.

¹⁶⁹ <https://bibnum.institutdefrance.fr/bibliotheque-mazarine> (дата обращения 5.04.2025).

¹⁷⁰ По данным Библиотеки Мазарини, располагающей наибольшим количеством Мазаринад. https://www.shpl.ru/readers/today_library_open/kollekciya_mazarinad/ (дата обращения 3.04.2025).

¹⁷¹ К большому сожалению, весной 2025 г. когда велась активная работа над источниками для данного исследования, Музей книги в РГБ был закрыт на неопределенный срок. Это пока не позволило мне поработать над мазаринадами П.Скаррона и другими материалами по истории Фронды во Франции, которые там хранятся.

сохранялся без изменений. Поэтому иногда одну и ту же мазаринаду можно найти и во французской, и в российской библиотеке. Я работала с оцифрованными источниками из Национальной библиотеки Франции и с оригинальными документами в Отделе редкой книги ГПИБ в Москве. В общей сложности для кандидатской диссертации я использовала 29 мазаринад. Наиболее важным критерием для выбора мазаринад являлась их доступность (возможность прочитать оцифрованную копию на сайте библиотеки или получить оригинал источника в читальном зале)¹⁷².

У мазаринад нет общего формата или принятого объема страниц: их могло быть от одной до 450, хотя обстоятельства накладывают на них генетическое сходство¹⁷³. Масштаб страниц памфлетов отличается: у одних страницы заполнены мелким шрифтом с маленьким интервалом и небольшими полями, у других крупный шрифт, большие поля и интервалы; бумага и шрифт мазаринад очень похожи. Стиль и язык мазаринад разительно отличаются: одни тексты, например, памфлеты де Реца, изобилуют хорошо продуманными выражениями и вычурными конструкциями, в то время как другие, такие как «Предательства Мазарини»¹⁷⁴, написаны простым языком, который было бы легко воспринимать на слух.

Среди брошюр есть самые разные типы публикаций: злобные пасквили, песни, стихи, рассказы, манифесты, советы перед обсуждением в парламенте, открытые письма королеве, апологии и др. Названия мазаринад очень длинные, поэтому в основном тексте я сокращаю их, а в сноске привожу заголовок полностью. Например, полное название памфлета «Предательства кардинала Мазарини, раскрытые господином принцем, посланные добрым парижским буржуа по случаю его предполагаемого возвращения во Францию» я сокращаю до

¹⁷² Часть мазаринад была доступна в оцифрованном виде на сайте библиотеки Мазарини, часть оригиналов – в Отделе редкой книги ГПИБ (Москва). Несколько мазаринад в оцифрованном виде предоставила моя коллега аспирантка ИМЛИ РАН и преподавательница РУДН М.С. Ефимова. Мария привезла из Парижа фотографии источников из Национальной библиотеки Франции, которые позволили существенно углубить данную работу.

¹⁷³ Jouhaud C. *Écriture et action au XVIIe siècle: sur un corpus de mazarinades // Annales. Economies, sociétés, civilisations.* № 1, 1983. P. 42.

¹⁷⁴ *Les trahisons du cardinal Mazarin, découvertes par Mr le prince: envoye'es avx bons bourgeois de Paris, sur son prétendu retour en France.* Bordeaux, chez Guillaume Jacour, imprimeur ordinaire du roy. 1651.

«Предательства Мазарини»¹⁷⁵. Иногда мазаринады выходили сериями, к примеру памфлет Клода дю Боска де Монтандре «Истина, произносящая оракулы без лести»¹⁷⁶ был дополнен второй частью «Истина продолжает произносить оракулы без лести»¹⁷⁷.

Более редкими являются мазаринады в виде иллюстраций с пояснительным текстом, напоминающие современные карикатуры или комиксы¹⁷⁸. По мнению Г. Брауна, отсутствие картинок в большинстве памфлетов свидетельствует о социальной исключительности предполагаемой аудитории. Вероятно, грубые гравюры на дереве не способствовали повышению интереса к чтению в среде парижской буржуазии. Кроме того, коммерческие препятствия, связанные с издательским делом в то время, могли ограничить добавление иллюстрации к недолговечным текстам. Изготавливать мазаринады с иллюстрациями было невыгодно для типографов. Во-первых, к 1630 г. производство печатных визуальных изображений в Париже почти полностью перешло от относительно недорогих ксилографий к заметно более утонченным и, следовательно, более дорогим инталиям¹⁷⁹, выполненным либо гравировкой, либо травлением медных пластин. Во-вторых, издание книг и гравюр велось совершенно отдельно друг от друга, что усложняло гипотетическую задачу проиллюстрировать памфлеты. В-третьих, медные пластины, используемые для печати изысканных изображений, обычно требовали обновления рисунка после тысячи копий из-за простого износа. Это потребовало бы постоянного участия высококвалифицированных художников,

¹⁷⁵ Les trahisons du cardinal Mazarin, decouvertes par Mr le prince: envoye'es avx bons bourgeois de Paris, sur son pretendu retour en France. Bordeaux, chez Guillaume Jacour, imprimeur ordinaire du roy. 1651.

¹⁷⁶ La verité prononçant ses oracles sans flatterie. I. Sur la Reyne : II. Sur le Roy. III. Sur le duc d'Orleans: IV. Sur le p. de Condé. V. Sur le Parlement : VI. Sur le duc de Beaufort. VII. Sur le Coadjuteur: VIII. Sur le parlement de Pontoise. IX. Sur Paris : et sur l'Estat. 1652.

¹⁷⁷ La Verité Continuant de prononcer ses Oracles sans flatterie. I. Sur Mademoiselle. II. Sur le premier President. III. Sur le Marquis de Chasteau-neuf. IIII. Sur la Duchesse de Chevreuse. V. Sur le Comte de Harcourt. VI. Sur le Mareschal de Turenne. VII. Sur le Comte de Servient. VIII. Sur le Conseil d'Espagne. IX. Sur le Conseil du Roy. X. Et sur Mazarin. 1652.

¹⁷⁸ См. Приложение № 3.

¹⁷⁹ Инталия – печать, выполненная с помощью пластины, в которой изображение уплотнено под поверхностью. Происходит от итал. *intaglio* «резьба по камню».

что было маловероятно в то время, когда памфлеты публиковались дешево и быстро, чтобы реагировать на меняющиеся события или другие памфлеты¹⁸⁰.

Брошюры писали многочисленные анонимные и в том числе известные участники событий, среди которых романист и драматург Поль Скаррон, благодаря которому появилось само название «мазарианада», вошедшее в историографию, Сирано де Бержерак – реальный исторический персонаж, герой одноименной пьесы Эдмона Ростана, Сент-Амор и другие. В основном памфлеты, с которыми я работала, были анонимными, но по их «тональности» можно сделать предположения о политических взглядах авторов или заказчиков. Предполагаемое авторство некоторых памфлетов из отдела редкой книги ГПИБ установлено, и на них я обращала особенное внимание. Например, для исследования были использованы мазарианады авторов мемуаров – кардинада де Реца¹⁸¹ и его секретаря Ги Жоли¹⁸². Некоторые анонимные брошюры были написаны как коллективные обращения, например «Истина без маски преследуемой нищеты»¹⁸³ или «Скорбная Франция у ног короля»¹⁸⁴.

Все говорит о том, что с мазарианадами работали профессионалы издательского дела¹⁸⁵. На брошюрах из Национальной библиотеки Франции и отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России можно встретить такие сведения о типографиях: «В Париже»¹⁸⁶, «В типографии Антуана Кристиана, на улице Сет-Вуа, напротив колледжа Форте»¹⁸⁷, «У Пьера

¹⁸⁰ Brown H.G. *Mass Violence and the Self: From the French Wars of Religion to the Paris Commune*, Cornell University Press, 2018.

¹⁸¹ *Advis de seigneur le coadjuteur prononce au parlement, pour l'éloignement des creatures du cardinal mazarin le 12 juillet*. [Le cardinal de Retz], à Paris, de l'imprimerie de la Veufue I. Guillemot, rue des Marmouzets, proche l'Eglise de la Magdeleine. 1651; *Discours libre et veritable, sur les conduites de monseigneur le prince, et de monseigneur le coadiuteur*. [Le cardinal de Retz], [S. l.], 1651.

¹⁸² *Première partie des intrigues de la paix et les négociations faites à la Cour par les amis de Monsieur le Prince, depuis sa retraite en Guyenne jusques à présent*. [Joly G.], [S. l.], 1652.

¹⁸³ *La verité sans masque de la misere persecutee, ou La plainte des pauvres a la Reine, contre le cardinal Mazarin*. P., 1649. См. Приложение № 4.

¹⁸⁴ *La France désolée aux pieds du roy. Où le Gouvernement tyrannique de Mararin est succinctement décrit*. [S. l.], 1649.

¹⁸⁵ Jouhaud C. *Propagande et action au temps de la Fronde // Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984)*, 1985. P. 337.

¹⁸⁶ *La conference secrete tenue à Pontoise entre le Roy, la Reyne, Le Cardinal Mazarin, Messieurs les Princes & plusieurs autres Grands Seigneurs de la Cour*. P., 1652.

¹⁸⁷ *L'Etat en trouble Par le Gouvernement des Étrangers. Où l'on verra que c'est une maladie ordinaire à tous les Etats de ne pouvoir souffrir un Gouvernement Estranger, & que tant que nous serons gouvernez par eux; il est bien difficile que nous ayons une bonne Paix*. P., 1652.

Ломбара, в Мон-Сент-Илер»¹⁸⁸, «У Арну Котине, улица Декарм о Птижезю»¹⁸⁹, «У Самюэля де Ларру возле Сент-Этьена»¹⁹⁰, «В Париже, улица д'Экос, у трех Кремальер»¹⁹¹, «У Николая Вивенэ, рядового печатника принца де Конде»¹⁹². Одна из мазаринад, над которой я работала, была выпущена королевским печатником в Бордо¹⁹³.

Парламент предпринимал попытки контролировать печать: 25 января 1649 г. им было принято постановление, по которому запрещалось печатать и распространять сочинения об общественных делах без разрешения, зарегистрированного в протокольном бюро парламента, а также было нельзя не указывать имя автора и типографа¹⁹⁴. Возможно, поэтому на многих мазаринадах печатали адрес и имя типографа, но при этом большинство памфлетов были анонимными и около половины – без пометки о разрешении. Судя по всему, французы чувствовали себя достаточно свободно и не боялись закрытия предприятия и преследования за антиправительственные публикации, либо же эти сведения были вымышленными.

Конечно, не приходится говорить о свободе слова во Франции во время регентства в годы малолетства Людовика XIV. На титульных листах некоторых памфлетах против Мазарини даже встречается пометка «avec permission» – «с разрешения»¹⁹⁵. Иногда сведения о месте издания памфлета не указаны вовсе – вероятно, часть печатников все же опасалась санкций от правительства.

Уличные торговцы ежедневно предлагали жителям столицы новейшие печатные издания. Эти памфлеты также выставлялись в книжных магазинах и на

¹⁸⁸ La verité reconneue par monseigneur le prince de Condé, sur les entreprises de la reyne contre la ville de Paris. P., 1652.

¹⁸⁹ Laffemas L. Lettre, a monsieur le Cardinal, burlesque. P., 1649.

¹⁹⁰ La Pierre de Touche faisant voir que le Cardinal Mazarin & ses adherans, sont les plus grands ennemis du Roy, de son Estat, de son Peuple & de la Ville de Paris. A Paris Chez Samuel de Larru pres S. Estienne. 1652.

¹⁹¹ Le Tymbre de l'hostel de ville, parlant au cardinal Mazarin, sur les assemblees des princes. A Paris rue d'Escosse aux trois Crémaillères. 1652.

¹⁹² Les balades servant à l'histoire. Reveuës & Augmentées. A Paris, Chez Nicolas Vivenay, Imprimeur ordinaire de Monseigneur le Prince de Condé. 1652.

¹⁹³ Les trahison du cardinal Mazarin, decouvertes par Mr le prince: envoye'es avx bons bourgeois de Paris, sur son pretendu retour en France. Bordeaux, chez Guillaume Jacour, imprimeur ordinaire du roy. 1651. (ГПИБ)

¹⁹⁴ Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009. С. 398.

¹⁹⁵ См. Приложение № 5.

прилавках на мостах и набережных Сены. Более того, каждая типография имела свой собственный магазин. Таким образом, во время гражданской войны заголовки последних событий ежедневно подливали масла в огонь. На иллюстрации из Национальной библиотеки Франции можно увидеть фрондера, призывающего к восстанию против первого министра¹⁹⁶. Г. Браун считает, что мазаринады отчасти заменяли парижанам свежие новости, скрыто конкурируя с новостным периодическим изданием «La Gazette» мазариниста Ренодо, имеющим королевскую привилегию¹⁹⁷.

Героем мазаринад был, как правило, первый министр. Портрет кардинала прямым образом зависел от того, взгляды какого лагеря разделял автор памфлета, или из какого лагеря его наняли. Иногда целью написания и распространения брошюр было склонить читателей на сторону автора или заказчика, заставить сочувствовать одной партии и ненавидеть другую. Лидеры партий стремились «подружиться» с народом, чтобы при удобном случае направить его ярость в нужное для них русло. Памфлетисты использовали различные методы: показывали первого министра в дурном свете: как вора, врага государства и даже извращенца, обращали внимание на страдания простого народа, восхваляли «мятежных» деятелей. Идеи типичной «прокондеанской» мазаринады уместаются в этот небольшой список: радикальная и ксенофобская враждебность по отношению к Мазарини, восхваление принцев, в частности Конде, уважение к королевской власти, в том числе к Анне Австрийской, рассматриваемой в качестве заложницы иностранца, забота о свободе людей и участие в их бедствиях. Типичная «фрондерская» мазаринада включала те же самые пункты, только воспевание принца в ней заменялось на воспевание коадьютора. Враждебность многочисленных мазаринад по отношению к кардиналу можно называть «духом времени». Таким образом, основной задачей среднестатистической мазаринады было эмоционально воздействовать на читателя – например, вызывать сочувствие

¹⁹⁶ См. Приложение № 6.

¹⁹⁷ Brown H.G. Mass Violence and the Self. Имеется в виду следующая газета: Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Relations et recits des choses avenues toute l'année 1649. Par Theophraste Redaudot. A Paris, du Bureau d'Adresse, aux Galleries du Louvre. 1650.

к угнетенным беднякам или гнев, направленный против «этого итальянца» – и побудить к действию.

Французские исследователи обращались к анализу этого типа источников, однако их оценки памфлетов Фронды заметно различаются, о чем подробнее написано в обзоре литературы. В целом нужно отметить, что в историографии мазаринады имеют дурную славу, так как для многих характерны запутанная речь, грубость, неполное и непоследовательное изложение мыслей. Иногда в памфлетах встречаются ошибки¹⁹⁸, а также пропущенные при печати буквы или диакритические знаки.

Невозможно не согласиться с французскими коллегами в том, что работа с этими источниками сопровождается множеством «но». Очевидно, что мазаринады, как и любые политические памфлеты, не являются достоверными историческими источниками¹⁹⁹. Проверять по ним факты следует с осторожностью, однако они дают информацию о пропаганде, слухах и страхах в обществе, отношении участников партий друг к другу. Зачастую авторы памфлетов специально старались всколыхнуть читателей и привлечь их к «нужному» для них лагерю. Хорошо заметно, что по большей части эти памфлеты писали в угоду одному лидеру против другого: кондеанские мазаринады грубо нападали на репутацию Мазарини и не менее грубо восхваляли важных участников лагеря принцев, в то время как фрондерские иногда были апологиями коадьютора Гонди, направленными против Мазарини и Конде²⁰⁰. Памфлетисты лагеря принца Конде могли даже прибегать к республиканским идеям и парадоксальным образом вести речи против дворянства. Это происходило, конечно, не из убеждения, а в ответ на пропаганду партии двора и для ущемления мазаринистов²⁰¹. Авторы брошюр порой публиковали заведомо

¹⁹⁸ Например, в данной мазаринаде: *Le prophete veritable de messieurs de Paris, envoye a la reyne sur leurs dernieres resolutions. A Paris d'Escosse aux trois Cremailleres. 1652.*

¹⁹⁹ Мемуары фрондеров и другие материалы личного происхождения, используемые для изучения Франции XVII в., также не являются полностью достоверными историческими источниками, однако интерес исследователей к ним не ослабевает.

²⁰⁰ Такая ситуация характерна для тех мазаринад из Национальной Библиотеки Франции и Государственной публичной исторической библиотеки России, которые я проанализировала для исследования. Не исключено, что другая выборка памфлетов составит у исследователей совершенно иное представление.

²⁰¹ Tribout B. *La mémoire de mazarinades: une critique politique sous Louis XIV // Revue d'Histoire littéraire de la France.* № 4, 2015. P. 935.

ложную информацию и клевету, но будет неправильным сказать, что в брошюрах нет ни слова истины: большинство проанализированных памфлетов все же частично основывались на реальных фактах и «раздували» те из них, которые были удобны для очернения врага. Например, Мазарини действительно был сказочно богат, в то время как французы из народа испытывали голод и лишения из-за войны.

Памфлеты быстро публиковали, не стараясь насытить качественной фактической информацией, авторы воспроизводили схожие идеи и призывы: изгнать или убить Мазарини как врага государства и народа, наказать его ставленников. Распространенной была тема лишений, испытываемых простыми людьми, которую авторы памфлетов использовали в пропагандистских целях для обвинения политических оппонентов. Однако в прямолинейности и простоте большинства проанализированных мазаринад, как я думаю, и есть их «большой плюс» – по ним можно изучать пропаганду кондеанцев и фрондеров, идеи, которые они стремились внушить читателям, методы, которыми они привлекали аудиторию и побуждали к действию. Также с помощью брошюр можно составить образы важных участников гражданской войны, транслируемые пропагандой «бунтовщиков», например, кардинала Мазарини, Анны Австрийской, принца Конде, герцога Орлеанского, Мадемуазель и др. Есть большая вероятность, что именно эти образы были подхвачены и растиражированы мемуаристами, а затем вошли в коллективную память французов.

Количество брошюр и «острота» политических тем, поднятых в них, говорят сами за себя. Мазаринады свидетельствуют о большой «вольнице» во Франции в период регентства, а также о желании многих французов высказаться, привлечь внимание к актуальным проблемам в государстве и быть услышанными соотечественниками всех сословий.

4. Газеты времени Фронды. В качестве одного из дополнительных источников для исследования я изучала парижские газеты конца 1640-х гг. В ГПИБ

и в BNF представлены все 12 номеров «*Courrier françois*»²⁰² – периодического еженедельного издания с новостями, выпуски которого появились в Париже в январе–марте 1649 г. Это издание печаталось в формате а5, на первой странице был изображен всадник, несущий свежие известия²⁰³. Газета была примечательна тем, что приводила факты с большим количеством подробностей, а также явно симпатизировала Парламентской Фронде.

Газета «*Courrier françois*», будучи благосклонно настроенной к мятежным магистратам и в значительной степени ограничиваясь местными новостями, опубликовала ряд историй о «беспрецедентной жестокости и насилии», совершенных «войсками, в основном иностранными, в окрестностях Парижа». Это резко отличало ее от проправительственной «*Gazette*» Ренодо²⁰⁴, где «углы» были «сглажены». Для исследования я изучала сборники номеров газеты Ренодо за 1648 и 1649 гг. «*Courrier*» быстро обрел популярность и стал рассказывать новости в двух форматах: в прозе и в бурлескных стихах, чтобы «было легче запомнить». Первое издание выходило в типографии «A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain», второе – «A Paris, chez Claude Boudeville, rue des Carmes, au Lys Fleurissant». На некоторых из изданий стоит пометка «с разрешением»²⁰⁵, хотя в газете приводятся жесткие высказывания против первого министра, к примеру: «враг королевства» или «противостоять тирании войск Мазарини»²⁰⁶. Однако обе эти альтернативные газеты просуществовали недолго. Попытки повторить их, когда Парижу снова угрожала опасность весной 1652 г., с треском провалились.

5. Словарные издания. Кроме вышеупомянутых произведений, в работе использованы словари. Их тщательная проработка не проводилась, я обращалась к ним, только чтобы уточнить сведения или понятия из основных исторических

²⁰² *Courrier françois*, apportant toutes les nouvelles de ce qui s'est passé depuis sa première arrivée jusques à présent. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649; *Le courier françois* apportant toutes les nouvelles véritables de ce qui s'est passé depuis l'enlèvement de Roy, tant à Paris, qu'à S. Germain en Laye. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649.

²⁰³ См. Приложение № 7.

²⁰⁴ *Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Relations et recits des choses avenues toute l'année 1649.* Par Theophraste Redaudot. A Paris, du Bureau d'Adresse, aux Galleries du Louvre. 1650.

²⁰⁵ См. Приложение № 8.

²⁰⁶ *Suite et seconde courier françois*, apportant toutes les nouvelles de ce qui s'est passé depuis sa première arrivée jusques à présent. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649. P. 3–4.

источников. Я использовала два словаря – Французской Академии 1694 г., 1718 г. и современную версию²⁰⁷ и «Большой исторический словарь» под ред. Морери²⁰⁸. Первый словарь дал возможность сравнить значения терминов дружбы с тем, как их употребляли авторы воспоминаний, второй показал, когда французские историки начали интересоваться творчеством герцога де Ларошфуко. Я обращалась к ним, чтобы проверить значения таких понятий, как «лояльность», «друг», «дружба», «Фронда», «фрондер», «фрондировать», «партия» во Франции XVII–XVIII вв. и в наше время, а также в современном русском языке.

Как можно видеть, изучаемая тема хорошо обеспечена интереснейшими источниками, многие из которых по праву считаются произведениями французской литературы. Документы для изучения отношений аристократов во время Фронды очень разнообразны и многочисленны, что дает исследователю огромный материал для углубления в тему. Этот пласт информации настолько огромен, что его невозможно охватить в рамках одной научной работы. Также нужно отметить сохранность источников в хорошем состоянии до наших дней и доступность многочисленных произведений в оцифрованном виде на сайте Библиотеки Мазарини²⁰⁹ и на других французских сайтах.

Из-за направленности темы я использовала в основном источники личного происхождения, в первую очередь мемуары, дневники и письма аристократов-участников гражданской войны, а также мазаринады, парижские газеты 1649–1652 гг. и словарные издания. Они дают возможность изучить межличностные отношения в среде парижского дворянства середины XVII в.: конфликты, лояльность, интриги, пропаганду. Объем источников весьма внушительный, поэтому, обращая особенное внимание на фрагменты, относящиеся ко времени Фронды, я старалась выискивать именно информацию о межличностных связях.

²⁰⁷ Dictionnaire de l'Académie française. [Официальный сайт] URL: <https://dictionnaire-academie.fr/> (дата обращения: 22.08.2025).

²⁰⁸ Moréri L. Le Grand Dictionnaire historique. Amsterdam, 1740. Vol. 7. P. 153.

²⁰⁹ <https://bibnum.institutdefrance.fr> (дата обращения: 16.04.2025).

Открытием для меня оказался тот факт, что современники гражданской войны в большей степени писали о конфликтах, в то время как проявлений дружбы и подлинной лояльности обнаружить оказалось гораздо сложнее. Если автор писал о том или ином действующем лице Фронды как о друге, это не означало, что их отношения были постоянными и не испортились со временем. Как я думаю, это свидетельствовало о напряженности в обществе в целом, что логично во время гражданской войны.

Мемуары и письма предоставляют материал для изучения межличностных отношений «мятежных» аристократов, в то время как мазаринады и газеты помогают составить образы важнейших участников Фронды, растиражированные пропагандой противоборствующих лагерей. И мемуары, и письма, и мазаринады не являются полностью достоверными источниками, ведь в произведениях личного происхождения авторы намеренно или подсознательно старались показать себя в лучшем свете, а в пропагандистских памфлетах любая пусть и гипотетически верная информация как правило использовалась для очернения врага и для вовлечения в партию автора или заказчика памфлета. Однако такие источники позволяют попытаться приблизиться к картине мира участников Фронды, узнать их мысли, мотивации поступков, причины их «мятежности», симпатий и антипатий – словом, исследовать межличностные отношения, что и было основной целью этой работы.

Обзор историографии

Фронда во Франции была столь ярким периодом, что не могла не привлечь внимание историков. Исследовали изучали историю гражданской войны с самых разных сторон. Фронда логично встраивается в изучение Франции XVII в., правления Людовика XIV, ментальности, повседневности, развития политических партий. Анализ связей и конфликтов в среде французского дворянства помогает понять расстановку сил и особенности политической борьбы в 1648–1653 гг.

Изучая источники периода Фронды, нельзя оставить без внимательной проработки историографию. Эпохе Людовика XIV и времени его детства – периоду Фронды – посвящено большое количество исторической литературы. Как правило, сведения о Фронде историки посвящают главу или параграф книги о Людовике XIV или истории Франции, но существуют целые монографии и статьи о Фронде. Подобные работы предоставляют сведения, отсутствующие в проанализированных источниках, а также содержат интересные исторические концепции и подходы, которые важно принять во внимание и критически осмыслить. В основном гражданской войной середины XVII в. занимались французские ученые; я ознакомилась также с литературой на русском и английском языках.

Историографию, относящуюся к изучаемой теме, можно разделить на несколько тематических блоков:

1. работы по истории Фронды и эпохе Людовика XIV, деятельности в ней аристократов;
2. исследования, посвященные изучению мемуаров, переписки, памфлетов и других исторических источников по периоду Фронды;
3. литература по межличностным отношениям в Новое время.

Далее в обзоре приводятся ключевые исторические работы, которые показывают, с каких позиций историки рассматривали гражданскую войну, какими методами они пользовались, как они оценивали это событие. Будет рассмотрен

каждый из блоков и будут сделаны выводы о том, какие шаги сделала история изучения Фронды. Новейшим работам уделено особенное внимание, и этим объясняется несколько больший объем абзацев, посвященных произведениям последних 10 лет.

1. История Фронды и эпохи Людовика XIV. Изучение дворянства во время Фронды. Фронда остается и по сей день загадочным эпизодом, которому посвящено значительное количество книг и статей. Отношение к ней во Франции Старого порядка было негативным: «мятежники» были побеждены правительственной партией, а историю писали победители. Выше упомянуто, что в Словаре Французской академии 1694 г. слово «fronde», как я предполагаю, намеренно не упоминалось со значением «партия» или «гражданская война».

Вольтер в «Веке Людовика XIV»²¹⁰ посвятил Фронде главу под названием «Гражданская война». В свойственной ему сатирической манере автор раскритиковал и королеву, и первого министра, и парламент, и фрондеров. Вольтер пишет, что парламент по настоянию Анны Австрийской отменил завещание Людовика XIII и после этого «вообразил, что действительно раздаст регентства»²¹¹. Философ отмечает, что королева сделала Мазарини «господином над Францией и над собой»²¹². С его точки зрения, Мазарини в начале своего возвышения старался показаться скромным²¹³ и ничего не имел, однако обогатился во Франции и вызвал ненависть народа из-за больших налогов: «Ненависть к министру и любовь к общему благу угрожали двору переворотом». Вольтер считает, что парижский парламент мог бы и пропустить указы о налогах, но он восстал и этим обеспечил себе народную поддержку²¹⁴. Автор пишет, что Бруссель и другие арестованные деятели парламента сами не были вождями бунта, но представляли собой их

²¹⁰ Voltaire. Le siècle de Louis XIV. Nouvelle édition, augmentée d'un très grand nombre de remarques. Francfort, chez la veuve Knoch & J.G. Eslinger. T. 1. 1753. Книга впервые вышла в свет в 1751 г.

²¹¹ Voltaire. Le siècle de Louis XIV. P. 56.

²¹² Ibid. P. 68.

²¹³ Ibid. P. 69.

²¹⁴ Ibid. P. 70–71.

орудия. Последней каплей для начала бунта Вольтер считал неудачный момент для ареста Брюсселя и других любимцев народа.

Важным трудом XVIII столетия является пятитомная работа **Ж.-Б. Майи** «Дух Фронды»²¹⁵. Автор называл события гражданской войны «беспорядками», а их причины «гноусными и нелепыми». Например, он обвинял аббата Ларивьера в использовании связей с Римом для собственных корыстных планов, принца Конти – в слабости, ведомости и неспособности переносить тяготы войны. С точки зрения французского исследователя, вожди Фронды лишь воспользовались благоприятными для них условиями, занимаясь подстрекательством простых людей ради собственных интересов: «народ, разгоряченный баррикадами, казался способным испытывать любые чувства. <...> Толпа не требовала от знати ничего, кроме разрешения назревших проблем, чтобы вырвать у правительства ослабления привилегий для богатейших и знатнейших»²¹⁶. Интересной особенностью исследования является негативное отношение Майи и к одержавшему победу министру – Джулио Мазарини: как и сами фрондеры, он считал его интриганом. Возможно, мемуары и мазаринады Фронды поспособствовали такой оценке деятельности кардинала.

Отношение к Фронде стало менее однозначным в XIX в.: для этого понадобилась Французская революция. Французский историк либерально-монархического направления **Л. де Сент-Олер** написал «Историю Фронды»²¹⁷ в 3 томах. Направленность исследования становится понятной с первых строчек введения, так как Сент-Олер привел красноречивую цитату герцога де Ларошфуко: «Правление кардинала Ришелье было кровавым, репрессивным по отношению к дворянству и судебной системе и унижительным для французского характера, который всегда поддерживал дух независимости и свободы»²¹⁸. В работе он хотел предостеречь французов от возвращения к прежним порядкам, показывая, что

²¹⁵ Mailly J.-B. L'esprit de la Fronde, ou histoire politique et militaire des troubles de France pendant la minorité de Louis XIV, 5 tt. P., 1772 – 1773.

²¹⁶ Mailly J.-B. L'esprit de la Fronde. T. 2. P., 1772. P. 25–26.

²¹⁷ Sainte-Aulaire, L. de. Histoire de la Fronde, T. 1–3. P., 1827; 2e éd.: Nevers; P., 1841.

²¹⁸ Цит. по: Sainte-Aulaire, L. de. Histoire de la Fronde. P., 1860. P. 33. <https://archive.org/details/sainte-aulaire-histoire-de-la-fronde-v-1/page/n11/mode/2up>

участники Фронды боролись за те свободы, которые современники исследователя получили в 1814 г. С его точки зрения, монархия намеренно рассорила сословия в стране, чтобы было легче их разобщить и подчинить центральной власти.

Историк **Р. Капфиг** в сочинении «**Ришелье, Мазарини, Фронда и царствование Людовика XIV**»²¹⁹ отметил, что на деятельность «бунтовщиков» во Франции оказали существенное влияние события в Англии в середине XVII в. и казнь короля Карла I. По мнению Капфига, Фронда была революцией, которая представляла угрозу для идеи монархии как таковой. Судя по всему, историк вложил собственное мировоззрение в этот постулат, так как на материалах по истории Фронды он не подтверждается. Участники гражданской войны выражали протест лозунгами: «Да здравствует король!»²²⁰, «Да здравствуют принцы!», «Долой Мазарини!»²²¹, которые очевидным образом не направлены против монархии.

В целом в XIX в. к Фронде и правые, и левые историки продолжали относиться негативно: они считали ее эгоистичным бунтом отнюдь не самых нуждающихся слоев общества²²². **А. Шерюэль** – по выражению исследователя М.Перно, «отъявленный мазаринист»²²³, редактор мемуаров мадемуазель де Монпансье и член Комитета по историческим трудам и научным обществам писал в «**Истории Франции во время малолетства Людовика XIV**», что Фронда не преследовала «никакой серьезной или возвышенной цели»²²⁴. Шерюэль отмечал необъективность фрондеров по отношению к Мазарини. Например, он привел цитату герцога де Ларошфуко: «Даже в самых безграничных проектах у него (*у Джулио Мазарини – С.М.*) были ограниченные взгляды»²²⁵, но не согласился в этом

²¹⁹ Capefigue R. Richelieu, Mazarin, la Fronde et le règne de Louis XIV, T. 1–7. P., 1835–1836.

²²⁰ Joly G. Mémoires de Guy Joly // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. T. 3, P., 1838. P. 11, 13; Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. T.1. P., 1698. P. 292.

²²¹ Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. T 1. P. 359; T. 2. P. 2.

²²² Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009. С. 13.

²²³ «...très mazariniste Adolphe Chéruel». Pernot M. La Fronde. P., 2022. P. 10.

²²⁴ Chéruel A. Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV. P., 1879. T.1–3. P. 5, 223.

²²⁵ «Il avoit de petites vues, même dans ses plus grands projets». Фраза построена на противопоставлении прилагательных «petit» (маленький, младший, узкий, незначительный) и «grand» (большой, масштабный, значительный).

с мемуаристом. Шерюэль обратил внимание на то, что в записях²²⁶ кардинала чаще всего показаны те самые «ограниченные взгляды», однако основные проекты министра отражала переписка. С точки зрения редактора, получить целостное представление о Мазарини можно при изучении обоих комплексов документов²²⁷. Редактор **многотомной истории Франции**²²⁸ Э. Лависс высказался о Фронде еще жестче: «Нет ничего более печального и более постыдного в нашей истории, чем эти четыре года войны, никому не принесшие чести»²²⁹. Ш. Норман в книге **«Французская буржуазия в XVII в.»**²³⁰ критиковал Фронду с левых позиций. Он обратил внимание на тот факт, что парламентские фрондеры не разработали четкой и развернутой программы действий и не стали настойчиво требовать созыва Генеральных штатов, боясь потерять собственные привилегии²³¹. Как и многие историки, Норман отмечал, что участники событий не отличались бескорыстием: «Фронда, порожденная финансовыми интересами, с которыми не смогли справиться ни Ришелье, ни Мазарини, не смогла вовремя освободиться от этого порока; корона на сто лет приобрела абсолютную власть, а высшая французская буржуазия, пожертвовав интересами страны ради своих денежных вопросов, потеряла и уважение, и честь»²³².

Значимым для исследования является труд социолога Н. Элиаса **«Придворное общество»**²³³. Элиас подробно анализирует изменения во взаимоотношениях между дворянством и королевской властью, соединение публичного и частного в жизни дворянства и королевских особ. В своей книге автор раскрывает понятия ранга, иерархии, престижа и этикета, а также их значение в высшем обществе Франции XVII в. Социолог объясняет появление новых функций королевского двора объективными историческими процессами,

²²⁶ Шерюэль имел в виду записи кардинала (les carnets) с 1643 по 1650 гг. из Национальной библиотеки.

²²⁷ Chérueil A. Histoire de France. T. I. P. XV.

²²⁸ Lavissee E. Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution. Louis XIV: histoire d'un grand règne, 1643–1715. T. 2. 1901.

²²⁹ Цит. по: Bercé Y.-M. Retour à la Fronde // XVIIe siècle. Paris, 1984. № 4. P. 299.

²³⁰ Normand Ch. La bourgeoisie française au XVIIe siècle. La vie publique. Les idées et les actions politiques 1604–1661. P., 1908.

²³¹ Продажность и наследственность парламентских должностей во Франции Старого порядка.

²³² Normand Ch. La bourgeoisie française. P., 1976. P. II.

²³³ Труд был написан в 1933 г. и впервые опубликован в 1960-х гг. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

происходившими во Франции Старого порядка. По его мнению, было совершенно очевидно, что противоречия и ревнивое соперничество между могущественными группами элиты в королевстве составляли одно из основных условий полновластия монарха, называемого «неограниченным», поэтому жесткая конкуренция за ранг и престиж прочно укрепилась в системе ценностей подданных²³⁴. Для исследования Фронды этот труд важен тем, что в нем показана реакция власти на бунт дворянства. Элиас объяснил, как монарх увеличил дистанцию король-аристократия и укрепил власть короны.

С середины XX в. и до наших дней отношение к Фронде стало меняться, исследователи во Франции, в СССР, затем в России и в других странах начали воспринимать ее как сложное и неоднозначное явление. По большей части гражданской войной занимались западные историки, но в работах советских ученых ей тоже уделяли место, потому что важной ее частью были народные выступления. Советский историк **Б.Ф. Поршнев** в работе **«Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)»**²³⁵ дал марксистское толкование событиям гражданской войны и получил Сталинскую премию. С его точки зрения, Английская революция повлияла на Францию и вдохновила Фронду; этот тезис парадоксальным образом приближает его к Р. Капфигу. Историк объяснял возможность парламентского и аристократического протеста только наличием народных восстаний. Фронда появилась, с точки зрения Поршнева, на гребне недовольства народа. Историк-марксист воспринимал Фронду как неудавшуюся буржуазную революцию. В работе есть ряд спорных мест, так как историк хотел логически связать буржуазный характер гражданской войны и деятельность парижского парламента, члены которого были дворянами мантии. Межличностные связи и интересы французского дворянства Б.Ф. Поршнев однозначно не воспринимал как движущую силу гражданской войны.

²³⁴ Там же. С. 91.

²³⁵ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.: Л., 1948.

Р. Мунье видел в действиях «бунтовщиков» ограничение монархии и потенциальный переход к республике. Он считал, что, если парламентарии сопротивлялись королю, они отрицали и монархию²³⁶. **Нидерландский историк Э. Косман** положительно оценил сочинение Поршнева в работе «Фронда»²³⁷ и отметил, что стал лучше понимать это событие благодаря советскому коллеге. Космана тоже интересовал революционный потенциал возмущенного французского народа во время гражданской войны, но, в отличие от Поршнева, он не считал Фронду неудавшейся буржуазной революцией и отмечал, что действия Парижского парламента не выходили за рамки монархии и абсолютистской идеологии. **Ж. Монгретьен** задал провокационный вопрос²³⁸: что произошло бы во Франции, если бы Фронда победила? По его мнению, фрондерские вожди своими действиями уничтожили бы плоды трудов кардинала Ришелье, то есть навредили бы централизации власти в стране. Также Монгретьен сделал акцент на том, что Фронда началась во время Тридцатилетней войны, поэтому, если бы «бунт» победил, Франция проиграла бы войну с внешним врагом.

Французский историк **Ф. Блюш** в объемной монографии «**Людовик XIV**»²³⁹ проанализировал годы юности короля и, интерпретируя события гражданской войны, встал на сторону мазаринистов. Гражданскую войну историк оценил как сугубо отрицательное явление, мятеж разных социальных классов (народа, парламентариев, аристократии) против своего короля и Франции, неблагодарность привилегированных слоев. Из его монографии следует, что аристократы были лояльны королевской власти только тогда, когда получали от нее пенсии, вознаграждения, губернаторства, если же двор не предоставлял им желаемого, обиженные аристократы становились его противниками. Исследователь назвал Фронду «страшным взрывом» и «нагромождением опасностей», временем, когда «парламенты узурпировали власть»²⁴⁰. Отношение историка к этому событию

²³⁶ Mousnier R. Quelques raisons de la Fronde // Mousnier R. La plume, la faucille et le marteau. P., 1970. P. 282. Статья была впервые издана в 1949 г.

²³⁷ Kossman E.H. La Fronde. Leiden, 1954.

²³⁸ Mongrédien C. Si la Fronde avait réussi... // Les Annales. Revue mensuelle des lettres françaises. Paris, 1957. № 80.

²³⁹ Bluche F. Louis XIV. P., 1986; Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.

²⁴⁰ Там же. С. 37.

можно передать одной цитатой из его книги: «Модно отрицать, что Фронда была безумием. Оставим историографии ее парадоксы...»²⁴¹. При этом исследователь признал, что причины и ход Фронды во многом остаются непонятными²⁴².

Советский и российский исследователь **Е.М. Кожокин** в книге **«Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции»**²⁴³ охарактеризовал Фронду как «бунт, стремившийся остаться в рамках закона»²⁴⁴. Историк отмечал, что гражданская война, как и другие социальные движения во Франции XVII в., не имела антиправительственной направленности, а была направлена на коррекцию существующего политического курса. Автор концентрирует свое внимание на институциональные конфликты и противоборствующие силы внутри французского государства, а также на деятельность и характеры ключевых политических фигур того времени.

Французский исследователь **К. Дюлон-Сентени** выпустил несколько работ²⁴⁵, посвященных событиям и участникам Фронды. Статья **«Процесс обогащения Мазарини»** была написана на основе материалов аббата Мондена, проливающих свет на первый этап обогащения кардинала от начала его деятельности во Франции в 1640 г. до изгнания в 1651 г. В мазаринадах министра часто обвиняли в алчности, и я обратилась к этой статье в поисках информации о его доходах и состоянии. Дюлон-Сентени хотел понять, каков был «механизм работы» финансов кардинала, и проанализировать его мотивы. Исследователь выяснил, что у Мондена был счет в доме банкира, который на самом деле был тайным счетом кардинала, куда поступали доходы от различных секретных сделок. Известно это стало из-за того, что по причине нападков во время гражданской войны Мазарини пришлось предпринять массу шагов, чтобы спасти свои богатства, и от этих операций сохранилась документация. «Если бы не Фронда, мы бы очень мало

²⁴¹ Там же. С. 41.

²⁴² Там же. С. 43.

²⁴³ Кожокин Е.М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции. М., 1989.

²⁴⁴ Там же. С. 8.

²⁴⁵ Dulong-Sainteny C. Le processus d'enrichissement du cardinal Mazarin d'après l'inventaire de l'abbé Mondin // Bibliothèque de l'école des chartes. 1990, T. 148;

Dulong-Sainteny C. Les signes cryptiques dans la correspondance d'Anne d'Autriche avec Mazarin, contribution à l'emblématique du XVIIe siècle // Bibliothèque de l'école des chartes. T. 140. 1982.

знали об этом механизме, действовавшем до кризиса»²⁴⁶, – отмечает Дюлон-Сентени. В статье приводится большое количество фактов²⁴⁷ и полезной для исследования информации, которых нет в проанализированных источниках.

Французский исследователь **М. Перно** в книге «Фронда»²⁴⁸ задался вопросом, почему историки часто принижали значение движения. С его точки зрения, это объяснялось не его названием, связанным с детской игрой, «впрочем, весьма опасной», а «горьким провалом», который, «по-видимому, доказывает пустоту его целей и легкомыслие его лидеров, независимо от того, принадлежат ли они к аристократии, судебной системе или высшей церкви»²⁴⁹. М.Перно подчеркивает, что многие историки не могли избежать предрассудков своего времени при анализе Фронды, поэтому были склонны упрощать ее события: исследователь убедительно доказывает, что Фронду нельзя причислить ни к феодальной реакции, ни к либеральной или предлиберальной революции²⁵⁰. Он считает, что причиной гражданской войны были ослабление королевской власти в период малолетства Людовика XIV и реакция французского общества на формирование государства Нового времени, к которому стремились Людовик XIII и Ришелье²⁵¹. Кроме того, как отмечает автор, французы не были склонны подчиняться женщине-регентше; влиятельные аристократы хотели использовать королевскую власть для собственных выгод. «Если бы только королеве Анне в управлении королевством помог влиятельный принц крови!»²⁵²

Следующая книга в обзоре представляет большое значение для исследования, так как это единственная монография отечественного историка, посвященная Фронде. Речь идет о работе **В.Н. Малова** «**Парламентская Фронда: Франция 1643–1653**»²⁵³. Как следует из заглавия, историк начинает рассмотрение

²⁴⁶ Dulong-Sainteny C. Le processus d'enrichissement du cardinal Mazarin. P. 355.

²⁴⁷ Например, Дюлон-Сентени приводит имена банкиров итальянского происхождения, которые сотрудничали с кардиналом, цитирует их переписку, из которой можно сделать выводы о суммах, которыми располагал Мазарини.

²⁴⁸ Pernot M. La Fronde. P., 1994.

²⁴⁹ Pernot M. La Fronde. P., 2022. P. 9.

²⁵⁰ Ibid. P. 402.

²⁵¹ Ibid. P. 399–400.

²⁵² Ibid. P. 400.

²⁵³ Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009.

гражданской войны со смерти Людовика XIII, изучает предшествующий ей период, ищет предпосылки и причины Фронды. Исследователь приводит подробный исторический контекст, описывает развитие французского абсолютизма, обстановку в обществе. Особенно важно, что автор четко восстанавливает хронологию и расписывает события гражданской войны, ход которых не так просто реконструировать только по источникам. В целом Малов считает, что Фронду нельзя назвать ни феодальной реакцией, ни буржуазной революцией. Историк характеризует ее как борьбу между судебским аппаратом и абсолютистским правительством, в ходе которой определяется будущее французского абсолютизма, происходит выбор между двумя путями его развития. Примечательно, что взгляды исследователя изменились по сравнению с его более ранней работой, статьей «Фронда»²⁵⁴. В ней Малов писал, что гражданская война была широким антианалоговым движением народных масс.

Французская исследовательница **К. Беген**²⁵⁵, как и многие другие историки, задавалась вопросом, можно ли отнести Фронду к революционному движению. Она привела мнения о Фронде своих коллег: Эрнст Коссман называл гражданскую войну «периодом безрассудства и преувеличения без смысла и без цели», без какой-либо «творческой ценности»; другого мнения придерживались Робер Десимон и Кристиан Жуо, которые не рассматривали это движение как «простые стигматы бессвязной дворянской турбулентности», но видели в нем двигатель того, что они называют «микродинамикой» мятежных партий²⁵⁶. Сама Беген видит во Фронде «две основные универсальности»: во-первых, народ во время Фронды был неоднородной массой, которой манипулировали «партийные» лидеры; во-вторых, обязательства участников лагерей следовали сложной логике, которой была свойственна «замечательная и загадочная нестабильность»²⁵⁷. Катя Беген приходит

²⁵⁴ Малов В.Н. Фронда // *Вопр. истории*. 1986, № 7. С. 76–87. Текст воспроизведен с сокращениями в кн.: *История Европы*. М., 1994. Т. 4. С. 42–54.

²⁵⁵ Béguin K. *Changements de partis et opportunisme durant la Fronde (1648–1653). La mort de la politique ancienne?* // *Politix*. 2001. Т. 14. № 56.

²⁵⁶ Descimon R., Jouhaud C. *La Fronde en mouvement: le développement de la crise politique entre 1648 et 1652. XVIIe siècle*. 1984. P. 313. Цит. по: *Ibid.* P. 43.

²⁵⁷ *Ibid.* P. 44.

к такому выводу: важно изучать «эфемерные» связи и поведение действующих лиц восстания, потому что они были использованы и повстанцами, и королевским двором, то есть сыграли большую роль во фрондерской политической динамике. Этот взгляд на Фронду во многом совпадает с моим и предполагает изучение межличностных отношений руководителей гражданской войны.

В монографии **В.В. Шишкина «Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках»**²⁵⁸ отмечается, что французский абсолютизм прошел долгий путь, прежде чем обрел свои классические и законченные формы при Короле-Солнце²⁵⁹. Историк рассматривает XVI и XVII вв. как переломные, ведь именно в эти столетия Франция вступила в эпоху Нового времени. Не ограниченное законами правление не могло сформироваться быстро и без причин – Шишкин говорит о благоприятных условиях, в которых реализовывалось постепенное наступление власти короля на традиционные сословно-представительные структуры – провинциальные штаты и дворянские ассамблеи²⁶⁰. Неудивительно, что экспансия абсолютизма не могла быть незамеченной в дворянской среде и породила недовольство, в том числе и гражданскую войну – Фронду.

Французская исследовательница **С. Бертьер** в книге **«Мазарини: мастер игры»**²⁶¹ встает на защиту непопулярного министра: целью работы было развеять недоразумения вокруг его имени. Она подробно анализирует его жизненный путь и карьеру и приходит к выводу, что кардинал, приложив огромные усилия, добился грандиозных успехов в политике и финансовых вопросах: «Мазарини, иностранец, начинавший с нуля, к моменту своей смерти оказался хозяином Франции и арбитром Европы, обладая, кроме того, сказочным состоянием – более могущественным, чем когда-либо было у любого министра»²⁶². Исследовательница считает, что он добился даже больше, чем его предшественник – кардинал де Ришелье²⁶³. Симона Бертьер подчеркивает, что Джулио Мазарини был выходцем из

²⁵⁸ Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб., 2004.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Bertière S. Mazarin: le maître du jeu. P., 2007.

²⁶² Bertière S. Mazarin: le maître du jeu. Clamecy, 2024. P. 9.

²⁶³ Ibid. P. 11–12.

небогатой итальянской семьи и «сделал себя сам» и использовал «по максимуму те возможности, которые судьба вложила в его руки»²⁶⁴. Неприязнь и ксенофобия, испытываемые к нему французскими современниками и историками, с ее точки зрения, объясняется неприятием иностранца и завистью к нему, распространенной обиженными фрондерами. В книге также приводится важная для исследования информация о происхождении министра, его карьерном росте и адаптации в высших сферах власти иностранного государства.

Большой интерес представляет диссертация исследовательницы **С. Вернь «Фрондерки: политическая деятельность аристократок и ее репрезентации с 1643 по 1661 год»**²⁶⁵. Софи Вернь с феминистских позиций рассмотрела политическую активность и роль дворянок во время гражданской войны, чтобы выявить культурные, социальные, политические проблемы. Исследовательница заинтересовалась отношениями женщин и власти, поэтому она проанализировала все политические проекты, в которых участвовали активные дворянки от начала регентства Анны Австрийской в 1643 г. до прихода к личному правлению Людовика XIV в 1661 г. Рассматривая роль женщин в семейных, дружеских и клиентских сетях, Вернь пришла к выводу, что Фронда была временем женской эмансипации. В своей работе я разделяю подход исследовательницы. В частности, мы независимо друг от друга увидели, что госпожа де Буйон использовала «женские чары», чтобы управлять политическими действиями супруга.

Стоит обратить внимание на книгу **Ж.-М. Констан «Это была Фронда»**²⁶⁶. Об этой монографии нужно написать подробнее, потому что она ближе всего к проблеме моего исследования. В своей работе автор хотел найти в жизни женщин и мужчин, участвовавших в событиях Фронды, возможные мотивы, которые побуждали их к действию²⁶⁷. Мотивы эти были сугубо личными, связанными с карьерным продвижением, любовными связями, то есть с межличностными

²⁶⁴ Ibid. P. 9-10.

²⁶⁵ Vergnes S. Les Frondeuses: l'activité politique des femmes de l'aristocratie et ses représentations de 1643 à 1661. Université Toulouse le Mirail – Toulouse II. 2012.

²⁶⁶ Constant J.-M. C'était la Fronde. P., 2016.

²⁶⁷ Ibid. P. 10.

отношениями. Ларошфуко писал, что его дружеские связи, любовные страсти и разочарование в карьере определяли его поведение. Примерно то же самое можно сказать и про кардинала де Реца. Графини де Шеврез и де Лонгвиль вели очень свободную сексуальную жизнь по тем же причинам, считает исследователь. Мадемуазель, дочь Гастона Орлеанского и кузина Людовика XIV, решала, каким образом себя вести, в соответствии со своим желанием действовать, а также уподобляясь героям романов и театральным постановок²⁶⁸. Констан убежден, что участники гражданской войны хотели написать приключенческие или философские романы, сделав себя их главными героями; к объективной реальности их воспоминания имеют совсем небольшое отношение²⁶⁹.

Констан считает, что хронологические рамки Фронды (1648–1653) нуждаются в серьезном пересмотре. По мнению исследователя, гражданскую войну надо обзирать в долгосрочной перспективе и начинать с государственного переворота Людовика XIII против его матери в 1617 г., что он и делает в работе²⁷⁰. Историк называет это событие разрывом с прежней политикой Генриха IV и Марии Медичи и обращает внимание на победу «партии войны», отвечающей интересам воинственной знати. Этим объясняется постоянное недовольство народных слоев, задавленных налогами. Констан считает, что Фронда является чередой не особенно оригинальных по своей сути вооруженных дворянских бунтов, спонтанных или контролируемых домами знати народных бунтов, а также корпоративных споров, антиналоговых протестов²⁷¹. Таким образом, мой взгляд на Фронду ближе всего к взгляду Ж.-М. Констан, потому что меня тоже в первую очередь интересует мотивация дворян и их межличностные связи как фактор, имевший большое значение для гражданской войны.

К работам последних 5–6 лет относится монография английского историка Г. Брауна «Массовое насилие и личность: от Религиозных войн во Франции до

²⁶⁸ Ibidem.

²⁶⁹ Ibid. P. 11–12.

²⁷⁰ Ibid. P. 13, 14.

²⁷¹ Ibid. P. 14.

Парижской коммуны»²⁷². В ней автор анализирует в основном реакцию третьего сословия на гражданские беспорядки, в том числе во время Фронды, которой посвящена вторая глава книги. В отличие от большинства проанализированных в этом обзоре статей и книг, в центре внимания работы Г. Брауна не мятежные аристократы и героические аристократки, а обратная сторона медали – межличностные отношения и горести простых французов. Для моей диссертации это важно, потому что в воспоминаниях сильных мира сего, которые я анализирую, мало сказано о народе. Данные о злоупотреблениях и мародерстве солдат, голоде, заставлявшем ранее вполне благополучных людей есть ящериц, многочисленных благотворительных организациях и массовых религиозных шествиях с молитвами о мире либо скудны, либо вовсе не представлены.

Также, как и в статьях Б. Трибу, К. Анжебо, Л. Сейферта, о которых будет сказано подробнее в разделе об изучении источников, автор использовал мазаринады и тоже отметил проблемы в изучении из-за их полемического стиля: в источниках этого типа содержится много клеветы, сатиры, заведомо искаженной информации. Поскольку проверить сведения мазаринад крайне сложно, Г. Браун считает их использование в качестве барометра общественного мнения глубоко обманчивым. Он называет их распространение «гражданской войной, ведущейся печатными средствами». Г. Браун заметил, что большинство памфлетов в принципе не содержали никаких упоминаний о высмеиваемом итальянце, давшем им название – вместо этого они были нацелены «мятежниками» друг на друга. Браун отвечает на вопрос: по какой причине мазаринады, казалось бы, такие яркие и образные памфлеты, обычно публиковали без иллюстраций или карикатур? Историк объясняет, что для типографов было невыгодно изготавливать дорогостоящие гравюры для очень часто выпускаемых памфлетов²⁷³.

²⁷² Brown H.G. *Mass Violence and the Self: From the French Wars of Religion to the Paris Commune*, Cornell University Press, 2018.

²⁷³ Подробнее об иллюстрациях к мазаринадам см. Обзор источников, параграф «Мазаринады: характеристики и сложности интерпретации» и Приложения.

Историк, как это следует из названия монографии, анализирует насилие и его влияние на массы во время гражданской войны. Г. Браун считает, что беженцы в Париже, нападки мародерствующих войск, распад социального и политического порядка крайне негативно подействовали на психологическое состояние социальной элиты города. Публикация памфлетов об ужасах войны поспособствовала всплеску благотворительности в пользу жертв из третьего сословия, который автор объясняет тем, что буржуазия Парижа летом 1652 г. получила коллективную травму. Отчасти, как показывает Г. Браун, это объяснило поражение Фронды: парижские «добрые буржуа» стали испытывать страх перед воинственными люмпенизированными слоями горожан и больше сочувствовать монархии, что и было причиной их разобщения. Следовательно, травма парижской буржуазии стала одной из причин провала Фронды принцев и в конечном итоге поспособствовала установлению единоличного правления Короля-Солнце.

Один из самых недавних текстов в этом историографическом обзоре – статья французского исследователя **Ж.-Б. Пуля «Николя Фуке, генеральный прокурор парижского парламента во время Фронды (1650–1653)»**²⁷⁴. Фуке был суперинтендантом финансов при Людовике XIV, но мы не встретим его фамилию среди «звезд» гражданской войны, таких как мадемуазель де Монпансье, герцог де Ларошфуко или кардинал де Рец. Поскольку о раннем периоде его карьеры историки написали не так много, изучение его роли в событиях Фронды остается актуальным. Во время гражданской войны он, как следует из названия статьи, был генеральным прокурором парижского парламента, то есть занимал немаловажную должность. В его полномочия входил, к примеру, контроль над подвозом продовольствия к Парижу, то есть Фуке мог решать: голодать столице или пировать. Неудивительно, что благодаря должности Николя Фуке мог влиять на происходящее в парижском парламенте.

²⁷⁴ Poulle J.-B. Nicolas Fouquet, procureur général au parlement de Paris sous la Fronde (1650–1653): l'habileté d'un temporisateur // Dix-septième siècle. 2023. № 3 (300).

Ж.-Б. Пуль считает, что Фуке был очень инициативным участником событий, его нельзя назвать просто исполнителем воли первого министра. С точки зрения автора, именно Фуке догадался, что единственной точкой для потенциального объединения двух Фронд – парламентской и принцев – была фигура Мазарини. По этой причине генеральный прокурор парижского парламента настоял на повторном «удалении» Мазарини, которое и завершило распад парижской Фронды²⁷⁵.

Историк отмечает, что Фуке нельзя однозначно приписать к клиентеле того или иного лидера во время гражданской войны. Николя Фуке имел репутацию мазариниста, однако он был не клиентом кардинала: Пуль называет его преданным слугой Анны Австрийской. Королева не забыла про верность Фуке во время Фронды и повлияла на его назначение генеральным прокурором палаты правосудия, а потом и суперинтендантом. Ж.-Б. Пуль приходит к выводу, что Николя Фуке проявил хорошую способность к адаптации во время Фронды. Он играл роль важного посредника между властью и оппозицией, не запятнав свою репутацию. Осмотрительное поведение во время гражданской войны помогло ему сделать головокружительную карьеру при Людовике XIV. Во время знаменитого судебного процесса (1661–1664 гг.) суперинтендант использовал как козырь свое постоянство и лояльность по отношению к двору в 1648–1653 гг.

Новейшая работа в обзоре – монография французского историка **К. Леперсона «Великий Конде: изгнание ради чести»**²⁷⁶. Из названия следует, что Леперсон исследует мятеж принца против первого министра, участие Конде во Фронде и последовавшую за этим немилость двора, то есть 1640-е – 1660-е гг. Книга начинается с описания последних дней Великого Конде. К. Леперсон делает акцент на том, что после бунта бывший фрондер всю свою жизнь и карьеру добивался доверия и прощения Короля-Солнце. Теме преданности французской монархии было посвящено последнее письмо в его жизни, которое он адресовал Людовику XIV.

²⁷⁵ Ibid. P. 430–431.

²⁷⁶ Xavier Le Person. Le Grand Condé. Un exil pour l'honneur. P., 2023.

Для анализа мотивации Конде историк рассматривает его сложные отношения с Мазарини, называя их «*ennemis intimes*» – личными врагами. Дом Конде и Мазарини были в клиентеле Ришелье – мятежный принц неслучайно был женат на племяннице министра, Клер-Клеманс де Мэйе-Брезе²⁷⁷. Конде не могло не оскорбить, что после смерти Ришелье на его место стал претендовать другой протеже Мазарини, заслоняя его на политической арене. Итальянец существенно уступал ему в родовитости: по традиции принцы крови стояли выше в иерархии, чем кардиналы. Герцог Энгиенский, будущий Великий Конде, почувствовал себя неза заслуженно ущемленным. Леперсон объясняет этим то, что позднее он возглавил Фронду принцев (1650–1653 гг.), желая выставить на всеобщее обозрение перепалку за власть и влияние с Мазарини.

Также историк анализирует отношения дворян во время Фронды, объясняет непопулярность Конде в столице²⁷⁸, рассматривает «коллаборацию» Фронды принцев с иностранными войсками против армии французского короля. Изучающим XVII в. будут интересны редкие иллюстрации, приведенные в книге наряду с географическими картами с маршрутами передвижения войск, а также с таблицами по их численности. Отдельно нужно отметить очень красивый язык автора, в котором с простотой грамматических конструкций удачно сочетается насыщенность текста информацией.

2. Особенности исторических источников по периоду Фронды и подходы к их изучению. Мемуары. Интерес к наследию и личности де Ларошфуко пробудился еще в XVIII в. Историки пытались разрешить «загадку» характера герцога и его взглядов на жизнь, оценить масштаб его личности на фоне истории Франции. В середине XVIII в. появилась статья о писателе-моралисте с его краткой биографией и описанием его литературной деятельности. О герцоге писали и в

²⁷⁷ Клер Клеманс де Мэйе-Брезе (1628–1694) – дочь маршала Франции Юрбена де Брезе, племянница кардинала Ришелье, супруга Великого Конде, участница Фронды на стороне мужа.

²⁷⁸ Этой проблеме посвящена глава исследования Ксавье Леперсона «Непопулярность принца Конде в Париже». Xavier Le Person. *Le Grand Condé*. P. 66–75. С отъездом принца из Парижа были связаны беспорядки в ратуше 4 июля 1652 г. В тот день в ратуше было созвано общее собрание, через два дня после поражения принца Конде и его ополчения во время битвы в предместье Сен-Антуан против королевской армии. Не обвиняя никого, Дюбюиссон-Обене, хорошо осведомленный о событиях в Париже, отметил, что на сторонниках принцев лежит очевидная ответственность в этот день насилия.

историческом словаре Морери²⁷⁹. В этом источнике де Ларошфуко охарактеризован в первую очередь как писатель, «известный своими замечательными произведениями, книгой «Максим» и «Мемуарами» по периоду регентства Анны Австрийской»²⁸⁰.

Серьезные научные труды о герцоге появились в XIX в. после публикации полного собрания его сочинений²⁸¹. Наиболее полную научную биографию написал американский исследователь XX в. М. Бишоп²⁸².

Биографические сведения о герцоге де Ларошфуко дали статьи советской исследовательницы **М.В. Разумовской** «Ларошфуко и Фронда»²⁸³, «Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко»²⁸⁴. В первой статье Разумовская писала, что литературные произведения Ларошфуко долгое время рассматривались без учета биографии их автора, что привело к их однобокому пониманию как сочинений пессимистичного аристократа XVII в. Поэтому исследовательница написала в своей статье биографию герцога, чтобы сделать более точной критику его сочинений. Исходя из статьи, Мазарини считал Ларошфуко одним из главных инициаторов Фронды: «"Марсийяк, – пишет Мазарини, – взвешивает на самых точных весах визиты, которые он должен мне нанести"»²⁸⁵. И дальше: "Марсийяк недоволен, как никогда... Он входит во все советы смутьянов"²⁸⁶; "Есть лица, которые, подобно господину Марсийяку, пытаются вызвать новые волнения в провинции и даже в Париже организовать новые смуты против короля", – писал кардинал в 1650 г»²⁸⁷. Подобной мысли я не встречала в других биографических статьях о герцоге. Разумовская писала также о социокультурных изменениях во

²⁷⁹ Moréri L. Le Grand Dictionnaire historique. Amsterdam, 1740. Vol. 7. P. 153.

²⁸⁰ Ibidem.

²⁸¹ Биографии де Ларошфуко написали Ш.-О. Сент-Бев, Ж. Бурдо, Ф. Эмон. Sainte-Beuve C.-A. La Bruyère et La Rochefoucauld, Mme de La Fayette et Mme de Longueville. P.: impr. de H. Fournier et Cie. 1842; Bourdeau J. La Rochefoucauld. P.: Hachette. 1895; Hémon F. La Rochefoucauld. P., 1896.

²⁸² Bishop M. The Life and Adventures of La Rochefoucauld. New York, 1951.

²⁸³ Разумовская М.В. Ларошфуко и Фронда // Литература и эстетика. 1960.

²⁸⁴ Разумовская М.В. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко // Франсуа де Ларошфуко. Мемуары. Максимумы. Л., 1971.

²⁸⁵ Cousin V. Des carnets autographes du cardinal Masarin conservés à la bibliothèque impériale, «Journal des savants», Nov. 1854, P. 706. Цит. по: Разумовская М.В. Ларошфуко и Фронда. С. 7.

²⁸⁶ Ibidem.

²⁸⁷ Instructions inédites du cardinal Masarin contre les Frondeurs, 28 Mars 1650. Цит. по: Разумовская М.В. Ларошфуко и Фронда. С. 7.

французском обществе середины XVII в., в котором происходило развитие абсолютизма, «одворянивание» буржуазии, изменение в управлении провинциями, народное недовольство. Абсолютизм был охарактеризован как «гибельный для Франции», а Ришелье, который абсолютизм утверждал, был назван «преступником»²⁸⁸. Ларошфуко под таким углом зрения становился борцом за спасение отечества и против расширения королевской власти.

В следующей статье, как и в предыдущей, Разумовская рассматривала события из жизни фрондера, написала об истории создания его сочинений и о взаимосвязи между ними. Разумовская уделила большое внимание влиянию событий Фронды на произведения писателя и подчеркнула его верность одной партии и своим политическим идеалам, которые он ни разу не предавал. Анализируя текст «Мемуаров» и «Максим» Ларошфуко, исследовательница пришла к выводу о том, что автор перенес свое разочарование соратниками-фрондерами и презрение к ним сначала на страницы воспоминаний, а потом в сокращенном виде в афоризмы. Разумовская написала о Ларошфуко с явной симпатией.

Среди биографических статей о герцоге де Ларошфуко стоит выделить работу уже упомянутой в обзоре исследовательницы из РГГУ **А. Стоговой «Загадочный Ларошфуко»**²⁸⁹. Исследовательница отметила, что он был известен во Франции как моралист, и образ сурового и язвительного критика людских пороков прочно заслонил собой личность Ларошфуко, в то время как он был галантным кавалером, неудачливым придворным и храбрым воином. Стогова подробно описала иностранную и отечественную литературу о Ларошфуко, выделила два «лагеря» исследователей, одни из которых замечали достоинства, а другие – недостатки герцога.

²⁸⁸ Там же, С. 14.

²⁸⁹ Стогова А.В. Загадочный Ларошфуко // Новая и новейшая история. 1999. № 3.

В статье **«Будущая книга: генезис мемуаров де Ларошфуко»**²⁹⁰ французский исследователь **Б. Трибу** изучает становление писателя. Трибу с грустью отмечает, что сегодня²⁹¹ не существует полных «Мемуаров» и «Максим» фрондера в одном переплете. На русском языке есть перевод с участием Э.Л. Линецкой, М.В. Разумовской и других²⁹², но книга не включает полный текст источников. Для историка остается вопросом, почему в наши дни нет полного издания «Мемуаров» и «Максим», так как от анализа воспоминаний Ларошфуко зависит понимание его афоризмов – философских выводов, к которым он пришел горьким опытом. К примеру, максимы о женщинах и любви написаны язвительно, в них чувствуется обида. При сопоставлении их с «Мемуарами» Ларошфуко и других участников событий становится понятно, что герцог тяжело переживал разрыв с бывшей возлюбленной и соратницей мадам де Лонгвиль. Так как герцог практически одновременно создавал «Мемуары» и «Максимы», для понимания его замысла нужно сопоставлять тексты обоих источников, считает Б.Трибу, и с ним сложно не согласиться. Такой подход делает возможным проследить эволюцию Ларошфуко как личности и как писателя. Историк с грустью отмечает, что манускрипт «Мемуаров» де Ларошфуко до сих пор систематически не описан. В работе Брюно Трибу много полезной информации о замысле воспоминаний, создании разных вариантов текста и их редакции, о выходе произведения в печать.

Французский исследователь **А. Бертьер** в монографии **«Мемуарист кардинал де Рец»**²⁹³ обратился к одному из самых известных литературных памятников Фронды. Встреча кардинала с историей не была успешной, и, по мнению Бертьера, в глазах историков де Рец не представляет значимой фигуры. Если бы он был просто кардиналом и фрондером, сегодня о нем бы уже никто не помнил²⁹⁴. Воспоминания Гонди – это реалии его жизни; это не просто историческое произведение, но история, написанная одним из ее действующих лиц,

²⁹⁰ Tribout B. Le livre à venir: la genèse des mémoires de la Rochefoucauld // Revue d'Histoire littéraire de la France. 2017. № 3.

²⁹¹ Ситуация сохраняется и на момент написания моей диссертации (сентябрь 2024 – май 2025).

²⁹² Ларошфуко Франсуа де. Максимы и размышления. Мемуары. М., 2007.

²⁹³ Bertière A. Le cardinal de Retz mémoraliste. Lille, 1981.

²⁹⁴ Ibid. P. 9.

представленная в перспективе, ориентированная на его личные предпочтения, позволяющая понять мотивацию его действий. Став мемуаристом, де Рец одновременно сделался и литератором, писателем.

Далее упомяну о статьях отечественных специалистов, посвященных изучению мемуаров участников Фронды. На русском языке о биографии кардинала де Реца и истории публикации его «Мемуаров» написал **Ю.Б. Виппер** в вводной статье к русскому переводу воспоминаний коадьютора²⁹⁵. Историк привел ценные сведения о жизни мемуариста в периоды, предшествующие Фронде и следующие после нее.

Биографические сведения о принцессе де Монпансье я почерпнула в статье **В.Д. Алташиной** «Галантно-героические мемуары мадемуазель де Монпансье»²⁹⁶. Публикация примечательна и тем, что исследовательница подробно анализировала текст воспоминаний герцогини, его стилистику и смысловые части. В.Д. Алташину интересовали особенности мировосприятия Монпансье, предметы, на которые она обращала внимание.

Важные биографические данные и филологические наблюдения привела **С.Ю. Павлова** в своей статье «Орлеанский эпизод в «Мемуарах» мадемуазель де Монпансье и идеал героического феминизма»²⁹⁷. Для изучения личности принцессы я ознакомилась с несколькими другими статьями исследовательницы: «Автобиографическая память в мемуарах мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца»²⁹⁸, «Героическое начало в «Мемуарах» мадемуазель де Монпансье»²⁹⁹. В статьях Павлова анализировала текст воспоминаний герцогини, особенности ее мировосприятия, сравнивала их с другими источниками XVII в. Интересными также представляются ее наблюдения о том, каким влияниям была

²⁹⁵ Виппер Ю.Б. «Мемуары» кардинала де Реца // Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997.

²⁹⁶ Алташина В.Д. Галантно-героические мемуары мадемуазель де Монпансье // Зарубежная литература. Проблемы метода. Границы литературы в гуманитарном пространстве. Межвузовский сборник. Под. ред. Чамеева А. 2010. № 7.

²⁹⁷ Павлова С.Ю. Орлеанский эпизод в «Мемуарах» мадемуазель де Монпансье и идеал героического феминизма // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 2.

²⁹⁸ Павлова С.Ю. Автобиографическая память в мемуарах мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца // Международный журнал исследований культуры. 2018. №1 (30).

²⁹⁹ Павлова С.Ю. Героическое начало в «Мемуарах» мадемуазель де Монпансье // Литературоведение. 2015.

подвержена принцесса, как культура Франции изучаемой эпохи проявляется в конструкции ее текста, а значит и в ее сознании. Исследовательница рассмотрела эпизоды, которым мемуаристка уделила особое внимание, оценила роль принцессы в событиях Фронды.

Информацию о Бюсси-Рабютене, авторе «Любовной истории галлов», я почерпнула из **статьи Т.О. Кожановой**³⁰⁰. Переводчица с большой тщательностью подошла к описанию биографии автора источника, рассказала о подробностях его жизненного пути и работы над романом. В статье я почерпнула также необходимые сведения об истории создания и публикации источника.

Другая статья **Т.О. Кожановой** посвящена «Любовной истории галлов» и ее оценке современниками и исследователями³⁰¹. С одной стороны, язык романа был оценен профессиональными писателями как прекрасно выдержанный и искусный, с другой – многие современники были возмущены распутством автора. Кожанова отметила, что скандал вокруг этого эротически-сатирического романа до сих пор остается овеванным тайной³⁰². Исследовательница задалась вопросами, почему высшее общество так оскорбил роман, события которого разворачиваются десятью годами ранее, во время Фронды? Был ли Бюсси заключен в результате заговора его недоброжелателей? Может быть, суровое наказание последовало из-за недовольствия Людовика XIV, который узнавал о все новых и новых анонимных продолжениях «Любовной истории»? Возможно, современные исследователи знают не все подлинные ключи романа? Кожанова считает, что ответить с точностью на все эти вопросы невозможно. Для нее очевидна политическая подоплека дела Бюсси.

Сведения о «Мемуарах» Бюсси-Рабютена я почерпнула в **статье С.Ю. Павловой**³⁰³. Исследовательница написала о времени создания произведения, его

³⁰⁰ Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов. М., 2010.

³⁰¹ Кожанова Т.О. Бюсси-Рабютен: писатель-либертен или законодатель совершенной любви? // XVIII век: мужское / женское в культуре эпохи. М., 2008.

³⁰² Там же. С. 85.

³⁰³ Павлова С.Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена // Известия Саратовского университета. 2012.

замысле, стиле и жанровых особенностях. Она подчеркнула, что тональность «Мемуаров» Бюсси сдержанная и тактичная, в ней совершенно нет злой иронии, которая пронизывает нашумевший роман автора, о котором написано выше. По мнению Павловой, граф намеренно старался сделать повествование нейтральным, чтобы показать себя в лучшем свете, смягчить гнев общества и монарха³⁰⁴.

Изучение переписки и мазаринад. Кандидатская диссертация во многом основана на анализе мемуаров участников, но важным представляется рассмотреть также работы о других типах источников Фронды – о письмах и мазаринадах, с помощью которых можно изучать настроения французов середины XVII, а также пропаганду парламентских фрондеров и кондеанцев.

Французский исследователь **К. Сентени-Дюлон**, упомянутый выше в обзоре, написал примечательную статью **«Загадочные символы в переписке Анны Австрийской и Мазарини. Вклад в эмблематику XVII в.»**³⁰⁵. Сентени-Дюлон отметил, что у королевы и первого министра были существенные проблемы с перепиской после вынужденного отъезда последнего из Франции, поэтому они изобрели особенные секретные обозначения для писем³⁰⁶. Многие исследователи сходятся во мнении, что знак «*» обозначал чувства Мазарини, а знак «+» – чувства Анны Австрийской, так как контекст употребления символов не позволяет предположить какую-либо другую интерпретацию³⁰⁷. Исследователь считает, что кардинал и королева должны были скрывать свои эмоции даже в личных письмах, потому что в случае перехвата фрондерами их корреспонденции королевская партия была бы дискредитирована. Даже после гражданской войны они пользовались этими секретными обозначениями³⁰⁸. Эта статья содержит много информации и о других секретных отметках, которые использовали при написании зашифрованных документов. К сожалению, изображения переписки с тайными

³⁰⁴ Там же. С. 45.

³⁰⁵ Dulong-Sainteny C. Les signes cryptiques dans la correspondance d'Anne d'Autriche avec Mazarin, contribution à l'emblématique du XVIIe siècle // Bibliothèque de l'école des chartes. T. 140. 1982.

³⁰⁶ Ibid. P. 61–61.

³⁰⁷ Ibidem.

³⁰⁸ Ibid. P. 66.

символами были удалены из статьи, а в других источниках или исторических работах они не встречались.

Американский франковед **Л. Сейферт** в статье **«Эротизация Фронды: сексуальные отклонения и политический беспорядок в мазаринадах»**³⁰⁹ поставил вопрос о взаимосвязи эротики и политики, революций и сексуальных извращений. Сейферт обратил внимание на то, что в памфлетах и гравюрах угрозе социальной или политической нестабильности иногда придается явно сексуальный оттенок, политическая сатира становится политической порнографией³¹⁰. В периоды нестабильности в государстве эротика была использована памфлетистами и карикатуристами как средство борьбы со страхом перед смертью и насилием. Возможно, из-за этого существует значительное количество эротической (или порнографической) брошюрной литературы, посвященной многим периодам политических волнений, особенно раннего Нового времени. Эпоха Фронды во Франции не стала исключением из этой закономерности – большое количество мазаринад, на анализе которых Сейферт строит свою концепцию, содержит прямые или завуалированные сексуальные намеки. В памфлетах и песенках времени Фронды кардинал Мазарини был изображен как извращенец³¹¹. Примечательно, что наиболее сексуально откровенные мазаринады появлялись в периоды вспышек ненависти по отношению к первому министру. Работа Сейферта дополняет сведения из источников и отчасти помогает понять методы пропаганды, которую вели фрондеры против первого министра.

Рассматривая историческую литературу, посвященную изучению мазаринад, нельзя не упомянуть работы **К. Жуо**. В своей статье **«Тексты и действие в XVII в.: по корпусу мазаринад»**³¹² он обратил внимание на тот факт, что эти политические памфлеты условно определили в одну группу под названием «мазаринады». Они серьезно различаются и по объему, и по содержанию, и по

³⁰⁹ Seifert L. Eroticizing the Fronde: Sexual Deviance and Political Disorder in the "Mazarinades" // L'Esprit Créateur. 1995. Vol. 35. № 2.

³¹⁰ Ibid. P. 22.

³¹¹ Ibid. P. 23.

³¹² Jouhaud C. Écriture et action au XVIIe siècle: sur un corpus de mazarinades // Annales. Economies, sociétés, civilisations. № 1, 1983.

происхождению. Существуют мазаринады как в поддержку первого министра, так и против него, как на пару страниц, так и на несколько сотен. Жуо отметил, что мазаринады часто были «полуфрондерскими, ультрафрондерскими или антифрондерскими»³¹³. Мазаринады объединяло то, что эти тексты быстро писали, быстро печатали, быстро читали, на них нужно было реагировать еще быстрее, чтобы не потерять союзников. Жуо отметил бесспорные недостатки этого типа источников, усложняющие работу историка, такие как бессистемность, многословность, однотипность.

В статье «**Пропаганда и действие во время Фронды**»³¹⁴ Жуо проанализировал количество мазаринад, появившихся во время гражданской войны, объяснил их появление и роль в жизни французского общества. Исследователь считает, что в XVII в. во Франции сформировалась аудитория для газет и памфлетов, изобилующих новостями о политике, чем и объясняется огромное количество мазаринад. Жуо утверждал, что созданием этого вида памфлетов занимались в основном профессионалы издательского дела³¹⁵. Историк сделал акцент на проблемах данного типа источника, таких как слабость текста, непонятная и неструктурированная речь, отсутствие главной мысли. Мысль Жуо заключается в том, что целью мазаринад было не четко обрисовать ту или иную концепцию, а заставить свою аудиторию действовать.

Следуя за Кристианом Жуо, французский исследователь **К. Анжебо** развил тезис о том, что мазаринады не были воплощением общественного мнения во время Фронды. В статье³¹⁶ Анжебо рассматривает мазаринаду, которая служила ключом для расшифровки других политических текстов. Цензор – главный герой этого текста – воплотил образ власти-критика и был предлогом для развития самых смелых исторических, религиозных и политических взглядов³¹⁷. Историк

³¹³ «Demi-frondeuses, ultra-frondeuses, anti-frondeuses». Ibid. P. 42.

³¹⁴ Jouhaud C. Propagande et action au temps de la Fronde // Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984), 1985.

³¹⁵ Ibid. P. 337.

³¹⁶ Angebault C. Théologie des clés et censure du public : lecture d'une mazarinade à clé du Sieur de Sandricourt intitulée Le Censeur du temps et du monde, portant en main la clef promise // Littératures classiques. № 54. 2005.

³¹⁷ Ibid. P. 46.

тщательно разобрал скрытые смыслы мазаринады, влияние Монтеня на политические памфлеты Фронды, проанализировал псевдоним ее автора, его мнимую и реальную, скрытую под маской лояльности политическую позицию, чтобы разобраться в секретном ключе. Работа Кристофа Анжебо помогает понять, как нужно работать с этим видом исторических источников, на какие моменты стоит обратить внимание, в чем «верить» или «не верить» мазаринадам, что они могут сказать об истории Фронды.

Российский историк **В.Н. Малов** в упомянутой выше монографии³¹⁸ проанализировал несколько мазаринад, относящихся к старой Фронде. В.Н. Малов сделал вывод, что памфлетистика в годы гражданской войны «претерпевала свою эволюцию»: по его наблюдениям, оппозиция двору во время парламентской Фронды была более принципиальной, чем в годы Фронды принцев³¹⁹. В.Н. Малов отметил в программе парламентской Фронды, отраженной в памфлетах, желание парламента быть соучастником в опеке над малолетним королем, требование арестовать и судить Мазарини, вопрос о праве на сопротивление воле монарха³²⁰.

Б. Трибу, упомянутый выше, также посвятил этому типу источников статью **«Память о мазаринадах: политическая критика при Людовике XIV»**. По его мнению, с Религиозных войн и до конца правления Людовика XIV политические памфлеты пользовались заметным спросом, но их рассматривали только в контексте породившей их полемики. С таких позиций исследователь анализировал и мазаринады Фронды, отмечая их смелые идеи и жесткую сатиру. В большинстве памфлетов, которые изучал Б.Трибу, кардинал Мазарини был важным действующим лицом: либо объектом нападок, либо политиком, нуждающимся в защите. В этом данные исследователя противоречат сведениям Г. Брауна, упомянутого выше.

Трибу доказал, что влияние мазаринад было ощутимым даже после окончания Фронды. Память о памфлетах использовалась во время знаковых событий во

³¹⁸ Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009. С. 397–416.

³¹⁹ Там же. С. 400.

³²⁰ Там же. С. 403–405.

Франции XVII в.: они упоминались в таких контекстах, как смерть Мазарини (1661 г.), суд над суперинтендантом Фуке (1661–1664 гг.), война в Голландии (1672–1678 гг.), война Аугсбургской лиги (1688–1697 гг.)³²¹. Брюно Трибу пришел к выводу, что мазаринады способствовали развитию политической критики при Людовике XIV.

3. Межличностные отношения и их изучение.

В исследовании используются две монографии английской исследовательницы **Ш. Кеттеринг**, посвященные патрон-клиентским связям во Франции Нового времени. Книга «**Патроны, брокеры и клиенты во Франции XVII в.**»³²² погружает читателя в систему патрон-клиентских отношений, показывает роли составляющих ее звеньев. Кеттеринг вводит специальный термин «клиентизм» для обозначения этой системы связей³²³. Исследовательница распространяет иерархические клиентельные связи на всю совокупность взаимоотношений во французском обществе от королевского дворца до провинциальной усадьбы³²⁴. В монографии «**Патронаж во Франции XVI и XVII вв.**»³²⁵ рассматриваются патрон-клиентские отношения и стадии их формирования, а также их влияние на политические события XVI и XVII вв. Кеттеринг считает отличительной характеристикой патронажных отношений обязательный обоюдный патрон-клиентский обмен, который предполагал наличие ожиданий, прочное доверие и законную основу. Она отмечает особенности языка патрон-клиентских связей, изобиловавшего терминами, выражавшими добровольность и непредвзятость. Для моего исследования книга представляет интерес, так как несколько эссе в ней посвящены патрон-клиентским взаимоотношениям во время Фронды и роли этих отношений в потере авторитета аристократами после ее событий³²⁶.

³²¹ Tribout B. La mémoires de mazarinades: une critique politique sous Louis XIV // Revue d'Histoire littéraire de la France. 2015. № 4. P. 933–934.

³²² Kettering S. Patrons, brokers and clients in Seventeenth-Century France. New York, 1986.

³²³ Ibid. P. 4.

³²⁴ Ibidem.

³²⁵ Kettering S. Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Ashgate, 2002.

³²⁶ Ibid. P. 9.

Интересной для изучения этого раздела является статья отечественной исследовательницы **Л.А. Бесковой «Межличностные отношения в контексте социально-культурных стратегий различных эпох»³²⁷**, которая рассмотрела смену культурно-исторических эпох. В контексте межличностных отношений Бескова проанализировала дружбу, флирт, любовь, отношения в браке, восприятие ребенка в обществе³²⁸. Как считает исследовательница, межличностные отношения осуществляются так или иначе в зависимости от того, как на них реагирует общество³²⁹. Исследовательница задалась вопросом, можно ли проследить закономерность между характером эпох и формами межличностных отношений? По мнению Бесковой, возникновение новых культурно-исторических эпох связано с появлением в жизни общества новых социально-культурных стратегий. Ведущая стратегия, как написала исследовательница, определяет облик эпохи, формирует ее новый личностный образец, под влиянием которого развиваются межличностные отношения. Этот образец сначала возникал в слоях культуры, затем распространялся в общественные слои и оставался там как широко употребительный. Другие формы отношений устаревают и, выполнив свою историческую функцию, уходят с исторической сцены только внутри своего слоя. В качестве примеров Бескова привела куртуазную любовь и рыцарскую дружбу, характерные для средневековой элиты.

Информативными работами по интересующей меня тематике являются **статьи А.В. Стоговой «Дружба и друзья в представлениях французов XVII века»³³⁰** и **«"Добрый друг": социальная идентичность придворного времен Анны Австрийской и Людовика XIV»³³¹**, посвященные дружбе в придворной среде времени Фронды. В первой статье Стогова проанализировала

³²⁷ Бескова Л.А. Межличностные отношения в контексте социально-культурных стратегий различных эпох // Человек: грани философской рефлексии. М., 1996.

³²⁸ Там же. С. 64.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Стогова А.В. Дружба и друзья в представлениях французов XVII века (по сочинениям Ларошфуко) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000.

³³¹ Стогова А.В. "Добрый друг": социальная идентичность придворного времен Анны Австрийской и Людовика XIV // Мир Клио: сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. 2007. Т. 1.

межличностные связи в сочинениях Ларошфуко. Исследовательница отметила, что в произведениях герцога часто встречаются термины, обозначающие друзей и дружбу. Поскольку автор «Мемуаров» – мужчина, и основные события, приведенные в воспоминаниях, – военные действия, Ларошфуко писал в основном о мужской дружбе. Из 105 упоминаний о дружбе 23 относятся к дружбе между мужчиной и женщиной и только 6 – к женской дружбе. Стогова внимательно рассмотрела значения слова «дружба» во французском языке и выделяет из них те, которые были актуальными во времена Ларошфуко, изучила контекст, в котором автор употреблял термины дружбы.

Исследовательница начала вторую из перечисленных статью с терминов «эмоциональная дружба» и «инструментальная»³³². Мне не раз встречались подобные различия в понятиях на страницах источников, над которыми велась работа. Как отметила А. Стогова, отношения клиентелы и патроната часто назывались современниками дружбой³³³. Понятия о дружбе, которые Стогова сначала восприняла как общепринятые во французском обществе XVII в., оказались характерной чертой восприятия мемуаристов, составивших свои произведения после Фронды, в 1650-1670-х гг. Французские придворные ассоциировали себя с «друзьями того-то и того-то»³³⁴. У де Реца часто встречается слово «дружба» и его однокоренные. Подобная ситуация вообще характерна для мемуаров второй половины XVII в. Интерес историографии к патрон-клиентским связям породил в 1990-х гг. интерес и к сфере именно дружеских отношений³³⁵. Кеттеринг, упомянутая в обзоре выше, различала социальную и личную дружбу по нескольким критериям: личная дружба встречалась реже и была построена на

³³² Примерно те же понятия – социальная и личная дружба.

³³³ Стогова А.В. "Добрый друг". С. 374.

³³⁴ Там же. С. 377.

³³⁵ Таких авторов, как Л. Стоун, Ж.-М. Констан и других интересовала взаимосвязь между дружескими отношениями и обеспечением вертикальных и горизонтальных связей в обществе. Ряд статей был посвящен сходству патроната и дружбы. Инструментальную дружбу рассматривали в соотношении с клиентелой и родственными связями, абстрагируясь от эмоциональной стороны (она вполне могла и быть, но исследователи сознательно не брали ее в расчет). Проблематика дружеских отношений стала активно разрабатываться с 1990-х гг. Исследователи обратили внимание не только на проявление дружбы, но и на ее оценку современниками, на ее литературно-философские трактовки. Дружеские отношения стали рассматриваться в контексте истории идей и интеллектуальной истории. Эволюция понятия дружбы связывается авторами с социальными изменениями, языковыми реалиями, влиянием идеологии и культуры на межличностные отношения.

эмоциональном аспекте, социальная – на соображениях пользы. Доверие и преданность были присущи как социальной, так и эмоциональной дружбе³³⁶. Дружеские связи оставались сложно отличимыми от клиентелы.

Поскольку исследование касается любовных и семейных отношений, я ознакомилась с несколькими работами по этой тематике. В книге французского исследователя **Ж. Соле «Любовь на Западе в Новое время»**³³⁷ половые отношения рассмотрены через призму сексуального подавления, которое было характерно для европейских стран с XVI по XIX вв. Автор видел в этом препятствие для счастливого супружества. С точки зрения Соле, религиозные власти в Европе смогли преподнести коитус как нечто отвратительное, а малейший интерес женщины к сексу и желание участвовать в нем с энтузиазмом – как пошлость и грех. Таким образом, существовал «феномен кастрации», то есть «одержимость целомудрием», которая была характерна для многих христиан. Религия Запада в Новое время вторгалась в интимную жизнь всех сословий католиков и протестантов и стремилась поставить ее под свой полный контроль. Работа Жака Соле, прекрасно осведомленного в тонкостях этой темы, написана простым языком, что облегчает восприятие читателем сложных гипотез автора.

Так же я не могла не ознакомиться с монографией пионера этого направления новой социальной истории – **Л. Стоуна**. В книге «**Семья, секс и брак в Англии, 1500–1800**»³³⁸ Стоун анализирует и объясняет некоторые массовые сдвиги в мировоззрении и системах ценностей, которые произошли в Англии за период около трех столетий. Подобная эволюция касается не только Англии, поэтому я смело руководствуюсь выводами историка. Обширные и неуловимые культурные сдвиги выразились в изменениях в отношениях членов семьи друг с другом с точки зрения правовых механизмов, обычаев, власти, аффектов и пола³³⁹. Иными словами, Стоун изучил семью, чтобы «открыть окно в этот более широкий ландшафт

³³⁶ Kettering S. Friendship and clientage in early modern France. P. 139–158.

³³⁷ Solé J. L'Amour en Occident à l'époque moderne. P., 1976.

³³⁸ Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800. London, 1977.

³³⁹ Ibid. P. 3.

культурных метаморфоз»³⁴⁰. Под критическими изменениями Лоуренс Стоун понимал самый важный с его точки зрения сдвиг в ментальности Раннего Нового времени – переход от «дистанции, почтения и патриархата» к «аффективному индивидуализму»³⁴¹. Исследователь затронул вопросы отношений между любовниками, мотивы для вступления в брак, особенности межличностных отношений в семье и обязанности человека того времени перед его родом – все эти сведения и рассуждения очень важны для моего исследования, они подтверждаются информацией из изученных источников.

Множество важных и интересных фактов об отношениях супругов написал французский исследователь **Ж.-Л. Фландрен** в статье **«Сексуальная жизнь супругов в обществе Старого порядка: от учения Церкви к реальности поведения»**³⁴². Автор сделал акцент на том, что довольно сложно найти сведения, которые проливают свет на половую жизнь в семье. Большая их часть находится в источниках религиозного характера – в трактатах по моральной теологии, учебниках по ведению исповеди и т.д, но реальные практики сильно отличались от идеала поведения, заданного Католической Церковью³⁴³. Фландрен заметил очень интересную вещь – все сексуальные супружеские отношения в религиозных трактатах средневековья и Нового времени описывались в терминах долженствования. В этом долге мужчина и женщина были равны, так как и супруг, и супруга имели полное право на тела друг друга³⁴⁴. Исследование Фландрена, обратившего внимание на особенно странные для современных людей церковные запреты, написано легким и простым языком, в нем есть много полезной информации, которую авторы источников по времени Фронды не приводят, поэтому оно оказалось весьма значимым для изучения любовных отношений дворян.

³⁴⁰ Ibid. P. 4.

³⁴¹ Л. Стоун отмечает, что проблема этого перехода волновала еще Макса Вебера и Йозефа Буркхардта, однако они не смогли, с точки зрения исследователя, дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы. Историк предпринимает попытку объяснить изменения ментальности на Западе, сузив поле исследования историей семьи. Ibid. P. 4.

³⁴² Flandrin J.-L. La vie sexuelle des gens mariés dans l'ancienne société: de la doctrine de l'Église à la réalité des comportements // Sexualités occidentales. Contribution à l'histoire et à la sociologie de la sexualité / sous la direction de Philippe Ariès et André Béjin. 1982.

³⁴³ Ibid. P. 102.

³⁴⁴ Ibid. P. 105.

Проведя анализ отечественных и иностранных работ, можно сделать вывод о том, что история Фронды и ее участников в наши дни остается актуальной темой для исторического исследования. Все чаще появляются новые иностранные, переводные и русскоязычные издания, в который раз издаются уже ставшие классическими работы. Историки, как правило, ставят в своих исследованиях довольно широкие хронологические и тематические рамки, используют внушительное количество самых разных источников или с увлечением изучают проблемы межличностных отношений на примере источника или социального слоя. Фронда часто является лишь одной из составляющих частей исследования, посвященного биографии выдающегося исторического деятеля или историческому процессу, как это было в недавних работах К. Леперсона и Г. Брауна.

Как это следует из рассмотрения историографии, существует ряд сложностей с интерпретацией источников Фронды, потому что многие из них предвзяты и откровенно неоднозначны. Мемуары аристократов представляют собой апологии, призванные показать высокопоставленных участников событий в выгодном свете, очернив их личных и политических соперников. Неудивительно, что при сравнении воспоминаний нескольких «звезд» Фронды можно обнаружить множество фактических нестыковок. Кроме этого, аристократы мало писали о третьем сословии, поэтому оно часто оказывается неохваченным при исследовании Фронды. Мазаринады же, как написали Б. Трибу и Г. Браун, возможно, являются еще менее достоверными и заслуживающими доверия источниками, потому что в них часто намеренно писали неверные сведения.

После анализа историографии открываются новые возможности в изучении межличностных связей дворянства во время Фронды. К примеру, иностранных и российских исследователей явно интересуют вопросы, связанные с участием аристократок в политике Франции в годы малолетства Людовика XIV. На сегодняшний день монографий по истории Фронды, по межличностным и политическим связям дворян и дворянок в ее период немного, особенно на русском языке. Анализ дружеских, семейных, любовных и политических предприятий

аристократов и аристократок подлежит более детальной проработке. Мое видение Фронды и роли дворянства в ней ближе всего к подходу современных французских исследователей Ж.-М. Констана и С. Вернь, которые внимательно рассматривают межличностные отношения персоналий гражданской войны.

Как следует из обзора историографии, Фронда долгое время рассматривалась историками всего лишь как «болезнь абсолютизма», «бессмысленный бунт» избалованных аристократов и далеких от народа парламентариев, подстрекавших ради корыстных интересов простых французов, недовольных тяготами жизни во время постоянных войн. В середине XX в. исследователи пересмотрели подобный взгляд, признали сложность и неоднозначность событий Фронды и действий ее современников. Я полагаю, что Фронда стала индикатором напряжения, которое скопилось в межличностных отношениях французов, в том числе аристократов, изучению которых посвящено исследование. В настоящей диссертации Фронда рассматривается как совокупность взаимозависимых конфликтов между ее значимыми участниками, которые существенным образом влияли на ход истории Франции. Эти конфликты, которые на первый взгляд кажутся лишь интригами двора, проблемами аристократической семьи или просто капризами сильных мира сего, на самом деле заслуживают внимательного анализа. Межличностные неурядицы разворачивались в переходный для французской монархии момент, когда ей предстояло выбрать новый путь и пойти по нему. Таким образом, конфликты аристократов и в целом участников гражданской войны оказались вплетенными в широкий социально-политический контекст.

Ссоры и, наоборот, проявления лояльности в отношениях значимых участников Фронды могли «повернуть» гражданскую войну в новое русло. Межличностные связи и конфликты между представителями высших кругов французского общества в период политической нестабильности во многом объясняли появление баррикад на улицах, переход конфликта в «горячую фазу», формирование неприглядного образа «этого итальянца», налет которого остается на восприятии кардинала Мазарини до сих пор. Если сравнивать данное

диссертационное исследование с работами С. Вернь и К. Леперсона, основное отличие будет в фокусе на довольно большом количестве активных участников Фронды (к ним относятся кардинал де Рец, герцог де Ларошфуко, Мадемуазель де Монпансье, принц Конде, Анна Австрийская, кардинал Мазарини, граф де Бюсси-Рабютен и др.), в то время как первая писала о женщинах-фрондерках, а второй поставил в центр повествования одного представителя высшего общества – принца Конде.

Глава 1. Конфликты французских дворян во время Фронды: партии, личные отношения и политика

Можно сказать, что любая война, в том числе гражданская – это запутавшийся клубок интересов сильных мира сего, конфликтов между значимыми участниками. Героические похождения власть имущих часто происходят на фоне страданий простых людей, втянутых в события против их воли: зачастую у них даже нет четкого понимания, что происходит. Все это полностью относится к Фронде, в которой активно участвовали все слои французского общества середины XVII в.

Изучение конфликтов в среде французского дворянства и деятельности оппозиции очень важно для исследования гражданских войн. Оно помогает понять расстановку сил и особенности политической борьбы во Франции в 1648–1653 гг. В главе проанализированы *конфликты между родственниками, представителями противоборствующих лагерей и между членами одной партии. Так как патрон-клиентские отношения серьезным образом влияли на функционирование партий, объясняли поступки участников Фронды, я планирую рассматривать гражданскую войну как совокупность личных конфликтов, связанных прежде всего с этими отношениями.* В XVII в. каждый человек был связан с другим, стоящим выше на иерархической лестнице: вся Франция делилась на кланы и клиентелы во главе с патронами, которые совместно добивались поставленных задач. В этом проявилась логическая трансформация вассально-ленных отношений в патрон-клиентские связи.

В романе «Двадцать лет спустя», посвященном событиям во Франции и в Англии в 1640-х гг., Александр Дюма неслучайно «поместил» Атоса, Портоса, Арамиса и д'Артаньяна по разные стороны баррикад. В реальности межличностные отношения дворян во время Фронды были запутанными, сложными, они часто менялись от любви до ненависти.

1.1 Партии Фронды: фрондеры, мазаринисты, кондеанцы

В начале основной части исследования следует сделать акцент на особенностях партий гражданской войны. Политические лагеря времени Фронды серьезным образом отличались от партий в современном понимании этого слова, у них не было постоянного членства, регламентированных заседаний, взносов.

В «Словаре Французской академии» издания 1694 г. под словом «parti» понимается «объединение нескольких человек против других, имеющих противоположные интересы»³⁴⁵. Сведения из проанализированных источников дают похожие результаты. Дворянская партия во время гражданской войны представляла собой аморфное, непостоянное по составу объединение клиентов, выступающих на стороне своего патрона. Они были связаны не общей идеологией, а стремлением добиться схожих результатов, например, отставки и изгнания кардинала Мазарини. Дворянские партии нельзя в полном смысле назвать политическими организациями, термин употребляется весьма условно. К ним относились как к пагубному расколу в обществе, поэтому участие в них осуждалось. В партии дворян привлекали по большей части родственные и патрон-клиентские связи, которые были формой объединения, методом достижения целей и мотивом для политических действий во Франции XVII в. Исследовательница Ш. Кеттеринг пишет в книге «Патронаж во Франции XVI–XVII вв.», что именно наличие патрон-клиентских связей объяснило появление Фронды в провинциях, куда движение распространилось из Парижа, а также она представляет их дополнительным мотивом для вступления в ряды фрондеров дворянства шпаги и мантии. Из этого следует, что патронажные интересы определили участие высшего дворянства и провинциальных управленческих элит в гражданской войне³⁴⁶.

³⁴⁵ В словаре дано также фигуральное значение слова: «Встать на чью-то сторону, встать на сторону слабейшего, так сказать, защитить его, оберегать. И говоря о многообразии мнений, мы говорим, что человек всегда следует за правильной партией, то есть он всегда придерживается правильного мнения». Dictionnaire de l'Académie française. [Официальный сайт] URL: <https://dictionnaire-academie.fr/article/A1P0085-18> (Дата обращения: 24.04.2025).

³⁴⁶ Kettering S. Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Ashgate, 2002. P. 11.

Решение этих элит – участвовать во Фронде или нет, повлияло на последующее развитие провинций.

Мемуаристы называли разное количество партий, объединяя несколько в одну или вовсе упуская какую-либо из вида. О количестве подобных партий во время Фронды сказать непросто. В 1648–1650 гг. четко выделяются два противоборствующих лагеря: партия двора – мазаринисты (*les mazarins*) и партия фрондеров (*les frondeurs*), связанная с деятельностью парижского парламента. Описывая в «Мемуарах» события, относящиеся к 1651 г., коадьютор³⁴⁷ упоминает, что существуют только две партии. Это становится очевидным, так как де Рец предлагает Месье³⁴⁸ создать третью и возглавить ее, от чего герцог Орлеанский отказывается из-за того, что ему было выгоднее лавировать между «оппозицией» и правительством. Прочитав «Мемуары»: «Вот тут-то я и предложил <...> чтобы Месье открыто образовал третью партию, отдельную от партии принца де Конде; в нее вошел бы Париж и значительная часть больших городов королевства, весьма склонных к недовольству»³⁴⁹. В сообщении кардинала де Реца есть противоречие, потому что, согласно приведенной цитате, существовало только две партии, однако в том же предложении речь идет о партии принца Конде, которая должна быть третьей по счету после фрондеров и мазаринистов. Возможно, де Рец имел в виду третью «оппозиционную» партию после фрондеров и последователей принца. Сравнение нескольких источников³⁵⁰ показывает, что в реальности партий было больше двух. В источниках есть упоминания мазаринистов/партии двора (правительственная партия кардинала Мазарини), фрондеров (партия парижского парламента, старая Фронда), кондистов/кондеанцев (партия принца де Конде и его семьи). Возможно, существовали и другие партии, но в мемуарах таких «титанов» Фронды, как де Рец, де Ларошфуко, мадемуазель де Монпансье и других они не встречаются.

³⁴⁷ Жан Франсуа Поль де Гонди, коадьютор парижский, кардинал де Рец (1613–1679). Участник Фронды и автор мемуаров, мазаринад.

³⁴⁸ Месье – титул во Франции Старого порядка, обозначающий старшего из братьев короля. Гастон Орлеанский (1608–1660), сын Генриха IV и брат Людовика XIII, отец мадемуазель де Монпансье.

³⁴⁹ Cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz. P., T. 4, 1875. P. 46.

³⁵⁰ «Мемуары» де Реца, де Ларошфуко, Жоли и мадемуазель де Монпансье.

Стоит подробнее остановиться на названиях партий Фронды и их участников, чтобы определиться с терминологией исследования и не запутаться в лабиринтах гражданской войны. Отмечу, что эти слова не придуманы исследователями для обозначения деятелей разных лагерей во время Фронды. Они, по-видимому, стихийно возникли в течение гражданской войны и быстро вошли в мазаринады, письма, из них – в мемуары и словари, а уже позже – в научные работы.

Начну данный фрагмент анализа с **мазаринистов** (*les mazarins*) – открытых сторонников Мазарини и двора. К ним в разные периоды Фронды относились кардинал Мазарини, Анна Австрийская, граф де Бюсси-Рабютен, принц Конде (во время Парламентской Фронды), маршал де Тюренн, маршал де ла Ферте и др. Ненависть, которую многие французы испытывали к министру, заслуживает более подобного рассмотрения. Сама фамилия первого министра стала «таким гнусным оскорблением, что судьи разрешили доносить на тех, кто назвал кого-либо таким образом»³⁵¹. Из этого следует, что слово «мазаринисты», производное от нее, было не самоназванием, выбранным участниками партии двора для самоидентификации, а обидным прозвищем. Название считали оскорблением, и даже сами представители правительственной партии на него обижались. Мемуарист Ги Жоли сообщает, что те, кого так называли, «часто рисковали жизнью или, по крайней мере, подвергались дурному обращению со стороны народа»³⁵². На Бюсси-Рабютена, участника партии двора в 1649–1650 гг., напали на улице: горожане избивали его, когда заподозрили, что он поддерживал Мазарини³⁵³. Обстановка в Париже была насколько опасной, что подозрение в сочувствии первому министру могло стать причиной для убийства или разграбления имущества. Жоли подчеркивает, что слово «Мазарини» ввергало в такой ужас, что простой народ употреблял его как своего рода ругательство или проклятие. Автор воспоминаний приводит такую небезынтересную подробность: «На улицах довольно часто можно было услышать, как возчики на улицах бьют своих лошадей, называя их чертовыми

³⁵¹ Joly G. Mémoires de Guy Joly // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. P., 1838. Т. 3. P. 14.

³⁵² Ibidem.

³⁵³ Подробнее об этом эпизоде далее в тексте диссертации.

мазаринистами»³⁵⁴. В столице не проходило и дня без новой песни против кардинала Мазарини, «большой частью песни очень остроумной».

Сложно поверить, что подобное отношение к имени кардинала-итальянца возникло произвольно. Фрондеры вели активную пропаганду против партии двора и, в особенности, лично против первого министра. Когда представители лагеря принцев называли коадьютора «мазаринистом» в период его сближения с двором, он это активно отрицал, доказывая, что примириться с королевой не значит стать сторонником кардинала³⁵⁵. Верхушку мазаринистов в источниках иногда называли «партией двора» и «двором» (*parti de la cour/la cour*), и у этого названия не было отрицательной коннотации. Однако дело дошло до интересного поворота: «мазаринистами» называли и партию двора, и просто солидарных с министром, и в этой путанице Жоли видел особую опасность. Таким образом, и королеву, и парижского буржуа, сочувствующих кардиналу, могли назвать одинаково: «тех, кто стоял за двор, называли мазаринистами, а остальных – фрондерами»³⁵⁶. Знаком отличия сторонников двора была бумажная кокарда.

Конечно, пропаганда активно работала и в обратную сторону – **фрондеры**³⁵⁷ (*les frondeurs*) смогли в короткий срок создать себе образ честных борцов за справедливость и снижение налогов, вооружившись лозунгами: «Да здравствует король!», «Да здравствует Брюссель»³⁵⁸!». Фрондерами в 1648–1649 гг. называли представителей парижского парламента и их сторонников, к которым можно отнести советника Брюсселя, коадьютора де Гонди, мадам и мадемуазель де Шеврез, герцога де Бофора и др. Им сочувствовал герцог Орлеанский, однако его сложно причислить к какой-либо партии из-за постоянного лавирования между лагерями.

³⁵⁴ Joly G. Mémoires. P. 14.

³⁵⁵ Discours libre et veritable, sur les conduites de monseigneur le prince, et de monseigneur le coadiuteur. [Le cardinal de Retz], [S. l.], 1651. P. 7–8.

³⁵⁶ Ibid. P. 14

³⁵⁷ Они же партия парижского парламента, старая Фронда.

³⁵⁸ Пьер де Брюссель (1575–1654) – советник большой палаты парижского парламента во время Фронды, высказывался против налоговой политики Мазарини. Был арестован по приказу партии двора, после чего в Париже началось восстание и строительство баррикад. С арестом Брюсселя наступила парламента́нская Фронда. Joly G. Mémoires. P. 11

Фрондеры смогли сделать имидж своей партии привлекательным и актуальным, они старались понравиться людям. Жоли пишет, что само название «фрондер» было предметом гордости: «Ничто не было бы ни прекрасным, ни хорошим, если бы оно не было фрондерским; и чтобы охарактеризовать хорошего человека, не было выражения более энергичного, чем выражение “хороший фрондер”»³⁵⁹. Де Рец отмечает, что «истинный фрондер» не желает зла королю и королеве – напротив, «у Их Величеств нет ни более любящих сторонников, ни более верных подданных»³⁶⁰.

«Фирменным» знаком фрондеров были ленты и аксессуары в виде пращи, отсылающей к буквальному значению слова «фронда». «Пропагандисты» смогли добиться того, что все фрондерское мгновенно вошло в моду: «ткани, ленты, кружева, мечи и вообще почти все виды товаров, вплоть до хлеба»³⁶¹. Де Рец тоже вспоминал об особых фрондерских лентах и повязках в форме пращи: «мы решили украсить шляпы лентами, напоминающими по форме пращу. Один преданный торговец сделал нам некоторое количество таких лент и продал бесчисленному множеству людей, не видящих в этом никакого подтекста. Мы последними их надели, чтобы не выказывать никакого притворства, которое испортило бы всю тайну. Эффект от этой мелочи был невероятный. Все было в моде – хлеб, шляпы, ружья, перчатки, муфты, веера, отделка, а мы сами стали еще моднее из-за этой безделицы»³⁶².

В 1650 г. началась Фронда Принцев, и появилась потребность обозначить еще одну политическую группировку. У слова «фрондер» было более общее значение «мятежник», «оппозиционер», и иногда так называли всех несогласных с Мазарини, даже если они состояли в лагере принцев или еще принимали решение о выборе партии. Например, видя потенциальную мятежность герцогини де Монпансье, Мазарини сказал ей: «Вы вдыхаете через открытые окна

³⁵⁹ Joly G. Mémoires. P. 14.

³⁶⁰ Discours libre et veritable, sur les conduites de monseigneur le prince, et de monseigneur le coadiuteur. [Le cardinal de Retz], [S. l.], 1651. P. 8.

³⁶¹ Joly Guy. Mémoires. P. 14.

³⁶² Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 2. P. 495.

борделезский³⁶³ дух, и я боюсь, что он сделает вас фрондеркой»³⁶⁴. Новый лагерь, в основу которого вошла семья и армия принца Конде, стали называть **партией принцев/кондеанцами** (*parti des princes/les condéens*). У этого слова не было явной положительной или отрицательной коннотации, в отличие от мазаринистов и фрондеров. Отличительным знаком кондеанцев была соломенная кокарда, прикрепленная к шляпе. К кондеанцам в разное время относились принц Конде, принц Конти, герцог и герцогиня де Лонгвиль, герцогиня де Монпансье, герцог де Ларошфуко, его слуга Гурвиль, граф де Бюсси-Рабютен, герцог де Немур и др. Герцог Орлеанский сочувственно относился к лагерю принцев, но в решающие моменты всегда отстранялся и не оказывал партии существенной помощи.

Во время Фронды границы лагерей размывались и постоянно менялись. Четко определить состав партий, то есть принадлежность мемуаристов и их современников к тому или иному лагерю, сложно, потому что в них не существовало регламентированного членства. Принадлежность дворянина к партии определялась его желанием добиться интересующих его политических, экономических и других результатов. Партия была для него средством объединиться с единомышленниками и сделать совместные действия более эффективными. Поэтому неудивительно, что дворянин состоял в ней до тех пор, пока его интересы было возможно удовлетворить совместно с главой партии и его соратниками. Однако любая гражданская война характеризуется плюрализмом взглядов и интересов участников, поэтому все дворянские партии в большей или меньшей степени не были едины. Про партию принца Конде де Рец высказался следующим образом: «...бесчисленные разнородные интересы раздирали ее целое и отдельные части... <...> Устремления и интриги герцогини де Лонгвиль, герцога Буйонского, г-на де Тюренна, герцога де Немура, господ де Ларошфуко и де

³⁶³ Бордо был одним из важных центров сопротивления Мазарини в провинции. В Бордо поддерживали лагерь принцев. Активную деятельность против министра вел парламент города, также там издавали мазаринады, например, *Les trahison du cardinal Mazarin, decouvertes par Mr le prince: envoye'es avx bons bourgeois de Paris, sur son pretendu retour en France*. Bordeaux, chez Guillaume Jacour, imprimeur ordinaire du roy. 1651.

³⁶⁴ Мадемуазель стала верной сторонницей Конде. Montpensier A.-M. *Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV*. P., 1858. P. 264.

Шавиньи, не только отличные друг от друга, но и друг другу противодействующие, создавали хаос неизъяснимый»³⁶⁵.

В партии наравне с мужчинами могли вступать и женщины, и нередко они становились их активными участницами. В качестве примера можно назвать королеву Анну Австрийскую, мадемуазель де Монпансье, герцогиню де Лонгвиль, мадам и мадемуазель де Шеврез и др.

Дворяне постоянно лавировали между партиями, потому что участники Фронды нередко меняли свои стратегии, придумывали способы, с помощью которых они могли добиться своих целей. Дворяне редко оставались в одной партии всю Фронду, даже если какое-то время были близки к ее лидерам, либо входили в их число. К примеру, кардинал де Рец лавировал между парламентскими фрондерами и двором, герцог Орлеанский – между фрондерами, кондеанцами и двором, о чем подробнее написано ниже. Смены партий могли быть как причиной, так и следствием личных конфликтов между аристократами.

1.2 Конфликты между представителями противоборствующих партий

На первый взгляд, стычки между представителями разных партий вполне логичны, ведь сама Фронда – это совокупность размолвок между влиятельными аристократами, разными партиями и социальными группами. Однако важно отметить, что дворяне-участники различных лагерей не обязательно воспринимали друг друга как личных врагов: у них были разные интересы в конкретный момент гражданской войны, и они искали патрона, в партии которого эти интересы могли быть удовлетворены. Если дворяне не могли решить важные «вопросы» в одной партии, они нередко переходили в другую, и необязательно становились врагами с бывшими союзниками. Напротив, известны случаи взаимопомощи между ними. Кардинал де Рец, коадьютор Гонди – один из ярких и активных вождей

³⁶⁵ Cardinal de Retz. P., T. 3, 1876. P. 461. Перевод по: Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 400.

Парламентской Фронды – написал в «Мемуарах», что Талон – секретарь кабинета и представитель партии Мазарини – предупредил его о возможном похищении в октябре–ноябре 1651 г.³⁶⁶. Это говорит о степени вражды между «бунтовщиками» – партией фрондеров и принца Конде. Старая Фронда и правительственная партия тоже были противоборствующими партиями, но в тот конкретный момент их общим врагом были кондеанцы, которые, в свою очередь, хотели захватить де Реца. Стоит сказать, что похищение человека в XVII в. считалось серьезным преступлением, за которое наказывали тюремным заключением. Благодаря сведениям, полученным от Талона, фрондеры смогли узнать о заказчике похищения и месте, куда Конде собирался заточить де Реца. Заказчик похищения стал известен, и он активно враждовал с Гонди, поэтому я еще упомяну о нем ниже.

Вероятно, в тот момент двор воспринимал коадьютора как менее опасного противника, чем Конде, и желал сохранить в качестве противовеса соратникам принца. Двор мог предпринять шаги для защиты Гонди, так как несколько раз пытался переманить фрондера на свою сторону. Гонди часто «заигрывал» с мазаринистами: к примеру, обменивался любезностями с королевой и торговался с ней. Описывая события сентября 1648 г., Гонди отметил, что Анна Австрийская «приняла его восхитительно хорошо» и угостила испанскими лимонами, которые она предложила кроме него только принцу Конде и принцессе Шарлотте-Маргарите, его матери³⁶⁷. Вероятно, она хотела сгладить неприятное впечатление после той их встречи, когда сказала коадьютору: «вы довольно потрудились...», и он от обиды пошел вдохновлять парижский народ строить баррикады³⁶⁸. Ларошфуко писал, что «это стало предлогом, который он использовал, чтобы,

³⁶⁶ Mémoires du cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz. Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. T. 4. 1876. P. 29–31.

³⁶⁷ Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 2. 1872. P. 77.

³⁶⁸ Когда в августе 1648 г. в Париже началось волнение народа из-за ареста парламентского советника Брюсселя, коадьютор отправился к королеве с предложением помочь усмирить восстание. Однако у Гонди была репутация интригана, и придворные подняли его на смех. Королева отказалась принять его услуги со словами «идите отдыхать, вы и так уже достаточно потрудились». После этого оскорбления коадьютор стал организовывать восставших и контролировать строительство баррикад. Mémoires du cardinal de Retz. P. 30.

наряду с отказом иметь дело с парижским правительством, проявить интерес к партии, противостоящей двору»³⁶⁹.

В «Мемуарах» де Реца есть много других примеров «эмоциональных качелей», на которых двор и коадьютор «качали» друг друга почти всю гражданскую войну. В марте 1649 г. в шифрованном письме от госпожи де Ледигьер мемуарист получил щедрое предложение от королевы: оплату его долгов³⁷⁰, аббатство, кардинальскую шапку³⁷¹. Кoadьютор знал, что Анна Австрийская собирается отдать приказ об аресте принцев, что однозначно говорит о сближении Гонди с двором на втором этапе гражданской войны. В январе 1650 г. Анна Австрийская вызвала фрондера запиской на переговоры в монастырь Сент-Оноре. Она утверждала, что «несмотря на прошлое и настоящее» верит «в преданность господина коадьютора»³⁷², и он отправил ей столь же изысканное «да», хотя понимал, что идет на большой риск попасть в ловушку. На встрече Мазарини, согласно воспоминаниям коадьютора, «умолял» королеву приказать Гонди принять кардинальский сан, но последний отказался, объяснив это тем, что не хотел использовать Фронду для получения заветной шапки.

Сам де Рец утверждал, что никогда не являлся мазаринистом, однако был готов сотрудничать с двором, в частности, с Анной Австрийской, против кардинала. В мазаринаде «Речь о поведении господ принца и коадьютора», опубликованной анонимно³⁷³, Гонди писал: «Пока Двор защищает кардинала Мазарини и его ставленников, коадьютор – его враг и поэтому весьма недоволен им. С того момента, как двор отворачивается от кардинала, коадьютор принимает его сторону и чувствует себя там весьма комфортно»³⁷⁴. Так коадьютор стремится доказать, что

³⁶⁹ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865. P. 260–261.

³⁷⁰ У де Реца были огромные долги – примерно 400 тысяч ливров. Для сравнения, принц Конде предлагал Бюсси-Рабютену продать должность капитан-лейтенанта роты легких кавалеристов за 50 тысяч ливров.

³⁷¹ Mémoires du cardinal de Retz. P. 349.

³⁷² Ibid. T. 3. P. 5.

³⁷³ На этом документе в отделе редкой книги ГПИБ было указано карандашом авторство де Реца, поэтому в списке источников и в сносках я пишу коадьютора в качестве предполагаемого автора мазаринады. Характерный стиль с вычурными сложными предложениями, узнаваемый в сравнении с «Мемуарами» де Реца, а также содержание памфлета указывают на то, что именно из-под его пера вышел данный текст.

³⁷⁴ Discours libre et veritable, sur les conduites de monseigneur le prince, et de monseigneur le coadiuteur. [Le cardinal de Retz], [S. l.], 1651. P. 7.

его примирение с королевой не запятнало его фрондерскую репутацию, «ибо быть сторонником короля и королевы значит исполнять свой долг»³⁷⁵.

Однако анализ источников Фронды показывает, что в большинстве случаев авторы стремились выгородить себя или партию, к которой они относились на момент написания текста. Де Рец не был исключением из этого правила: в «Мемуарах» и мазаринадах он, естественно, не писал, что плел интриги и лавировал между лагерями ради карьерного продвижения. Напротив, он стремился подчеркнуть последовательность собственных действий во враждебности к министру: «Когда обсуждали высылку трех сторонников кардинала Мазарини, коадьютор был однозначно против них. Совершил ли он что-либо, свойственное мазаринистам? Ни в какой мере!»³⁷⁶.

Так как большинство источников представляет собой явные или скрытые апологии авторов и их окружения, к истине возможно приблизиться путем сравнения рассказов об одном событии в разных текстах. Герцог де Ларошфуко отметил в «Мемуарах», что Гонди «казалось, не преследовал никаких личных целей, а только поддерживал своих друзей», но при этом он «рассчитывал обрести величие в падении кардинала (*Джулио Мазарини – С.М.*)»³⁷⁷. Эта ремарка Ларошфуко относилась к событиям января–февраля 1651 г., когда наметилось сближение лагерей парламентских фрондеров и кондеанцев, и обе партии пытались договориться о совместных действиях против Мазарини. В этот же период мадам де Шеврез активно пыталась выдать свою дочь – любовницу коадьютора – за принца Конти, чтобы «династический брак» объединил две партии³⁷⁸. Ниже тот же автор отметил, что Гонди, будучи «злейшим врагом» принца и его партии, снова сблизился с двором, как только тот пообещал выхлопотать для него сан кардинала³⁷⁹. Мазарини и королеве было важно привлечь Гонди на свою сторону,

³⁷⁵ Ibid. P. 7–8.

³⁷⁶ Ibid. P. 7.

³⁷⁷ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 343.

³⁷⁸ По этому проекту фрондеры также планировали сделать господина де Шатонефа первым министром после свержения Мазарини, принц Конде получил губернаторство Гиень, принц Конти – Прованс. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 343.

³⁷⁹ Рассказ в «Мемуарах» Ларошфуко относился к августу 1651–марту 1652 гг. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 383.

поэтому двор все же поспособствовал получению им этой церковной должности 19 февраля 1652 г. После того, как Гонди стал кардиналом де Рецем благодаря помощи правительственной партии, его «мятежность» стала проявляться значительно меньше.

В этой части главы я бы хотела рассмотреть несколько конфликтных ситуаций между мазаринистами, кондеанцами и фрондерами, выявить их причины и оценить их влияние на гражданскую войну.

Яркий эпизод можно привести из воспоминаний Бюсси-Рабютена³⁸⁰. Автор описал, как его взяли в плен фрондеры в ходе столкновения на улице. В этом эпизоде речь идет не о дворянах-соперниках, которые могли примкнуть к разными партиям, чтобы реализовать личные интересы – ситуация в целом показывает обстановку в Париже. Бюсси шел со своими людьми по одному из кварталов пригорода, не предъявив пропуск капитану, охранявшему ворота Сен-Мартен. В ответ на это капитан-фрондер громко крикнул: «На мазаринистов!», и народ, взбесившийся от этого упоминания кардинала, стал укреплять дома и взялся за оружие. Бюсси и его спутники пустились в галоп; как он отметил в «Мемуарах», их чудом не застрелили и не забили насмерть палками. Когда Рабютен пытался защитить от ударов свою лошадь, сторож арестовал его и повел к дому неподалеку, где он охранял его с братом и его людьми³⁸¹. Закончилось это достойное романа приключение тем, что вызволять Бюсси-Рабютемом приехал его дядя, великий приор Франции³⁸². Рассмотрев данный конфликтный эпизод, нужно сказать, что оппозиционные горожане не имели личной ненависти к Бюсси-Рабютену. Стычка произошла из-за подозрения мемуариста в приверженности Мазарини, одна лишь фамилия которого привела участников конфликта в исступление. Подробнее о ненависти народа к первому министру написано в главе 3, основанной на памфлетах, распространявшихся во время гражданской войны. Любой прохожий,

³⁸⁰ В тот момент (во время старой Фронды) Бюсси-Рабютен был в правительственной партии.

³⁸¹ Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. P., 1698. T. 1. P. 225.

³⁸² Ibid. P. 226–227.

не имеющий документов для проезда, мог быть покалечен или даже убит в подобной ситуации. Эпизод показывает, насколько напряженной была обстановка в столице.

Если в предыдущей истории Бюсси-Рабютен оказался случайным объектом ненависти представителей противоборствующей партии, то в следующей речь идет о личной вражде аристократов, чьи интересы столь различались, что развели их и по разным партиям. Одна из самых громких стычек произошла между герцогом де Ларошфуко из лагеря Конде и коадьютором Парижским из партии парламентской Фронды: 21 августа 1651 г. Ларошфуко напал на Реца в парламенте. Этот инцидент был настолько известным, что воспоминания о нем оставили многие мемуаристы³⁸³, поэтому я не сомневаюсь в истинности эпизода и имею возможность раскрыть его с большим количеством подробностей. Каждый рассказчик дал собственную интерпретацию произошедшему, но все они сходятся на том, что Ларошфуко напал на Гонди и зажал его между дверей. Главные герои сцены оставили свидетельства в мемуарах, поэтому, к счастью для историков, конфликт можно рассматривать как со стороны пострадавшего, так и со стороны нападавшего.

По сообщению Ларошфуко, де Рец хотел перейти в Первую палату, но герцог схватил дверь и не пропустил его. Кoadьютор «попытался открыть ее с усилием; но так как она открылась только наполовину, а герцог де Ларошфуко держал ее, она снова закрылась; так что, когда коадьютор возвращался, он остановил его, и притом таким образом, что его голова оказалась просунутой в помещение приставов, тогда как туловище оставалось по ту сторону, в Большом зале»³⁸⁴. Автор не без пафоса отметил в «Мемуарах», что не поддался соблазну убить злейшего врага, хотя имел такую возможность: «...наряду с удовольствием, которое принесло бы ему

³⁸³ Скандальность обеспечила этой истории резонанс, и в результате она отражена не только в документах парламента, но и в мемуарах Ларошфуко [Ларошфуко 1993: 94–96] и Реца [Рец 1997: 409–413], а также лиц, которые даже не были ее свидетелями — мадам де Мотвиль [Motteville 1838: 414–415], аббата Шуази [Choisy 1966: 43–44], герцогини Немурской [Nemours 1990: 189–191], Ги Жоли [Joly 1738: 186–194]. Стогова А.В. Ущемленный прелат: конструирование политического жеста во французских мемуарах второй половины XVII в. // Шаги/Steps. 2017. С. 153.

³⁸⁴ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 373.

отмщение за себя, он (Ларошфуко – С.М.) отмстил бы за принца, за наглые слова, брошенные ему»³⁸⁵. Нападавший подчеркнул, что никто из людей коадьютора «не обнажил шпаги, чтобы его защитить», поэтому у него не было предложения для убийства, «который возник бы, если бы началась схватка». Ларошфуко сделал акцент на том, что «не имел и в мыслях лишить его жизни», однако выше с откровенным сожалением написал, что люди принца не понимали, «сколь важную услугу они бы могли оказать своему господину», если бы совершили «жестокый поступок». Заканчивая этот эпизод, Ларошфуко сетует на их нерешительность, которая предоставила достаточно времени для Шамплатре, сына первого президента, чтобы явиться с поручением Первой палаты парламента вызволить Гонди.

Де Рец вспоминал о происшествии совершенно иначе, хотя основные действия и имена совпадают с версией, переданной Ларошфуко. В интерпретации коадьютора его враг специально подстроил эту ситуацию, чтобы совершить покушение: «Я почувствовал, как моя шея застряла между двумя створками двери, которую г-н де Ларошфуко закрыл за мной, взывая к Колиньи и Рикуссу, чтобы убить меня. Первый довольствовался тем, что не поверил ему; второй сказал ему, что принц этого не приказывал. <...> Г-н де Шамплатре, прибежавший на шум, который был в комнате, увидел меня в таком отчаянном положении, сильно толкнул г-на де Ларошфуко: он сказал ему, что убийство такого характера – это позор и ужас; он открыл дверь и впустил меня»³⁸⁶.

Для объяснения этого странного поступка важно понять мотивацию автора знаменитых «Максим». Как он оправдывал свое агрессивное действие? Если кондеанец Ларошфуко хотел убить фрондера коадьютора, почему выбрал для этого людное место? Если он хотел при свидетелях показать превосходство, почему выбрал для этого грубую физическую силу, а не изысканный сарказм? В чем были причины непримиримой вражды двух «оппозиционеров»?

³⁸⁵ Ibidem.

³⁸⁶ Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 3. P. 493–494.

Чтобы разобраться в этом странном нападении, нужно посмотреть на контекст, который его спровоцировал. Партии парламентских фрондеров и кондеанцев обе выступали против деятельности первого министра, но интересы их глав и участников в остальных вопросах были противоположными. Попытка сближения двух «оппозиционных» партий против Мазарини с помощью заключения брака между фрондеркой мадемуазель де Шеврез и кондеанцем принцем де Конти была провальной. Принц Конде знал о репутации³⁸⁷ дочери де Шеврез и расстроил помолвку брата³⁸⁸, что логичным образом привело к ухудшению отношений между кондеанцами и фрондерами. Последние считали, что принц поступил нечестно, нарушив договор. Кроме того, важно обратить внимание на разницу в статусах первых лиц группировок: Конде стоял в общественной иерархии значительно выше, чем Гонди. В интерпретации Ларошфуко коадьютор парижский возмнил себя главой оппозиционной партии старой (парламентской) Фронды и равным по статусу принцу крови, главе кондеанцев (Фронда принцев). Это проявилось в том, что коадьютор начал появляться на публике в сопровождении отряда жандармов и легкой кавалерии короля, а также офицеров и солдат гвардии. Эскорт был выделен королевой, которая стремилась показать благоволение по отношению к Рецу³⁸⁹. Принца в соответствии с его высоким статусом также сопровождало большое количество знатных особ и офицеров. Таким образом, с точки зрения кондеанцев, Гонди стал соревноваться эскортами с принцем, то есть вести себя вызывающе, претендуя на положение в обществе, равное статусу их предводителя.

В день нападения первый президент решил попросить принца не приводить сторонников во Дворец Правосудия, опасаясь вооруженных стычек, но тогда не только Конде, но и Гонди пришел с внушительной свитой: «их (*сторонников принца и коадьютора – С.М.*) многочисленность и явные признаки взаимного озлобления

³⁸⁷ Имеется в виду связь мадемуазель де Шеврез с коадьютором.

³⁸⁸ «Принц Конде узнал о серьезности намерений своего брата и пришел к нему с разговором, в ходе которого «рассказал о м-ль де Шеврез, Кoadьюторе, Нуармутье и Комартене все, что, по его мнению, могло вызвать отвращение у любовника или мужа. Ему не составило большого труда осуществить свой план». Принц Конти отказался от идеи жениться на мадемуазель де Шеврез. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 358.

³⁸⁹ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 372.

еще более усилили опасения Первого Президента»³⁹⁰. Когда принц сказал несколько колкостей, имея в виду коадьютора, тот ответил на них и намекнул на разрыв мадемуазель де Шеврез и принца Конти по его вине. Ларошфуко пишет об этом с возмущением: коадьютор *«посмел публично сказать, что даже его враги не могут никоим образом обвинить его в неисполнении данных им обещаний (курсив мой – С.М.)»*³⁹¹.

Похожий мотив звучит и в мазаринаде³⁹², которую де Рец опубликовал анонимно. Если в «Мемуарах» Гонди выказывал почтение к Конде и хотя бы на словах заверял, что не претендует на равенство с ним, то в «Речи о поведении принца и коадьютора» де Рец откровенно сравнивал себя с политическим оппонентом не в его пользу и нападал на него. Как многие мазаринады, памфлет построен на очернении врага (в данном случае принца Конде), на фоне которого в выгодном свете представлены поступки «истинного фрондера». Поведение принца де Рец откровенно назвал «дурным»: Конде *«не сдержал никому данного слова, чем <...> вызвал подозрения всех сторон»*³⁹³, и поэтому ему пришлось спешно удалиться в Сен-Мор³⁹⁴. Вероятно, это намек на неисполненные обещания о браке принца де Конти и мадемуазель де Шеврез. В «Мемуарах» де Ларошфуко и де Реца рассказы о разрыве брачного договора и о нападении в парламенте относятся к периоду с февраля по август 1651 г. Далее в памфлете приводится еще несколько упреков: с точки зрения автора, принц необоснованно обвинил коадьютора в мазаринизме, уклонялся от визитов к королю, а также не уследил за своими войсками, которые разграбили Шампань³⁹⁵.

Возвращаясь к причинам нападения Ларошфуко на Реца в парламенте. Читая «Мемуары» Ларошфуко, можно почувствовать, как во Дворце Правосудия нарастало напряжение. Первый президент, в страхе, что заседание парламента

³⁹⁰ Ibidem.

³⁹¹ Ibidem.

³⁹² Discours libre et veritable, sur les conduites de monseigneur le prince, et de monseigneur le coadiuteur. [Le cardinal de Retz], [S. l.], 1651.

³⁹³ Discours libre et veritable. P. 7.

³⁹⁴ Ларошфуко объяснял отъезд принца в Сен-Мор тем, что при дворе «в самом деле задумали избавиться от его особы». La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 363.

³⁹⁵ Discours libre et veritable. P. 7, 8–9.

превратится в «место проведения боевых смотров», попросил Конде приказать удалиться его соратникам. Принц изъявил готовность дать такой приказ, и коадьютор сразу же последовал его примеру: именно с этой целью он направился к товарищам по партии к выходу из Первой палаты. Следовательно, Ларошфуко объясняет свой поступок возмущением, которое в нем вызвало поведение Гонди. По словам герцога, коадьютор вел себя дерзко и держал себя так, будто «с ним необходимо обращаться как с принцем»³⁹⁶. С точки зрения Ларошфуко, действия Реца были провокацией, оскорблением Конде и членов его партии. В обществе XVII в. жесты, взгляды, походка – все это было невероятно важным, так как свидетельствовало о положении аристократа, его превосходстве над стоящими ниже в социальной иерархии или почтении перед стоящими выше.

Читая «Мемуары» коадьютора, действительно можно увидеть, что он соревнуется с Конде: «Я прибыл во Дворец Парламента *на четверть часа ранее принца де Конде*, который явился туда с огромной свитой. И все же мне думается, *людей у него было меньше, чем у меня* <...> Невыгоду эту, на мой взгляд, с лихвой выкупали, во-первых, *мое несравненно большее влияние над народом*, во-вторых, занятые мной позиции (*курсив мой – С.М.*)»³⁹⁷. Далее в воспоминаниях автор еще прозрачнее провел параллели. Обсудив с фрондером Шатобрианом положение вещей, Гонди отметил: «"Занять посты, лучшие, нежели принц де Конде, мы можем, без сомнения, лишь в зале Дворца Правосудия..." Произнося эти слова, я почувствовал сам, что их исторг у меня стыд, вызванный тем, что *меня сравнивают с Принцем* столь высокого рождения и столь великих достоинств, как принц де Конде (*курсив мой – С.М.*)»³⁹⁸. Очевидно, что де Рец очень бы хотел иметь такой же высокий статус, но понимал, что это невозможно.

Таким образом, обвинения Ларошфуко были вполне обоснованными. Кардиналы во французской иерархической системе однозначно были ниже принцев

³⁹⁶ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 372.

³⁹⁷ Cardinal de Retz. Oeuvres. Т. 3. P. 489. Перевод по: Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 409.

³⁹⁸ Ibid. P. 490.

крови³⁹⁹, а Гонди на тот момент не имел кардинальской шапки: он получит ее годом позже, 19 февраля 1652 г. Также родословная фрондера была не самой блестящей – в этом он немного похож на Джулио Мазарини: его предки по отцовской линии были выходцами из Италии, занимавшимися коммерцией; во Францию прибыл прадед мемуариста, и его семье покровительствовала Екатерина Медичи⁴⁰⁰. Если рассматривать инцидент с такого ракурса, поведение Ларошфуко вполне логично: дворянин, задевший честь патрона или родственника другого, получал вызов на дуэль. Причиной дуэли обычно становилось не преступление и не обвинение в нем, а словесное оскорбление⁴⁰¹. Другими словами, было принято физически расправляться с обидчиками семьи или клиентелы. Как писал Н. Элиас, «непосредственное применение физической силы было непременным орудием в свободной борьбе за передел шансов»⁴⁰². Однако официально вызвать коадьютора на дуэль было невозможно, так как он был священнослужителем⁴⁰³, поэтому Ларошфуко публично унизил его физическим жестом. Кроме этого, Ларошфуко считал справедливым, чтобы Гонди «ответил жизнью за беспорядки, в которых был повинен»⁴⁰⁴. Например, за начало Фронды, когда коадьютор Гонди вдохновил народ на строительство баррикад в Париже.

Далее Ларошфуко приводит забавный эпизод: на второй день после инцидента во Дворце Правосудия⁴⁰⁵ он вместе с принцем столкнулся с церковной процессией из Нотр-Дама с коадьютором в епископском облачении в окружении священных реликвий; принц остановился, выражая почтение к церкви, а Гонди «с полнейшей невозмутимостью» дал ему и герцогу де Ларошфуко свое пастырское благословение. «И оба они восприняли его (*благословение – С.М.*) с полным уважением, хотя ни один из них не желал, чтобы это произвело тот эффект, которого мог желать коадьютор. В то же время народ, следовавший за каретой принца,

³⁹⁹ Le Person X. Le Grand Condé. Un exil pour l'honneur, Paris: Fayard, 2023. P. 22.

⁴⁰⁰ Виппер Ю.Б. «Мемуары» кардинала де Реца // Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997.

⁴⁰¹ Новоселов В.Р. История европейской дуэли XVI–XVIII века // Дуэль. От божьего суда до благородного преступления. М.: Музеи Московского Кремля, 2022. С. 15.

⁴⁰² Элиас Н. О процессе цивилизации. СПб., 2001. Т. II. С. 111–112.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 372–373.

⁴⁰⁵ 22 августа 1651 г.

взволнованной такой встречей, наговорил коадьютору тысячу оскорблений и приготовился разорвать его на куски, если бы принц не приказал своим людям выйти из кареты, чтобы утихомирить беспорядки и вернуть всех к исполнению своих обязанностей»⁴⁰⁶, – заканчивает эпизод Ларошфуко. Де Рец также не забыл про эту историю и привел больше деталей: в «Мемуарах» он пишет, что шел во главе процессии Великого Братства⁴⁰⁷ из 30–40 парижских кюре и на этот раз не взял с собой эскорт; его охраняли только пять–шесть дворян. Ги Жоли утверждает, что именно он посоветовал патрону воспользоваться этой возможностью, чтобы не являться в парламент после недавнего инцидента, и помог таким образом защитить честь и обеспечить безопасность Гонди⁴⁰⁸. Кoadьютор также упоминает, что сторонники Конде стали кричать: «Бей мазариниста!», имея в виду его, но принц заставил их умолкнуть, вышел из кареты и преклонил колена, чтобы получить благословение. Де Рец отмечает, что повел себя почтительно: «я благословил его, не обнажая головы, потом немедленно снял скуфью и отвесил ему глубокий поклон»⁴⁰⁹. Так, ниточки этой истории, рассказанной тремя мемуаристами, сходятся в единую картину. В ней хорошо заметно, как участники Фронды, изысканно кланяясь и заверяя во взаимном уважении, манипулировали народными волнениями, плели интриги и рыли друг другу ямы.

Вражда между Ларошфуко и Рецем хорошо просматривается по текстам воспоминаний этих двух титанов Фронды. Как написал последний, ему не следовало полагаться на дружеские чувства Ларошфуко. Более того, инцидент в парламенте не был единственной попыткой герцога причинить коадьютору физический вред: случай с подготовкой похищения Гонди, описанный выше, тоже

⁴⁰⁶ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 375.

⁴⁰⁷ La Grande Confrérie (Большое Братство). На этой церемонии коадьютор заменил архиепископа Парижа, своего дядю, который в то время был болен.

⁴⁰⁸ «...Он (коадьютор – С.М.) не согласился бы легко, если бы в тот момент г-н Жоли не предложил ему благовидного предлога отпроситься (то есть не являться в парламент – С.М.), посетив торжественную процессию великого братства, которая должна была состояться в тот день и где архиепископ привык находиться вместе со всеми викариями города. Эта процессия отправляется от церкви Магдалины к церкви Кордельеров, где служитя месса; и поскольку архиепископ не был в состоянии присутствовать на этой церемонии, приличия требовали, чтобы его место занял коадьютор; и, возможно, он не рассердился из-за этой идеи (в оригинале «открытие» – «ouverture»), которая защитила его честь и его личность». Joly G. Mémoires de Guy Joly // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. T. 3, P., 1838. P. 59–60.

⁴⁰⁹ Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 3. P. 509–510.

был связан с автором «Максим». Как коадьютор выяснил в ходе допроса, заместитель коменданта крепости Дамвилье Ла Рош-Кошон⁴¹⁰ получил приказ от Ларошфуко похитить его и отвезти туда⁴¹¹. На сей раз Ларошфуко действовал не по вдохновению: «видя, что Кoadьютор в своей вражде к нему (*к принцу Конде – С.М.*) по-прежнему не останавливается ни перед чем, <...> Принц решил приказать, чтобы Кoadьютора похитили»⁴¹². Чтобы схватить Гонди, Ла Рош-Кошон отобрал шестьдесят человек в гарнизоне Дамвилье и по одному провел в Париж. Кoadьютору помогла удачная случайность: прибыв в особняк Шеврез в одной карете, он уехал в другой, отослав первую со своими людьми⁴¹³. Ларошфуко пишет, что этот замысел «казался неосуществимым», но было известно, что Гонди любил ходить и ездить по Парижу без должной охраны. Неудивительно, что фрондер обзавелся эскортом: ранее Ла Рош-Кошон для того же «заказчика» вместе с Гурвилем поджидал де Реца у набережной напротив Малого Бурбонского дворца, чтобы убить его. Однако автор «Максим» не упоминает о подготовке других покушений на коадьютора. Ларошфуко отмечает, что исполнение плана с Дамвилье затянулось, произошла утечка информации из-за нескромности тех, «чьими услугами в подобных случаях приходится пользоваться»⁴¹⁴. Как отмечено выше, мазаринист О. Талон предупредил коадьютора о захватнических планах кондеанцев.

Противники обвиняли друг друга в ведении бессмысленных интриг, в вероломстве, в глупости, в непомерности притязаний. Кoadьютор не преминул подчеркнуть связь Ларошфуко с сестрой принца, замужней герцогиней Лонгвиль. Описывая одну из ссор между участниками партии принцев, Гонди привел цитату Конде: «...вы сегодня же передадите герцогине де Монбазон, что для нашего примирения я требую: если она и впрямь *отрежет я не знаю что у господина де*

⁴¹⁰ Дамвилье – по словам де Реца, «превосходная крепость на границе Шампани» примерно в 60 лье от Парижа. Она была отдана принцу де Конти, а тот доверил ее герцогу де Ларошфуко. Комендант Дамвилье – Ла Рош-Кошон, У Ги Жоли его имя приведено как Ла Рош-Корбон. Joly G. Mémoires. P. 64. Официальным губернатором Дамвилье был не герцог Ларошфуко, а его родственник, маркиз Силлери. Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 4. P. 30.

⁴¹¹ Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 4. P. 31.

⁴¹² Приказание было написано и подписано рукой принца. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 383.

⁴¹³ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 383.

⁴¹⁴ Ibidem.

Ларошфуко (*курсив мой – С.М.*), пусть не посылает это в серебряном сосуде моей сестре, как вот уже два дня она обещает двум десяткам встречных»⁴¹⁵. Очевидно, что автор вспомнил или придумал эту шутку ниже пояса неслучайно. Красноречиво описывает отношения Ларошфуко и Реца краткий диалог в парламенте, приведенный последним: «Мне все равно, что с тобой станется, предатель», – бросил мне в ответ де Ларошфуко. «Заткни свою глотку, Правдолюбец (так его прозвали в нашей партии)! Ты трус (в этом я солгал, ибо он был несомненный храбрец), а я священник – дуэль между нами невозможна»⁴¹⁶.

Однако оба противника отдавали должное способностям друг друга. Ларошфуко отмечал влияние коадьютора на народ, его способность контролировать парижских священников. Рец подчеркивал, что Ларошфуко был «оракулом» принца Конде, всегда сопровождал его, показывал чудеса смелости. Возможно, одной из причин их вражды были дела не политические, а любовные. Оба «оппозиционера» прославились как ловеласы. Де Ларошфуко был более «праведным» в этом отношении: большую часть Фронды его спутницей была замужняя герцогиня де Лонгвиль, в то время как де Рец никогда не был последовательным поклонником одной дамы. Ги Жоли – секретарь коадьютора – сообщил в своих воспоминаниях любопытный факт о своем патроне: «с некоторых пор он питал к г-же де Лонгвиль очень живые и нежные чувства»⁴¹⁷. Гонди был обрадован ее приездом в Париж и хотел «получить преимущества перед принцем Марсийяком»⁴¹⁸, которого считал соперником»⁴¹⁹. Вероятнее всего, фрондера интересовали в первую очередь политические соображения. Рецу было бы очень выгодно привлечь к своей партии влиятельную аристократку с помощью популярного в ту эпоху любовного языка. Поступок коадьютора в любом случае был направлен против Ларошфуко – как любовник дамы и ее союзник по партии, он ожидал верности и в постели, и в политике.

⁴¹⁵ Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 2. P. 543.

⁴¹⁶ Ibid. T. 3. P. 500.

⁴¹⁷ Joly G. Mémoires // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. T. 3, P., 1838. P. 16.

⁴¹⁸ Принц де Марсийяк – титул герцога де Ларошфуко до смерти его отца.

⁴¹⁹ Joly G. Mémoires. P. 16.

Стычки Ларошфуко и Реца являются проявлением как личной вражды аристократов, так и разногласий парламентской Фронды и Фронды принцев. Благодаря «Мемуарам», оставленным обеими сторонами конфликта, возможно проанализировать подробности разногласий этих двух участников гражданской войны. Предполагаю, значительная часть Фронды состояла из подобных столкновений интересов, однако не все из них так детально запечатлены в источниках. Важную роль в конфликте Ларошфуко и Гонди играли нападки последнего на Конде. Автор «Максим» защищал честь патрона и остро реагировал на попытки Реца «узурпировать» статус главы партии, равный статусу принца или приближающийся к этому высокому рангу. Кондеанцы считали именно принцев крови прирожденными советниками короля, его наставниками до совершеннолетия. Они не признавали претензий на эту роль со стороны не только выскочки-итальянца, но и Парижского парламента с вождями старой Фронды.

1.3 Конфликты внутри партии

Естественно, что во время гражданской войны во Франции середины XVII в. нередко были конфликты между членами одной партии. Эти конфликты могли способствовать как разложению партии, так и, наоборот, ее укреплению, потому что приводили к отсеиванию «неблагонадежных» членов. Современники не видели в этом ничего необычного: партии Фронды не были четко оформленным политическим объединением с постоянным членством, хотя и в подобных организациях внутренние распри не являются редкостью. Как отмечалось выше, дворяне вступали в партии по мере надобности, чтобы реализовать свои интересы.

В «Мемуарах» де Бюсси-Рабютена есть интересный эпизод, в котором идет речь о конфликте на почве денег, военных чинов и фаворитизма в партии кондеанцев. Автор не совсем последовательно рассказывает о причине и подробностях происшествия, но в воспоминаниях можно проследить развитие этого сюжета с 1647 по 1651 гг. Первые зерна будущей ссоры были посеяны еще до

начала Фронды, в 1647 г. Принц Конде попросил Бюсси разрешить своему протеже Гито⁴²⁰ занять должность корнета в его роте, на что он согласился. «Таким образом, Гито стал корнетом роты легких кавалеристов ордена принца, капитан-лейтенантом⁴²¹ которой я был, и у него были все обязательства перед ним; так как он заплатил за должность барону де Шанде»⁴²², – написал Бюсси-Рабютен в «Мемуарах».

Между строк с самого начала читается, что сюжет с Гито – история одного из злоключений Бюсси-Рабютена. Граф в целом был склонен писать о своей жизни как о череде невзгод. Автор отзывается о дворянине с обидой: он считает своим долгом объяснить читателю, «откуда взялось столько дружбы (*Конде к Гито – С.М.*) за столь короткое время знакомства». Даже в «Любовной истории галлов» автор упомянул Гито именно в качестве фаворита принца⁴²³. Бюсси рассказывает, что корнет был сыном гасконского дворянина по имени Пешепейру, который женился на сестре командующего Гито; от дядюшки племянник и получил имя. Дальше его карьера стремительно развивалась благодаря гасконским родственникам и друзьям: сначала Гито стал пажом в доме Ришелье, а после его смерти – пажом конюшни покойного Людовика XIII; далее он служил вместе с маршалом де Граммоном, «поскольку он был гасконцем», и он «оказал ему добрые услуги перед принцем»⁴²⁴. Конде понравился молодой человек, и принц, как и подобало патрону, стал заботиться о его карьере и состоянии.

Когда Гито стал пользоваться благосклонностью принца, последний охладел к Бюсси. Мемуарист не раз подчеркивал этот факт в воспоминаниях. На примере конфликта видно работу родственных и патрон-клиентских отношений, которые

⁴²⁰ Гито, Гийом де Пешепейру де Комменж, граф де (1626–1685) – губернатор островов Сент-Маргарит и Сент-Онора в Провансе, любовник графини де Фиеск, фаворит принца де Конде. Впоследствии попал у него в немилость, как и Бюсси.

⁴²¹ Бюсси-Рабютен купил вакантную должность в армии герцога Энгиенского (в будущем – принц де Конде) за 12 тыс. экю в 1644 г. по настоянию отца, Леонора де Рабютена. Кроме этого, после смерти отца он получил должность заместителя короля в Ниверне. 8 февраля 1646 г. Бюсси вступил во владение должностью, заплатив за нее в казну королевы-матери 7,5 тыс. ливров.

⁴²² Bussy-Rabutin R. Les mémoires de messire Roger de Rabutin, comte de Bussy. Amsterdam, 1731. P. 151–152.

⁴²³ В романе Гито упомянут как сеньор Йерский, фаворит принца Битурингского. Bussy-Rabutin. Histoire amoureuse des Gaules. Liege, 1665. P. 59.

⁴²⁴ Bussy-Rabutin R. Les mémoires. 1731. P. 151–152.

помогли Гито обойти Бюсси-Рабютена в борьбе за благосклонность Конде. Гито, не теряя времени даром, стал интриговать против Бюсси, чтобы испортить его отношения с принцем – по крайней мере, так описывает его поведение автор. Эта фаза конфликта относится к 1649 г.: Бюсси-Рабютен, как и сам принц де Конде, в ту пору был в партии двора и служил королевским лейтенантом, а партии кондеанцев еще не существовало. Гито пустил слух, что его начальник – лейтенант Бюсси – презирал роту, которой командовал, и хотел стать лагерным маршалом⁴²⁵. На самом деле Бюсси-Рабютен верно служил принцу и отличился в сражениях⁴²⁶. Сам Бюсси слух отрицал, но принц, судя по всему, о нем узнал, потому что стал относиться к мемуаристу с холодностью. Бюсси печально констатировал, что принц предпочел корнета лейтенанту: «Меня охватила боль при виде награды, которую я получил за свои услуги. Я отправился с жалобой к президенту Перро, моему хорошему другу...». ⁴²⁷ Однако Перро отсоветовал мемуаристу мстить и призвал его быть терпеливым, ведь и у принцев бывают свои склонности.

Разногласие обострилось из-за того, что принц, активно занимаясь карьерой своего протеже Гито, делал это за счет интересов Бюсси. Охлаждение Конде к Рабютену не было очевидно для других заинтересованных в покровительстве принца, и они сами просили Бюсси походатайствовать за них. Мемуарист с грустью писал, что у него просили «добрых услуг» перед принцем в то время, когда «ни у кого не было меньше доверия»⁴²⁸, чем у него. Действительно, с первого взгляда можно было подумать, что Бюсси все еще входил в круг приближенных Конде. К примеру, когда принц поссорился с Мазарини, он прислал мемуаристу записку, в которой заверял, что нуждается в приверженцах рядом с собой. На самом деле это было не более, чем галантность и политический расчет, потому что истинной целью вызова Бюсси было обсудить продажу его лейтенантского поста⁴²⁹ Гито.

⁴²⁵ Ibid. P. 172.

⁴²⁶ Бюсси показал себя героем при осаде Мардика. Герцог Энгиенский сделал ему комплимент и пригласил доехать в своей карете до Парижа.

⁴²⁷ Ibid. P. 173.

⁴²⁸ Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. T.1. P., 1698. P. 232.

⁴²⁹ В августе 1644 г. Бюсси-Рабютен купил должность капитана-лейтенанта роты легкой кавалерии, подчиненной принцу де Конде.

«Мне с ним (*с Конде – С.М.*) было так плохо, что я собирался от него уйти», – писал Бюсси-Рабютен, рассказывая про события 1649 г. Здесь видно механизм функционирования патрон-клиентских отношений, типичных для Франции XVII в. Если патрон переставал заботиться о клиенте и действовал против его интересов, клиент мог перестать быть лояльным, начать проявлять неудовлетворение или искать другого патрона. Этот механизм во многом похож на поведение дворян в партиях во время Фронды: они часто лавировали между противоборствующими партиями, в соответствии с тем, где им было выгоднее находиться в тот или иной момент гражданской войны.

Вероятно, желая улучшить не только отношения с принцем, но и состояние своего кошелька, Бюсси решил продать пост лейтенанта. В ноябре 1649 г. между Бюсси и Гито был заключен письменный договор, по которому последний обещал первому 50 тысяч ливров за 3 месяца в обмен на отказ от должности капитана-лейтенанта роты легкой кавалерии, подчиненной Конде. Принц был доволен сделкой; он дал мемуаристу слово, что на следующих выборах он поспособствует его избранию уполномоченным между сессиями провинциальных штатов Бургундии⁴³⁰.

В ходе заключения договора отношения Конде и Бюсси, кажется, несколько улучшились. Сразу после в «Мемуарах» приводится письмо автора к графу Аркуру, который ранее просил «добрых услуг перед принцем». Из послания следует, что Бюсси смог походатайствовать за него и получил благоприятный ответ: «принц очень хорошо воспринял комплимент, который я ему сделал от вас; он спросил меня, почему вы не написали ему сами»⁴³¹. Если Бюсси в этой ситуации играл роль посредника (брокера) между потенциальным клиентом и потенциальным патроном – графом Аркуром и принцем Конде – это говорит об усилении его позиций в патрон-клиентской связи.

⁴³⁰ Bussy-Rabutin R. Mémoires. P. 232.

⁴³¹ Ibid. P. 233.

Чтобы завершить финансовые вопросы по сделке с Гито и получить новые привилегии от принца, Бюсси-Рабютен остался с ним в январе 1650 г. – это означало вступление в ряды кондеанцев. Шаг мемуариста вполне логичен, ведь он был клиентом Людовика де Бурбона де Конде, и поэтому следовал за ним в политике. В «Мемуарах» об этом написано с сожалением: «...я оказался вовлечен против службы королю: я охотно вычеркнул бы это время из истории моей жизни...»⁴³². Автор делает акцент на том, что не самостоятельно отвернулся от двора, а автоматически «оказался вовлеченным» во враждебную двору партию.

Читая воспоминания, быстро понимаешь, почему автор разочаровался в Конде и его партии. Принц стал торопить Бюсси и Гито с завершением сделки, но последний не разделял устремлений своего патрона. Бюсси написал, что с оплатой его услуг Гито не торопился. «Как только я увидел принца де Конде, он сказал мне, что у Гито достаточно денег, чтобы заплатить мне, и что хотя условленные три месяца еще не истекли, так как его деньги были готовы, мы должны были закончить это дело. Я ответил ему, что это не зависит от меня»⁴³³, – свидетельствуют воспоминания злосчастного дворянина. Как пишет мемуарист, принц «настоятельно убеждал закончить с этим делом», но рассказчик не встретился с Гито и не заключил сделку. По какой причине так произошло, автор не указывает. Более того, Бюсси утверждает, что, получив деньги от Гито, он «никогда бы не стал горячо поддерживать принца против короля»⁴³⁴. Возможно, он имел в виду, что сразу ушел бы от Конде, покинув его клиентелу и партию после оплаты должности.

В тексте воспоминаний хорошо чувствуются подозрительное отношение автора к приближенному принца и обида на него. Будучи пусть и небольшой промежуток времени в одной партии, эти два человека не почувствовали себя союзниками, скорее, наоборот, они стали врагами. Когда Конде с другими принцами арестовали, Бюсси попытался решить вопрос с оплатой услуг: «...я побежал в особняк Конде, где, найдя Гито, предложил ему завершить наш договор.

⁴³² Ibid. P. 237.

⁴³³ Ibid. P. 237–238.

⁴³⁴ Ibidem.

Он сказал мне, что больше не согласен с этими условиями и что именно принц должен дать ему обещанные мне деньги»⁴³⁵. Мемуарист понял, что в партии принца его просто использовали, не выполнив ответных обещаний. После этого случая Бюсси упоминает о Конде и о его партии в негативном ключе. Далее мемуарист рассказывает, что союзники Конде обсуждали план похищения племянниц кардинала для того, чтобы использовать заложниц для вызволения принцев. Примечательна реакция Бюсси, когда ему тоже предложили поучаствовать в этой аванюре: «я не воспылил желанием отомстить за человека, *выказавшего по отношению ко мне очень мало дружбы*» (*курсив мой – С.М.*)⁴³⁶.

Конфликт Бюсси с Гито продолжился в феврале 1651 г. после освобождения принцев из заключения. Конде поблагодарил Бюсси-Рабютена за оказанные услуги и предложил завершить сделку, однако уже прошел год, и мемуарист изменил к ней отношение. Бюсси был очень обижен на принца и его протеже: «Я сказал ему, что он господин; но, если бы он оставил выбор за мной, я бы не отдал ее (*роту и должность – С.М.*) в руки Гито»⁴³⁷. С этим Бюсси подал в отставку и предоставил принцу самому выбирать, кому отдать роту. Предложение Конде и дальше заботиться о его состоянии и помогать с покупкой должностей вызвало бурю в душе мемуариста: «я поблагодарил его и удалился с счастливым выражением лица, но в глубине души разгневанный»⁴³⁸. Контроль над аффектами и хорошая мина при плохой игре – яркие черты в поведении придворных и в целом французских аристократов XVII в.

Бюсси предстояло разгневаться еще сильнее, потому что через неделю принц послал к нему его друга Лене⁴³⁹ с предложением получить 10 тысяч экю сразу и 20 тысяч ливров через два месяца. «Мне показалось настолько странным, что, предложив мне свой кошелек для покупки должности, он попросил у меня кредит на часть моего платежа, что я сказал Лене, что не уйду в отставку», – написал Бюсси

⁴³⁵ Ibid. P. 238–239.

⁴³⁶ Ibid. P. 239.

⁴³⁷ Bussy-Rabutin R. Les mémoires, 1731. P. 202.

⁴³⁸ Ibidem.

⁴³⁹ Пьер Лене (ум. 1671) – генеральный прокурор парламента Дижона, государственный советник. Отличался преданностью принцу Конде. Оставил «Мемуары» и переписку с участниками Фронды.

в «Мемуарах». Еще более странным кажется тот факт, что изначально речь шла о 50 тысячах ливров, но за год они превратились в 20 тысяч ливров и 10 тысяч эю. Однако важно заметить, что аристократы часто путали эю и ливры в мемуарах, поэтому сейчас сложно установить точную цифру; как я предполагаю, Бюсси должен был получить сильно меньше половины изначальной суммы. В разговоре с Рабютеном принц назвал роту «развалившейся» – вероятно, из-за этого цена должности по сделке изменилась. Дав мемуаристу выпустить пар, Лене вернулся через несколько дней с предупреждением, что неосторожное поведение будет стоить Бюсси 50 тысяч ливров (снова появляется первоначальная сумма!), так как принц в тот момент был «повелителем двора», а на расположение короля Рабютену не нужно было надеяться, так как он недавно перешел на сторону «оппозиционных» кондеанцев. Загнанный в угол, мемуарист покорился Конде и согласился с условиями; получив 10 тысяч эю наличными – около трети реальной стоимости должности⁴⁴⁰ – и «обязательство» принца на 20 тысяч ливров. Он так расстроился, что надолго слег с лихорадкой⁴⁴¹.

В сентябре 1651 г. принц стал готовиться к войне и предупреждать своих друзей и слуг. Бюсси почти поверил, что относится к их числу, так как получил любезную записку от имени принца из Монрона с просьбой приехать и воссоединиться с остальными кондеанцами⁴⁴². Мемуарист колебался: его «тронули заслуги и несчастья» Конде, но вместе с этим он был недоволен тем, как изменились их отношения, когда появился Гито. «Я всегда очень любил этого принца, пока он не охладил ко мне...» – написал Бюсси⁴⁴³.

В этом конфликте прослеживается нарушение работы патрон-клиентской связи: Бюсси был клиентом Конде, и поэтому он последовал за ним в политическом плане, вступив в его партию, но патрон перестал заботиться о своем клиенте,

⁴⁴⁰ Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов. М., 2010. С. 195.

⁴⁴¹ Ibid. P. 202–203.

⁴⁴² «Я прошу г-на графа де Бюсси приехать сюда как можно скорее, где он найдет мою сестру, моего брата и г-на герцога де Немура, которым он будет доверять во всем, как мне, а я – ему буду глубоко обязанным. В Монроне 15 сентября 1651 года. Подпись: Луи де Бурбон». Bussy-Rabutin R. Mémoires. 1698. P. 254–255.

⁴⁴³ Ibid. P. 254–255.

предпочтя ему Гито. Когда Бюсси понял, что принц приманивает его обещаниями и лишь формально включает в число приближенных, он перестал быть его клиентом и приверженцем. Внимательно рассмотрев записку, мемуарист увидел, что она была написана Лене, а принц только поставил на ней автограф. Он решил, что Лене убедил Конде позвать его, и что эта просьба была «больше из соображений его политики, чем от сердца»⁴⁴⁴. Отпустив лакея принца, Бюсси-Рабютен вернулся к партии двора. Вскоре он приложил все усилия, чтобы удержать в повиновении монарху провинцию Нивернэ, королевским наместником которой он был⁴⁴⁵. Особенно важную услугу он оказал двору при взятии Монрона – крепости Конде и последнего оплота его партии⁴⁴⁶.

Таким образом, Бюсси-Рабютену не повезло во Фронде. Мемуарист как нарочно принимал невыгодные для себя решения: когда принц был в тюрьме, Бюсси был в его лагере, а когда Людовик де Бурбон вышел на свободу и стал хозяином положения, Бюсси вернулся к мазаринистам⁴⁴⁷. Дворянин провел большую часть гражданской войны в лагере двора. Стоило ему сделать небольшое отступление в другую партию вслед за патроном, он не получил от этого никаких выгод, но заклеил себя как предателя короны. Неслучайно в «Мемуарах» Бюсси многократно делал реверансы в сторону королевской власти и подчеркивал свою лояльность.

Конфликты внутри партии объяснялись не только недобросовестностью патронов и ложными обещаниями, но и завистью между членами одной корпорации. В «Мемуарах» Ги Жоли с большим количеством подробностей описал арест советника Брюсселя – событие, с которого началась парламентская Фронда.

⁴⁴⁴ Ibid. P. 255.

⁴⁴⁵ Бюсси-Рабютен получил по наследству должность королевского наместника в Нивернэ в 1645 г. после смерти отца, Леонора де Рабютена.

⁴⁴⁶ Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр. С. 195.

⁴⁴⁷ Там же, С. 194.

Вероятно, остальные мемуаристы этих деталей не знали или не считали важным о них рассказать, но Жоли, магистрат парламента, уделил им большое внимание.

Жоли начинает рассказ об аресте Брюсселя с того, что не только активная защита населения от возраставших налогов стала причиной ареста этого парламентария. Мемуарист отмечает, что первый президент Моле питал к советнику тайную ревность и завидовал его репутации, поэтому подговорил задержать его. Личные счеты он свел заключением любимца народа в Бастилию. Солдаты господина де Комменжа пришли примерно через час после полудня в дом сеньора Брюсселя, размещенный в Порт-Сен-Ландри, как раз в тот момент, когда он встал из-за стола, будучи в сутане и панталонах со своими детьми⁴⁴⁸. После предъявления письма об аресте Брюссель изъявил покорность властям, ему нужно было только дозволение одеться. Девушка де Брюссель добавила, что ее отец, принявший лекарство в тот день, должен был уединиться перед отъездом, что было ему предоставлено сеньором де Комменжем⁴⁴⁹. Но Брюссель немного задержался, народ стал собираться вокруг его дома и даже оттеснил повозку, приготовленную для сопровождения советника в тюрьму. В итоге всеми уважаемый парламентский советник был препровожден в Бастилию «в том виде, в каком он был» и даже без обуви⁴⁵⁰. Такими методами партия двора разбиралась с теми людьми в государстве, которые старались уменьшить размер налогов. Возможно, такими методами первый президент парламента расправлялся с конкурентом. Этот пример дает возможность показать, как сплетаются межличностные отношения с политическим противостоянием.

С меньшими подробностями Ги Жоли пишет об арестах и ссылках менее популярных оппозиционеров: тогда же был арестован президент Бланмениль; президент Шартон, Лэне и Луазель успели сбежать. Позже они получили письма об аресте, по которым их отправили одного в Нант, другого в Санлис⁴⁵¹. Иногда

⁴⁴⁸ Joly G. Mémoires. P. 9.

⁴⁴⁹ Ibidem.

⁴⁵⁰ Ibidem.

⁴⁵¹ Ibidem.

причина ареста была неизвестна. Господина де Шавиньи заключили, по словам Жоли, без явной причины, только по обвинению в том, что он склонил принца Конде к принятию интересов парламента. То есть представителя парламентской Фронды арестовали за попытку завербовать влиятельного члена королевской фамилии в свою партию. Шавиньи сделал это из мести Мазарини, который сместил его с должности секретаря парламента и отдал ее лояльному де Бриенну. В этой темной истории имеет место и типичное для времени Фронды предательство. Ходили слухи о том, что господин де Шавиньи согласовал свой план с президентом Перро, который принадлежал к партии принца, и этот председатель сообщил обо всем первому министру. Вероятнее всего, арест Шавиньи объясняется тем, что он был действительно важной фигурой, «чей дух, тесные связи с высшими лицами двора и парламента <...> были более опасными для кардинала, чем все народные волнения и ремонстрации парламента»⁴⁵².

Приведенные примеры показывают, что партия двора без стеснения и без объяснения причин арестовывала неугодных парламентариев. Выискивать наиболее опасных фрондеров помогали их завистники из парламента, которые для карьерного продвижения были готовы отправлять за решетку своих более успешных коллег. Однако, как мне представляется, аресты парламентариев на начальном этапе гражданской войны настолько всколыхнули народ, что значение партии Фронды стало больше. Многие фрондеры-парламентарии были популярны среди парижан, и те были готовы строить баррикады, чтобы добиться освобождения своих кумиров. Далее к партии присоединились коадьютор Гонди, герцогиня де Шеврез и другие сильные политические фигуры. В результате внутреннего конфликта партия «заменила» потенциальных предателей на популярные в народе и парламенте фигуры.

1.4 Конфликты между родственниками

⁴⁵² Joly G. Mémoires. P. 15.

Родственные отношения имели огромное значение для французских дворян XVII в. Часто они выступали во время гражданской войны вместе со своими семьями, стремились улучшить положение фамилии, получить новые привилегии или закрепить право пользоваться старыми. В большей части случаев, приведенных авторами мемуаров времени Фронды, родственники действовали сообща и отстаивали интересы семьи. В источниках встречаются совместные предприятия дворян, целью которых было отстоять честь оскорбленного родственника, друга или соратника. Было достаточно небольшой ссоры между дворянами, чтобы родственники обнажили шпаги для защиты чести своих домов. Интересно, что вступившие в конфликт участники могли даже не знать, что, собственно, произошло, по какой причине они должны жертвовать своими жизнями. В некоторых случаях они могли быть даже незнакомы с противниками⁴⁵³. В таких эпизодах большую роль играли не только семейные, но и патрон-клиентские отношения. Подобный случай, похожий на приключение из романа плаща и шпаги, рассказывает Бюсси-Рабютен. Он сообщает в «Мемуарах»: «...господин ла Марш, мой родственник, пришел просить меня принять участие в дуэли Лузиньяна, его племянника, поссорившегося с Марином. Я согласился. Мы дрались шестеро против шестерых...»⁴⁵⁴. В целом эта дуэль вписывалась в рамки кодекса: ее целью было доказать правоту и могущество родственника Бюсси-Рабютена, защитить его честь и, соответственно, честь семьи; вызов передал дворянин, секунданты также сражались. Описывая конфликт, мемуарист обратил внимание на особенности дуэли, соотношение сил, фехтовальные навыки участников, назвал имя своего противника. Ход дуэли был продуман, вероятно, «пары» сражавшихся были намечены заранее. Это также типично для французской дуэли XVI–XVII вв., в которой все условия должны были быть заранее согласованы и приняты обеими сторонами⁴⁵⁵. Однако одно условие поединка отличается от привычных для той

⁴⁵³ Новоселов В.Р. Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI–XVII столетия. СПб., 2005. С. 221–223.

⁴⁵⁴ Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. T.1. P., 1698. P. 240.

⁴⁵⁵ Новоселов В.Р. История европейской дуэли XVI–XVIII века. С. 15.

эпохи: «если кто-либо из пеших будет иметь преимущество над своим человеком, они должны остановиться»⁴⁵⁶. Возможно, поединок планировался не на смерть, а до первой крови. Как правило, для дуэлянтов зримый урон, нанесенный в бою противнику, был важен как знак храбрости⁴⁵⁷, поэтому многие поединки заканчивались смертью. «Дуэльная лихорадка» могла за год унести больше жизней дворян и военных, чем война⁴⁵⁸. Французские дворяне середины XVII в. с готовностью принимали участие в конфликтах между семьями, рискуя быть покалеченными или даже убитыми.

Но бывали и такие случаи, когда один из членов семьи начинал действовать против партии, в которой был наиболее важный родственник, ядро семейства. В источниках я увидела не так много упоминаний о членах семьи, которых война «разбросала» по разным партиям. Как ни странно, мне чаще попадались именно женщины, отложившиеся от ядра семьи и партии для продвижения своей собственной линии. Во время гражданской войны в доме принца де Конде, важного политического деятеля эпохи Людовика XIV, пробежала черная кошка. В третьей части «Мемуаров» (март 1649–февраль 1651 гг.) герцог де Ларошфуко сообщал, что принц рассорился с братом и сестрой, принцем де Конти и герцогиней де Лонгвиль, но потом снова собрал семью под своим руководством. Примерно в этот же период гражданской войны принц де Конде лавировал между двором и парламентом, что, вероятно, послужило одной из причин конфликтов в его доме. По словам Ларошфуко, до того, как принц решил помириться с фрондерами, он проявлял полнейшую враждебность в отношении своего брата – принца Конти – и сестры – герцогини де Лонгвиль – и «он бушевал против них со всей воображимой озлобленностью, то ли из-за двора, то ли из мести за то, что они расстались с ним»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁶ Bussy-Rabutin R. Mémoires. P. 240.

⁴⁵⁷ Новоселов В.Р. Последний довод чести. С. 225.

⁴⁵⁸ Там же. С. 217.

⁴⁵⁹ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 305.

Мемуарист подчеркивает, что ссора с родственниками не принесла Конде выгод. Напротив, принц пострадал из-за размолвки с ближайшими членами дома⁴⁶⁰. Даже такой могущественный политический и военный деятель, как принц Конде, не мог успешно действовать против других партий, не считаясь со своими родственниками. Помирившись с членами своей фамилии, Конде сразу же предпринял шаг для защиты ее интересов – стал требовать от Мазарини предоставления герцогу де Лонгвилю – мужу сестры – выгодного назначения⁴⁶¹. Возобновить союз с родственниками лишь на словах было мало, от главы дома требовался патронаж над близкими, у которых не было возможности добиться привилегий самостоятельно.

Госпожа де Лонгвиль была активной и влиятельной участницей Фронды. Сестра принцев Конде и Конти, супруга герцога де Лонгвиля, любовница герцога де Ларошфуко, она «пребывала тогда⁴⁶² в добром согласии со всею своей родней и была так нежно любима своим братом герцогом Энгиенским⁴⁶³, что можно было быть уверенным в уважении и дружеских чувствах этого принца, получив одобрение от его сестры»⁴⁶⁴. Хорошие отношения с родственниками были одним из важнейших факторов, который обеспечивал этой даме влияние на события гражданской войны. В ответ на доброту членов своей семьи де Лонгвиль, по выражению мемуариста, стояла на страже интересов фамилии. Многие аристократы старались стать ее друзьями или любовниками в том числе и для того, чтобы познакомиться поближе с ее братом – принцем де Конде⁴⁶⁵. Возможно, те из них, кому не улыбнулась удача, распускали о ней слухи и сочиняли злобные стишки. Бюсси-Рабютен в романе «Любовная история галлов» замечает с сарказмом: «Легко представить, что принцессе, не отличавшейся чистоплотностью и источавшей не лучший в мире запах, не удалось скрыть свои дурные качества от

⁴⁶⁰ Ibid. P. 305–306.

⁴⁶¹ Ibidem.

⁴⁶² Речь идет о 1645 г.

⁴⁶³ Герцог Энгиенский – титул принца де Конде до смерти его отца.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 225–226.

⁴⁶⁵ Ibidem.

мужчины, безумно влюбленного в другую»⁴⁶⁶. Имеется в виду фрагмент «Истории Анжели и Жинотика», где под вымышленными именами автор описал интригу между Лонгвиль и Немуром, о которой речь далее.

Примкнув к партии брата в середине Фронды, герцогиня поначалу была ему лояльна. Ларошфуко отмечал честность и твердость своей возлюбленной, которые вызвали уважение кондеанцев и ненависть кардинала Мазарини, начавшего бояться этой дамы сильнее, чем ее братьев-принцев⁴⁶⁷. Принцесса публично выражала согласие с действиями своего брата и сопровождала его в поездках.

Из этого можно сделать вывод, что высокопоставленная женщина, выстроившая свою стратегию поведения, в период Фронды вполне могла играть важную роль как в родственных связях, так и в событиях гражданской войны. Однако госпожа де Лонгвиль не была бескорыстной и последовательной в отношениях с родственниками. Имея огромное влияние на братьев, она убедила Конде начать военные действия на втором этапе гражданской войны (1651 г.), а принца Конти, который только и искал предлог для отсрочки принятия духовного сана – присоединиться к ним: «У принца Конти не было твердо намеченной цели. Тем не менее он следовал за мнениями сестры, не зная, что лежит в их основе, и хотел войны, потому что она отдала бы его от принятия столь нелюбимого им духовного сана»⁴⁶⁸. Мемуарист критиковал возлюбленную за этот шаг, который был вреден для партии и семьи герцогини. По его выражению, госпожа де Лонгвиль должна была неминуемо стать объектом для нападок: «ее обвинят в разжигании беспорядков по собственной инициативе; она окажется ответственной во многих отношениях, как перед своим братом, так и перед всеми за разжигание войны в королевстве, события которой будут иметь катастрофические последствия для ее дома и государства»⁴⁶⁹.

⁴⁶⁶ Bussy-Rabutin. Histoire amoureuse des Gaules. Liege, 1665. P. 138–139.

⁴⁶⁷ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 307.

⁴⁶⁸ Как младший сын, принц Конти должен был принять духовный сан. Ibid. P. 360.

⁴⁶⁹ Ibid. P. 3

Несколько далее Ларошфуко сообщал, что герцогиня не считала нужным всегда и во всем следовать за идеями Конде. Как и многие ее современники и современницы, она реализовывала внутри этой партии собственные чаяния. Партии принца мешали политические и любовные связи Лонгвиль. Конде и Конти были очень недовольны тем, что их сестра начала любовную игру с герцогом Немуром, расставшись с преданным и лояльным партии принцев Ларошфуко. Де Немур также был кондеанцем, но, судя по всему, принцы больше доверяли Ларошфуко. Бюсси-Рабютен не без цинизма писал об этой связи, почти не изменив имена в «Любовной истории галлов»: «Принцесса Нормандская⁴⁷⁰, сопровождавшая брата, не осталась равнодушной к достоинствам Амедея⁴⁷¹ и выказала ему столько приязни, что принц, хоть и пылко влюбленный в другую, не смог ей противиться. Впрочем, сдать его заставила скорее слабость плоти, нежели сердечная склонность. <...> «Их интрижка не продлилась долго, потому что Амедей не мог себя заставить проявлять свидетельства расположения, которого не испытывал»⁴⁷². Принцев, разумеется, очень задевали подобные слухи о представительнице их дома.

Бюсси-Рабютен отметил, что госпожа де Лонгвиль «не стремилась пощадить чувства другого любовника»⁴⁷³. Герцог Ларошфуко, узнав о неверности возлюбленной, впал в ярость и сразу порвал с ней. Как видно из его сочинений, он навсегда разочаровался в женщинах и потерял к ним уважение. В «Максимах» кондеанца афоризмы про любовные отношения наполнены желчностью и едва скрытой обидой. Приведу красноречивые примеры: «Нет таких людей, которые, перестав любить, не начали бы стыдиться прошедшей любви» (Максима 71)⁴⁷⁴; «Настоящая любовь похожа на духа: все о ней говорят, но немногие ее видели»

⁴⁷⁰ В «Любовной истории галлов» так называлась герцогиня де Лонгвиль. В этом художественном произведении под вымышленными именами автор описал реальных действующих лиц. Достоверность многих событий можно проверить, сравнив с мемуарами современников.

⁴⁷¹ Герцог де Немур, Шарль-Амедей Савойский (1624–1652), в «Любовной истории галлов» – Амедей. Был женат на Элизабет де Вандом, сестре герцогов де Бофора и де Меркера. Один из вождей Фронды. Был убит на дуэли герцогом де Бофором.

⁴⁷² Bussy-Rabutin. Histoire amoureuse des Gaules. Liège, 1665. P. 138.

⁴⁷³ Ibid. P. 138–139.

⁴⁷⁴ La Rochefoucauld F. Maximes // Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes mémoires et lettres. P., 1865. P. 68.

(Максима 76)⁴⁷⁵; «Чем больше мы обожаем любовницу, тем ближе к тому, чтобы ее возненавидеть» (Максима 111)⁴⁷⁶.

Чем хуже становились отношения кондеанцев, чем больше политических дуэтов распадались⁴⁷⁷, тем слабее становилась партия перед лицом сплоченного ядра мазаринистов. Ларошфуко объясняет раздор в партии Конде конфликтом между членами его фамилии. Принц Конти и герцогиня Лонгвиль начали соперничать за влияние на парламентскую фрондерскую группировку, и, рассорившись, «воспылали друг к другу ненавистью, <...> в столкновениях приносили в жертву своим страстям и особой ожесточенности величайшие преимущества партии; вместо того, чтобы установить свою власть <...> они дали дорогу беспорядкам и мятежам народа»⁴⁷⁸. Госпожа де Лонгвиль поставила себя в сложное положение – потеряв покровительство и доброе отношение Конде и Конти, она все еще пребывала в немилости у мужа и у двора⁴⁷⁹. Когда дама была союзницей своих могущественных братьев-принцев и Ларошфуко, их партия успешно добивалась поставленных целей, но стоило ей проявить собственные интересы, которые отличались от интересов Конде и Конти, произошла крупная семейная ссора. Конфликт навредил партии, так как расколол ее изнутри и привел к тому, что важнейшие лица группировки стали действовать как печально известные лебедь, рак и щука. Поэтому, как я считаю, разлад в межличностных отношениях членов дома Конде был одной из причин поражения этой партии во Фронде. К другим причинам поражения кондеанцев можно добавить тот факт, что их армия уступала королевской числом и уровнем дисциплины⁴⁸⁰. Например, Мадемуазель пишет, что герцог Лотарингский приказал нескольким из подконтрольных ему кавалерийских полков перейти через реку, но «как только мы уехали», они переправились обратно⁴⁸¹. Также одной из причин поражение кондеанцев был отказ от

⁴⁷⁵ Ibidem.

⁴⁷⁶ Ibid. P. 73.

⁴⁷⁷ Ларошфуко и Лонгвиль можно было включить в их число подобных политических дуэтов.

⁴⁷⁸ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 408.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 409.

⁴⁸⁰ Ibid. P. 388.

⁴⁸¹ Герцог Лотарингский был одним из «двойных агентов» Фронды, о чем пойдет речь далее, в Главе 2. Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. T. 2. P., 1858. P. 79.

объединения с парламентскими фрондерами против Мазарини. Ненависть к первому министру была единственной точкой их соприкосновения, что стало очевидным после его первого изгнания; во всех остальных вопросах интересы участников партий были несовместимыми⁴⁸². Разделяя и властвуя, кардинал смог постоянно настраивать «оппозиционеров» друг против друга⁴⁸³, заигрывая то с одними, то с другими, что приводило к ослаблению мятежа в целом.

Высокопоставленной фрондерке де Лонгвиль было далеко не выгодно остаться один на один с мужем в отдаленном от эпицентра важных событий губернаторстве. Супруг имел право наказать неверную жену, к примеру, лишить ее свободы, запереть в замке. Потеряв свободу передвижения, она тут же бы утратила свое политическое влияние на события во взбунтовавшихся городах. Герцог де Лонгвиль был недоволен поведением жены, поэтому требовал ее возвращения. Недовольство это растравил коадьютор Гонди в политических целях⁴⁸⁴. Опытный интриган умел ссорить и знал, к чему это приведет. Де Ларошфуко пишет об этом так: «она не располагала иной возможностью избежать этой столь опасной поездки, как склонив своего брата к гражданской войне». Таким образом, желая выйти из повиновения супругу, герцогиня, имевшая большой политический вес в событиях гражданской войны, могла подтолкнуть Конде, который «дошел до разрыва с двором», к решительным действиям.

Похожую ситуацию описал Бюсси-Рабютен в «Истории Анжели и Жинотика», посвященной герцогине де Монморанси и ее мужу, Колиньи де Шатийону. За талантливо написанной историей эротических похождения⁴⁸⁵ стоял политический расчет дамы, которая с помощью любовников, денег и связей вела свою линию в гражданской войне. Супруга Колиньи де Шатийона, по роману –

⁴⁸² Дворяне, участвовавшие во Фронде, никогда не составляли единого блока. Старинное соперничество родов (например, Конде против Вандомов), сильная личная неприязнь (ненависть герцогов де Немура и де Бофора), политические амбиции (Реца и Конде) сталкивали их друг с другом. Как лебедь, рак и щука, они лишили Фронду самой элементарной сплоченности. Pernot M. La Fronde. P., 2022. P. 402–403.

⁴⁸³ Мазарини активно пользовался услугами шпионов, чтобы ссорить «оппозиционеров». Pernot M. La Fronde. P., 2022. P. 403.

⁴⁸⁴ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 360.

⁴⁸⁵ «История Анжели и Жинотика» – одна из новелл «Любовной истории галлов» Бюсси-Рабютена.

Анжели, в реальности – герцогиня де Монморанси, уделяла слишком большое внимание герцогу де Немуру – тому самому мимолетному другу герцогини де Лонгвиль. Ее муж выказал по этому поводу неодобрение, потому что он не хотел чувствовать себя обманутым, ниже остальных мужей, и даже попросил друга сделать ей внушение. Вскоре после этого Колиньи погиб в армии Конде. Ги Жоли в «Мемуарах» пишет об этом так: «Господин принц тоже потерял там много людей, между прочим герцога де Шатийона, убитого пушечным выстрелом; о нем очень сожалели обе стороны»⁴⁸⁶. Эта же история описана в «Любовной истории галлов»: «Однако Жинотик (Колиньи), командовавший атаками под началом принца Тиридата (Конде) и энергично теснивший врагов, был ранен выстрелом из мушкета в низ живота и следующей ночью умер»⁴⁸⁷.

Немур стал добиваться от Монморанси «высших милостей» в день похорон ее мужа. Как оказалось, она не изменяла супругу до его смерти: боялась, что муж посадит ее под арест. Далее есть интересная подробность, которая объясняет страх дамы остаться заключенной под надзором мужа. Как и герцогиня де Лонгвиль, она была активной фрондеркой. Монморанси совершила множество преступлений против партии двора: поддерживала отношения с Конде, принимала деньги от испанцев и даже оплачивала убийство кардинала Мазарини⁴⁸⁸. Эти сведения подтверждаются «Мемуарами» мадемуазель де Монпансье: «За преступления против государства колесовали двух мужчин: некоего Берто и еще Рикусса, брата одного из слуг принца де Конде; жена этого слуги состоит на службе у госпожи де Шатийон (*госпожа де Монморанси – С.М.*). Говорят, что в деле была замешана и сама госпожа де Шатийон, действовавшая в интересах Принца, однако сам Принц, как я слышала, отрицает, что знал о заговоре. Госпожа де Шатийон сбежала к себе в Марлу, потом пряталась во множестве мест и, наконец, укрылась в аббатстве Мобюиссон. Также в этом деле был замешан некий священник по имени Камбиак, переписка которого с госпожой де Шатийон была найдена и предана гласности

⁴⁸⁶ Joly G. Mémoires. P. 20.

⁴⁸⁷ Bussy-Rabutin. Histoire amoureuse. P. 129.

⁴⁸⁸ Ibid. P. 159.

Дигби. Еще говорили, что герцогиня сама во всем призналась аббату Фуке, хотя ее признание аббату странным образом противоречит интересам Принца»⁴⁸⁹. Не имея возможности свободно передвигаться, получать письма, отправлять средства, эта дама потеряла бы свои политические позиции в гражданской войне.

Совсем иначе выглядит на этом фоне история принцессы де Монпансье, активной и верной участницы партии принца Конде. Родовитая аристократка, дама придворного общества, дочь Гастона Орлеанского, она оказалась вовлеченной во Фронду на стороне Конде отцом и оставалась в партии принца. Ее конфликт с Месье возник из-за того, что позже он переметнулся к мазаринистам и пытался перетянуть за собой Мадемуазель из партии Конде. Различие политических стратегий отца и дочери проявилось очень скоро. В то время как фрондеры рассчитывали на личное присутствие Месье в его наследственных землях в Орлеане, он, склонный к медлительности и постоянным колебаниям, предпочел переложить эти обязанности на плечи дочери. Монпансье вела себя смело, решительно и предприимчиво. Принцесса отправилась в Орлеан, чтобы навести там порядок вместо отца. Предприятие было согласовано с фрондерскими вождями, и Мадемуазель восприняла поручение как приказание Конде, которому она «была рада подчиниться»⁴⁹⁰. Монпансье писала с гордостью о том, как она быстро стала самостоятельной политической фигурой в гражданской войне, заслонила своего отца. Мадемуазель отмечала бесчисленное число людей, благословляющих ее отъезд на улицах Парижа, восторг простых солдат и офицеров, которые радовались ее прибытию к воротам Орлеана «даже больше, чем если бы это был Месье»⁴⁹¹.

Монпансье выбирала по своему усмотрению, каким образом себя вести, в какой партии состоять. Она не боялась остаться без покровительства и средств, действовала автономно, мнение отца не являлось для нее определяющим. Склонность принцессы к самостоятельности и романтическому героизму отмечал

⁴⁸⁹ Примечание из русскоязычного издания Бюсси: Бюсси-Рабютен Р. Любовная история галлов. М., 2010. С. 64. В приложении к «Мемуарам» Старшей Мадемуазель содержится протокол последнего, состоявшегося 11 октября 1653 г., допроса Жана де Рику, казненного в тот же день. Montpensier A.-M. Mémoires. T. 2. P. 438–439.

⁴⁹⁰ Montpensier A.-M. Mémoires. T. 1. P. 347.

⁴⁹¹ Ibid. T. 1. P. 352.

и ее отец, который сулил ей немилость при дворе. Отец осуждал дочь за нежелание участвовать в придворных мероприятиях и утомительных переездах, поэтому принцесса притворялась больной и оставалась в постели, ссылаясь на боль в горле, к которой была предрасположена. Мадемуазель описала скандал с отцом из-за ее отказа ехать с двором в Бургундию и подытожила этот эпизод красноречивыми словами: «Мне нужно было в первую очередь подумать о своих интересах»⁴⁹².

Складывается ощущение, что Монпансье не зависела от отца и не боялась остаться в немилости, поэтому действовала так автономно. Вспоминая ее родословную и попытки найти выгодную партию для замужества, нельзя проигнорировать богатое наследство, доставшееся ей от покойной матери. Политическую автономию принцессы можно объяснить ее финансовой независимостью. Мотивацией ее поступков было желание укрепить союз Людовика XIV с принцами крови. В этом она отличается от других активных участниц Фронды, действовавших ради денег и политических выгод. Активное участие Монпансье в делах лагеря Конде однозначно сделало его партию сильнее, а предприятия принца – успешнее. Так, в битве при Сент-Антуанском предместье⁴⁹³ решительные действия герцогини спасли армию Конде и существенно повлияли на ход Фронды, хотя и не смогли привести «бунтовщиков» к победе. Кстати, в этой битве на стороне принца участвовал дворянин де Валон; принцесса Монпансье отмечала, что он был ранен⁴⁹⁴. Как тут не вспомнить Портоса, чье настоящее имя было дю Валлон? Независимость принцессы в этом сражении еще сильнее поссорила ее с отцом, который был недоволен ее поведением. Месье сказал дочери, критикуя ее за нелояльность двору: «И случай при Сент-Антуане, вы думаете, Мадемуазель, не сказан отрицательно на вашей репутации при дворе? Вы просто хотели стать героиней!»⁴⁹⁵

⁴⁹² Ibid. P. 293.

⁴⁹³ Битва при предместье Сент-Антуан 2 июля 1652 г. между королевским войском под командованием маршала де Тюренна и войском принца де Конде. В решающий момент мадемуазель де Монпансье со своими сторонниками взяла под контроль Бастилию и направила на королевское войско артиллерийский огонь, что спасло Конде.

⁴⁹⁴ Montpensier A.-M. Mémoires. T. 2. P. 97

⁴⁹⁵ Ibid. P. 197.

Подводя итоги главы, резюмирую наиболее важные мысли. Члены разных партий во время Фронды необязательно «по умолчанию» становились врагами. Бывали случаи, когда члены разных партий помогали друг другу, если это было выгодно им или их лагерю в целом: ярким примером является эпизод с Талоном и коадьютором, когда «устранение» важного политического игрока (Гонди) могло нарушить баланс сил в пользу кондеанцев, что было невыгодно двору. Однако логично, что во время гражданской войны происходили громкие стычки между врагами из разных партий. Я думаю, что в конфликтах вражда и в целом межличностные отношения аристократов имели большее значение, чем то, в каких партиях они состояли. Это не противоречит тому факту, что участники Фронды с противоположными интересами могли выбрать противоборствующие партии, а не одну и ту же. В ссоре Ларошфуко и коадьютора «схлестнулись» как личная ненависть, так и цели старой Фронды и Фронды принцев. Конфликт неслучайно был публичным, так как Ларошфуко увидел в поведении Гонди вызов Конде и прилюдно поставил «возгордившегося» священника на место, не имея возможности вызвать его на дуэль.

Конфликты внутри партий тоже могли быть связаны в первую очередь с личными обидами и завистью их участников. Бюсси-Рабютен поссорился со своим патроном – принцем Конде – из-за Гито, который занял место фаворита. Видя, что патрон больше не заботится о нем, то есть не выполняет своих функций в патрон-клиентской связи, Бюсси проявлял недовольство, жаловался, а потом прекратил с ним отношения. Нужно сказать, что принц действительно поступил с ним несправедливо, сначала вынудив заключить сделку о продаже должности его новому протеже, а потом выплатив слишком маленькую сумму. Из-за проволочек со сделкой Бюсси оказался среди мятежников-кондеанцев, получил от этого только убытки и испортил себе репутацию при дворе. Лавирование дворян между партиями могло как быть причиной ссор в ней, так и их следствием: Бюсси вышел из клиентелы и партии принца Конде из-за охлаждения их отношений. Также

личной завистью объяснялись конфликты среди парламентских фрондеров: из-за зависти в парламенте Брюсселя «выдали» свои, а его арест был последней каплей для налогоплательщиков-горожан и недовольных дворян, что было одной из причин появления баррикад в Париже и начала гражданской войны.

Члены дворянской семьи держались сообща во время кризисов, стремились помогать друг другу и действовать в интересах фамилии, так как это было и в интересах каждого. Но и внутри аристократического семейства могли возникнуть серьезные политические разногласия. Если представитель семьи стремился выстроить собственную политическую линию, у него редко удавалось осуществить свои замыслы без поддержки родственников.

Семейные неурядицы, неприязнь представителей одного лагеря и клиентелы, соперничество ухажеров одной дамы и другие конфликтные ситуации серьезным образом влияли на деятельность партий. Личные обиды, зависть, соперничество – все это приводило к ссорам между аристократами, а они, в свою очередь, имели большой политический вес и значительно влияли на Фронду в целом. К примеру, разлад между Конде и Бюсси-Рабютенем привел к тому, что последний не только вышел из клиентелы и партии принца, но и стал активно помогать правительственной партии. Удержав в повиновении двору целую провинцию Нивернэ, 1 сентября 1652 г. Бюсси существенно повлиял на взятие Монрона правительственными войсками, что в свою очередь привело к падению последнего оплота «оппозиционеров» и завершению Фронды. Конфликты влиятельных братьев и сестры дома Конде внутри партии принцев ослабили партию, что вкупе с плохой дисциплиной в армии, постоянными интригами и разобщенностью «оппозиционеров» привело группировку к поражению. *Отдельные ссоры между дворянами серьезным образом влияли на ход конфликта в обществе, то есть на гражданскую войну.* От них серьезным образом зависели семейные отношения участников и участниц Фронды, выбор партий и их функционирование.

Глава 2. Дружба, верность, преданность: лояльность во время Фронды

Читая источники участников Фронды, часто встречаешь слова, выражающие дружбу и преданность. Чтобы лучше понять смысл, который в них вкладывали авторы XVII в., я обратилась к Словарю Академии издания 1694 г.⁴⁹⁶, где встречаются термины «дружба» (*amitié*) и «друг» (*ami*). В словарной статье утверждается, что дружба – это связь между равными, но в некоторых случаях она возможна и между людьми разного социального статуса: «Принц делает мне честь своей дружбой. Он дружит со своими слугами» (*Le Prince m'honore de son amitié. Il a beaucoup d'amitié pour ses domestiques*). Примерно в таких же контекстах термин употребляется в мемуарах участников гражданской войны. Например, Бюсси-Рабютен, уходя из партии принца Конде, пожаловался, что ее глава проявил к нему «мало дружбы»⁴⁹⁷, то есть недостаточно покровительствовал дворянину из его лагеря и клиентелы.

Слово «друг» в словаре обозначает человека, который испытывает привязанность к кому-то, того, кто готов оказывать всяческие «хорошие» услуги. В этом контексте просматриваются смысловые параллели между дружескими и патрон-клиентскими отношениями. Из этого следует, что «ami» в источниках XVII в. является важным маркером. В большинстве случаев мемуаристы называли так дворян, с которыми на тот момент у них совпадали цели и личные интересы. Я хочу изучить то, что мемуаристы называли «быть в добрых отношениях», «мои друзья», «проявить дружбу», «свои люди». Для краткости мне показалось возможным объединить эти понятия словом «лояльность», которое я употребляю в значении «корректное, благожелательное отношение к кому-либо, к чему-либо»⁴⁹⁸, преданность главе и участникам партии во время гражданской войны, активное участие в делах партии ради ее успеха.

⁴⁹⁶ Dictionnaire de l'Académie française. [Официальный сайт] URL: <https://dictionnaire-academie.fr/article/A1A0107-08> (Дата обращения: 7.01.2025); <https://dictionnaire-academie.fr/article/A1A0107-08> (Дата обращения: 7.01.2025).

⁴⁹⁷ Подробнее см. Главу 1, параграф 1.2 «Конфликты внутри партии». Bussy-Rabutin R. *Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin*. T.1. P., 1698. P. P. 239.

⁴⁹⁸ Большая советская энциклопедия. [Сайт] URL: <https://bse.slovaronline.com/16396-LOYALNOST> (Дата обращения: 7.01.2025).

Сложно говорить о лояльности во время Фронды, потому что дворяне часто меняли партии и покровителей в зависимости от того, могли ли они реализовать личные интересы в той или иной партии в конкретный момент гражданской войны. Читая мемуары участников событий в поисках проявлений дружбы, верности и преданности, я очень часто видела новые конфликты; свидетельств же лояльности встречалось существенно меньше. Это логично, ведь гражданская война состояла из множества конфликтов между участниками: от сражений между армиями Конде и Тюренна до покушения Ларошфуко на коадьютора. Также важно учитывать субъективность источников личного происхождения: мемуаристы были склонны писать апологии и объяснять свои действия как высшие проявления благородства и чести.

В данной главе я анализирую лояльность членов одной партии, а также проявления дружбы между участниками разных лагерей. Большое место в главе уделено исследованию лояльности мадемуазель де Монпансье партии Конде, потому что это один из ярких примеров преданности во время Фронды. Кроме «истинной дружбы» в источниках встречается также «ложная лояльность», достойная внимания исследователя. Имеются в виду ситуации, при которых один участник Фронды обманом пытался втереться в доверие к другому, чтобы извлечь из этого выгоды, например, получить сведения о положении дел в противоборствующем лагере или поссорить своих врагов по принципу «разделяй и властвуй».

2.1 Мазарини и Анна Австрийская: преданность на грани с любовью в лагере двора

Основными действующими лицами в партии мазаринистов были, естественно, сам кардинал и королева-мать. Современники и историки подозревали итальянца и испанку не только в неизменном политическом союзе, но и в любовной связи. Об их отношениях писали прямым текстом или многозначительно

упоминали многие авторы мемуаров. Де Рец даже посчитал нужным проанализировать события юности Анны Австрийской, ссылаясь на слова мадам де Шеврез, ее тогдашней наперсницы. Герцогиня замечала, что иногда королева держалась с кардиналом Мазарини почти так, как когда-то с Бекингом, но временами ей бросались в глаза приметы, которые бы означали только «близкую связь умов»⁴⁹⁹. Ларошфуко делал акцент на том, что королева «слишком горячо желала возвращения» Мазарини в Париж⁵⁰⁰. Когда парламентский советник Шатонеф⁵⁰¹, добившись назначения, попытался занять политическую нишу Мазарини рядом с Анной Австрийской, «первые же дни показали ему, что пристрастие, питаемое королевою к Кардиналу, вытеснить из ее души невозможно»⁵⁰². Мемуарист намеренно использовал неоднозначные речевые конструкции, чтобы не писать прямо об их связи, он дал читателю возможность самостоятельно сделать выводы.

Историки не пришли к однозначному «да» или «нет» по поводу отношений Анны Австрийской и Мазарини. Ф. Блюш и В.Н. Малов отрицают возможность любовных интриг между кардиналом и королевой. Есть большая вероятность, что слух про них пустили недоброжелатели-бунтовщики, чтобы оправдать желание изгнать Мазарини и самим управлять государством от имени короля⁵⁰³. Мысль о возможном морганатическом браке объяснялась тем, что министр-кардинал не проходил через ступени священства и не давал обета безбрачия. Есть также версия о «влюбленной дружбе»⁵⁰⁴ между ними, что напоминает отношение герцогини Монпансье к принцу Конде. Однако из статьи Клода Дюлона⁵⁰⁵, основанной на их слишком пылкой для «просто друзей» переписке, можно заключить, что любовные

⁴⁹⁹ Mémoires du cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz. Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. T. 3. 1876. P. 519.

⁵⁰⁰ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865. P. 352.

⁵⁰¹ Шарль де Лобепин Шатонеф (1580–1653) – маркиз, советник парижского парламента, хранитель печати.

⁵⁰² La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 357.

⁵⁰³ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 50.

⁵⁰⁴ Малов В.Н. Людовик XIV: опыт психологической характеристики // Новая и новейшая история. 1996. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/LOUIQUAT.HTM> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁰⁵ Dulong-Sainteny C. Les signes cryptiques dans la correspondance d'Anne d'Autriche avec Mazarin, contribution à l'emblématique du XVIIe siècle // Bibliothèque de l'École des chartes. 1982. T. 140.

отношения между министром и королевой все-таки были. В корреспонденции в период Фронды и после нее Анна Австрийская и Мазарини использовали особые символы, которые могли обезопасить информацию в случае перехвата курьеров. У противников партии двора не было доказательств тех нежностей, которыми обменивались Анна Австрийская и Мазарини, они знали наверняка, что происходил обмен только политическими сообщениями.

Не вызывает сомнений, что кардинал и королева были мощным политическим тандемом. Их полная лояльность по отношению друг к другу была одним из факторов, который поспособствовал укреплению лагеря двора и консолидации его действий. Де Рец отмечал, что королева безгранично ему доверяла и слушалась его советов: Мазарини было достаточно только подать королеве знак, чтобы она в одно мгновение сменила гнев на милость⁵⁰⁶. По сообщению Ларошфуко, когда кардинал пребывал в изгнании, Анна Австрийская во всем отдавала ему отчет, вела с ним постоянную переписку, не принимала без его ведома никаких решений⁵⁰⁷.

Фрондеры и кондеанцы справедливо полагали, что регентша не могла бы ловко ориентироваться среди опасностей гражданской войны, если бы не продолжала прислушиваться к советам своего изгнанного министра⁵⁰⁸. Анна Австрийская безоговорочно слушалась Мазарини в вопросах управления и политического маневрирования.

2.2 Лояльность в партии старой Фронды: друзья, спутники, соратники

Для анализа лояльности в кругу старых фрондеров я использую в качестве основного источника «Мемуары» их вождя – кардинала де Реца, так как он часто использует термины дружбы и пишет более подробно, чем Ги Жоли и в целом

⁵⁰⁶ Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 3. P. 161.

⁵⁰⁷ Ibid. P. 355.

⁵⁰⁸ Dulong-Sainteny C. Les signes cryptiques. P. 63.

другие авторы воспоминаний⁵⁰⁹. Обозначая лояльность во взаимоотношениях, мемуарист часто использует словосочетания, выражающие дружбу и преданность: «верные люди», «готов на все ради меня», «один из самых стойких и верных людей», «оказывала мне доверие», «(кому-либо) я обязан (чем-либо)», «я был в добрых отношениях с» и другие, употребляемые в том же контексте. Если в его тексте действующее лицо названо «ami»⁵¹⁰, скорее всего, этот человек помог ему важным предупреждением, деньгами, оружием или как-либо поспособствовал достижению его целей. Например, как о друге и благородном человеке де Рец пишет об О. Талоне из лагеря мазаринистов: «защищая интересы партии, мне враждебной, (он) был столь благороден и честен, что предупредил меня о готовящемся покушении»⁵¹¹. «Другом» коадьютор называет также маршала де Тюренна, хотя тот был в лагере принцев, а затем двора. В «Мемуарах» есть рассказ о том, как Де Рец за спиной герцога Орлеанского помог де Тюренну избежать ареста⁵¹².

«Другом» де Рец называет маркиза де Саблоньера, который пришел к нему рассказать, что некий Гула после беседы с Месье направился к Шавиньи⁵¹³ «с самым довольным видом»⁵¹⁴. Это могло означать, что Месье вел тайные переговоры с двором: выше Гонди написал, что Гастон Орлеанский долго беседовал с мазаринистом маршалом де Грамоном. Участникам Фронды было важно знать как можно больше о противниках, и даже такое проявление аффектов, как «довольный вид», могло послужить важной информацией для выстраивания

⁵⁰⁹ Например, де Рец пишет намного подробнее, чем де Ларошфуко. В предыдущей главе я искала одни и те же события, в которых участвовали они оба: у первого рассказ каждый раз был значительно детальнее, а второй был склонен к более кратким упоминаниям.

⁵¹⁰ Друг (франц.)

⁵¹¹ Имеется в виду план похищения коадьютора по заказу Ларошфуко. Подробнее о нем см. в Главе 1 и ниже. Cardinal de Retz. Oeuvres. Т. 4. Р. 35.

⁵¹² Кардинал де Рец, обычно язвительный и злой, с большим уважением пишет о братьях герцоге де Буйоне и виконте де Тюренне. Гастон Орлеанский, предупрежденный о том, что братья намерены перейти на службу к королю, объявил Гонди о своем намерении дать приказ капитану своей гвардии виконту д'Отелю арестовать их. Кoadьютор успел вовремя предупредить своих приятелей, и они скрылись. Cardinal de Retz. Oeuvres. Т. 4. Р. 23-25. Примечательно, что ни он сам, ни Месье, которому Гонди почти сразу все рассказал, не воспринял этот поступок как предательство. Де Рец с радостью отмечает: «это приключение не повредило, как вы понимаете, укреплению старой дружбы, существовавшей между мной и г-ном де Тюренном». Cardinal de Retz. Oeuvres. Т. 4. Р. 28.

⁵¹³ Шавиньи Леон Бутийе (1608–1652) – граф де Шавиньи и Бюзансе, член регентского совета, установленного согласно завещанию Людовика XIII, государственный советник по иностранным делам. Де Рец пишет, что Шавиньи был любимцем и, как говорили, сыном кардинала де Ришелье.

⁵¹⁴ Cardinal de Retz. Oeuvres. Т. 3 Р. 298–299.

политических стратегий, поэтому де Рец оценил эту услугу. Мемуарист понял, что «не без основания боялся слабодушия Месье»: в ту же минуту принесли записку от герцогини Орлеанской, которая просила держаться начеку; она боялась, что Месье, «запуганный угрозами», предаст его⁵¹⁵. Чтобы обезопасить себя, Гонди под предлогом исполнения церковных обязанностей «умолил» герцога Орлеанского позволить удалиться в монастырь Богоматери, окружив себя внушительным эскортом из офицеров, а также полковников и капитанов городской милиции. Де Рец «залег на дно», «не подавая по наружности повода хоть сколько-нибудь подозревать (его) в интригах», при этом он имел информаторов и поддерживал связь с Месье⁵¹⁶.

Если вернуться к истории с покушением Ларошфуко на коадьютора, можно отметить, что именно те люди, кого Рец называл «друзьями», бросились к нему на помощь, открыли створки дверей и спасли его. Примечательно, что за де Реца вступились не только фрондеры, но и некий Кренан – «старинный друг», как называет его автор. Судя по всему, Кренан принадлежал к лагерю принцев, потому что он командовал ротой тяжелой конницы принца де Конти, то есть, вероятно, был в одной партии с нападавшим на Гонди Ларошфуко. Это не помешало ему сохранять дружеские отношения с ярким представителем противоборствующей партии: «Что мы делаем? По нашей вине сейчас зарежут Его Высочество принца де Конде и коадьютора. Срам тому, кто не вложит шпагу в ножны!»⁵¹⁷.

Преданные коадьютору фрондеры были готовы помочь ему как оружием, так и деньгами. Де Рец рассказывает, что, когда ему нужно было призвать из провинции верных людей, у герцога де Бофора не было ни гроша, но зато Лозьер смог достать три тысячи пистолей, покрывшие все расходы. Прибывшие дворяне проявили по отношению к коадьютору полную лояльность, которая заставила его восхититься: «...все они отказались принять от меня хотя бы су, не позволили мне расплатиться за них с хозяевами гостиниц и <...> не отходили от меня ни на шаг,

⁵¹⁵ Ibid. P. 299.

⁵¹⁶ Ibid. P. 303–305.

⁵¹⁷ Ibid. P. 496.

оберегая мою особу с таким постоянством и преданностью, словно были моими телохранителями. <...> Они готовы были на все ради Аннери, а Аннери, один из самых стойких и верных людей на свете, готов был на все ради меня»⁵¹⁸. Возможно, автор намеренно сделал акцент на бескорыстии лояльных ему людей, чтобы создать выгодный контраст: изобразил «благородных» фрондеров на фоне «алчных» и «меркантильных» кондеанцев, следующих за принцем ради выгод.

В «Мемуарах» де Реца приведен эпизод, на примере которого можно проследить установление лояльности во взаимоотношениях аристократов. Связан этот процесс со сближением их интересов, и поэтому, что логично, они могли стать действующими лицами одного политического лагеря. Кoadьютор описал переговоры с принцессой Пфальцской, во время которых обе стороны раскрыли свои карты: «Я напрямик сказал ей, что мы опасаемся, как бы сторонники принцев не выдали нас кардиналу, чтобы принудить его договориться с ними. Она честно призналась мне, что сторонники принцев боятся, как бы мы не выдали их кардиналу, чтобы побудить его заключить соглашение с нами. <...> Мы приступили к подробностям, я сообщил ей о своих планах, она открыла мне свои – совещание наше продолжалось два часа, мы обо всем согласились. <...> “Я вижу, – заметила она под конец, – мы вскоре окажемся в одной партии, а может статься, это уже случилось” (курсив мой – С.М.)».⁵¹⁹ Принцесса Пфальцская и Гонди проявили друг к другу большое доверие: они поделились планами партий и зашифрованными документами, а также составили памятку для совместных действий. Де Рец даже намекает на возможную связь между ними⁵²⁰. Если бы на тот момент один из них предал другого, это могло бы ударить не только по их личным позициям, но и по положению кондеанцев или фрондеров.

Новая дружба между участниками Фронды укрепились взаимными услугами: принцесса попросила поддержать назначение ее ставленника Ла Вьевиля, а коадьютор – поспособствовать получению кардинальской шапки. Оба сдержали

⁵¹⁸ Ibid. Т. 2. Р. 592.

⁵¹⁹ Ibid. Т. 3 Р. 176.

⁵²⁰ Выйдя от Месьё, я отправился к принцессе Пфальцской, от которой ушел только на рассвете (курсив мой – С.М.). Cardinal de Retz. Oeuvres. Т. 3. Р. 322.

слово, укрепив этим лояльность в отношениях и личные позиции. Де Рец утверждает, что кардинальской шапкой он обязан именно принцессе Пфальцской. Двор множество раз обещал ему должность, но принцесса смогла воплотить обещание в жизнь: «...она повела такую искусную игру с Мазарини, что ему, несмотря на все его злокозненные планы, пришлось под конец смириться с тем, что шапка эта увенчала мою голову»⁵²¹. Это был не первый раз, когда фрондер получил важное религиозное назначение благодаря лояльности могущественных друзей. Лозьер, упомянутый выше в связи с поиском денег, помог Гонди с оплатой папской буллы при назначении его коадьютором⁵²².

Говоря о лояльности, важно упомянуть отношения Гастона Орлеанского и коадьютора. Если герцога де Ларошфуко фрондеры называли «оракулом» принца Конде, то Гонди был таким «политическим консультантом» для Месье. Современники отмечали, что де Рец руководил герцогом Орлеанским. Мадам де Мотвиль сетовала: Месье, которому «Бог дал ум и способность мыслить здраво», не верил сам себе, и поэтому «подчинял свои интересы, свои мысли и свои суждения страстям тех, чьим советам он хотел верить»⁵²³. Мотвиль считала, что коадьютор просто использовал его для получения кардинальской шапки, а Герцог Орлеанский, «позволив так легко себя вести, лишил себя всех преимуществ, на которые он мог бы законно претендовать; и невозможно не удивляться его слепоте»⁵²⁴. Приведу другой пример. Летом 1651 г., когда Конде понял, что настроил против себя королеву непримиримым отношением к Мазарини, он не мог рассчитывать на Месье: «Дружба герцога Орлеанского представлялась ему весьма непрочной и ненадежной опорой, едва ли способной поддержать его в столь трудные времена, и он отнюдь не был уверен, что она надолго останется искренней, поскольку герцог всегда находился под очень сильным влиянием Кoadьютора (*курсив мой – С.М.*)⁵²⁵», – отметил Ларошфуко.

⁵²¹ Ibid. Т. 3. Р. 323.

⁵²² Ibid. Т. 2. Р. 591–592.

⁵²³ Madame de Motteville. Anne d'Autriche et la Fronde: d'après les Mémoires de madame de Motteville / texte établi par Henry Chapoy. P., 1882. P. 378.

⁵²⁴ Ibidem.

⁵²⁵ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 375–376.

По сообщению мадемуазель де Монпансье, ее отец метался между Конде и коадьютором во время многих важных событий гражданской войны, требовавших от него встать на ту или иную сторону. Подобная ситуация сложилась, когда Гастон Орлеанский обдумывал поездку в Орлеан. Этот вояж Месье в фамильные земли был выгодным для принца, потому что в противном случае город могли бы подчинить мазаринисты. Кoadьютор же и его друзья «находили поездку странной»⁵²⁶. «...Месье, взяв на себя обязательство отправиться в это путешествие, на которое кардинал де Рец никогда не согласится, мог теперь отказаться от него, только отправив меня туда (*курсив мой – С.М.*)», – сделала вывод Мадемуазель⁵²⁷. В итоге она действительно отправилась в Орлеан, и это было ее важным шагом по направлению к партии кондеанцев, а Месье послушался де Реца и остался. Того же «политического консультанта» герцогиня косвенно обвиняет в том, что Гастон Орлеанский не стал активно помогать Конде во время битвы при Сент-Антуанском предместье: «Мне было очень грустно и досадно видеть радость людей Месье, надеющихся на поражение Принца. Они говорили, что в подобных обстоятельствах каждый спасается как может. С ними были солидарны друзья кардинала де Реца»⁵²⁸; «друзья кардинала де Реца помешали ему сделать то, что он желал (*в отношении принца Конде – С.М.*)»⁵²⁹. Из «Мемуаров» Мадемуазель следует, что нерешительность в поведении ее отца объяснялась негативным влиянием коадьютора, который помешал Месье быть последовательным в лояльности принцу.

Кoadьютор упоминал их частые встречи, переговоры, секреты, совместное выстраивание политических планов и лавирование между принцами и двором. К примеру, перед визитом в парламент герцог Орлеанский собрал у себя фрондеров де Бофора, Ле Телье и де Реца, чтобы попросить их совета о том, «какого поведения ему следует держаться»⁵³⁰. Лишь изредка Месье доверял кому-либо больше, чем

⁵²⁶ Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. P. 349.

⁵²⁷ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 344.

⁵²⁸ Ibid. P. 92.

⁵²⁹ Ibid. P. 107.

⁵³⁰ «Вечером у герцога Орлеанского разыгралась сцена, заслуживающая вашего внимания. Он созвал нас – хранителя печати, Ле Телье, де Бофора и меня, чтобы узнать наше мнение о том, какого поведения ему следует держаться наутро в парламенте. Хранитель печати сразу и не колеблясь объявил, что Его Королевскому

своему «оракулу». С нотками обиды де Рец пишет, что Месье открыл жене подробности переговоров с принцем, которые он утаил от него⁵³¹. По тону мемуариста можно сделать вывод, что такое поведение было для Месье нетипичным.

2.3 Покровительство принца Конде членам семьи и клиентелы

Партия принца Конде была очень могущественной. Кроме его родственников и привлекательных женщин⁵³² она насчитывала большое количество родовитых и влиятельных аристократов, а также военных. Мощный «боевой» потенциал отличал кондеанцев от старых фрондеров⁵³³, поэтому Фронда принцев сопровождалась настоящей войной, в которой были убитые и раненые. И Бюсси-Рабютен, и Ларошфуко, мемуары которых послужили источниками для исследования, были кондеанцами из армии⁵³⁴.

Конечно, подобный состав партии не был случайностью. В клиентеле такого выдающегося полководца, как Великий Конде, были военные, и они органично встраивались в его партию и в его кампании. Монпансье с восторгом отзывалась об его армии: «Французские войска Принца состояли из элитных людей, среди которых не было ни одного недостойного», «мои люди совершали опаснейшие вылазки и вызывали уважение у врагов», «в похвалу нашим офицерам можно сказать, что таких храбрецов не было никогда»⁵³⁵. В его армии были также

Высочеству вообще не должно являться на ассамблею и следует запретить ее, а уж если явиться, оставаться недолго и, начертав палатам свои намерения, тотчас удалиться, если он встретит хоть сколько-нибудь противодействия. Предложение это, которое, будь оно принято, менее чем за четверть часа склонило бы всю корпорацию в пользу принцев, никем не было поддержано; горячо возражали против него, однако, лишь мы с гном де Бофором, ибо Ле Телье, который не хуже нас видел всю его несообразность, не пожелал решительно ему воспротивиться, во-первых, с целью подогреть спор между мною и хранителем печати, ибо он весьма рад был нас поссорить; во-вторых, чтобы выслужиться перед Мазарини, показав Кардиналу, что из желания ему угодить он поддерживает самые крутые меры». Перевод по изданию: Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 271.

⁵³¹ Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 3. P. 413.

⁵³² Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. T. 2. P., 1858. P. 71–72.

⁵³³ Парижский парламент, советник де Бруссель, кардинал де Рец, мадам де Шеврез и др.

⁵³⁴ Ларошфуко все время Фронды был в лагере Конде, Бюсси-Рабютен – небольшой период во время Фронды принцев (1650–1653 гг.).

⁵³⁵ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 70–71.

ирландцы⁵³⁶ и испанцы⁵³⁷, так как принц договорился с представителями иностранных государств о помощи в ведении войны против мазаринистов. Мадемуазель гордилась тем, что испанцы из армии Конде питали к ней глубокое уважение⁵³⁸.

По сообщениям из «Мемуаров» графа де Бюсси и герцога де Ларошфуко, основу партии принца де Конде составляли его самые близкие родственники: брат – принц де Конти, сестра – герцогиня де Лонгвиль, муж сестры – герцог де Лонгвиль. Лояльность проявлялась, к примеру, в том, что госпожа де Лонгвиль возмущалась из-за негативного отношения Мазарини к ее брату и сопровождала Конде в поездках⁵³⁹. По этой причине к ней часто обращались, если хотели «подружиться» с принцем крови.

Дворян привлекали выгоды и привилегии, которые можно было получить от принца. У Конде было множество родственников и зависимых от него клиентов, которые налаживали отношения друг с другом, совместно добивались выгод и поставленных целей, а также поддерживали своего покровителя. Будучи патроном, Людовик де Бурбон нес ответственность перед клиентами, но, если он их разочаровывал, они могли заинтересоваться выгодными предложениями Мазарини и Анны Австрийской. Недовольные принцем дворяне могли отречься от него и вступить в другие партии, используя ценную информацию о его партии. К примеру, маршал де Тюренн в начале Фронды выступал против Мазарини, затем поддержал Конде, а в итоге перешел на сторону двора после выхода принца из заключения⁵⁴⁰ и одержал победу над объединенным войском кондеанцев и испанцев. Похожим образом поступил брат виконта де Тюренна герцог де Буйон из-за разногласий с патроном: «Г-н Принц, со своей стороны, должен был принять не меньшие меры предосторожности, так как слухи о его договоре (*с королевой – С.М.*) убедили его

⁵³⁶ Ibid. P. 79.

⁵³⁷ Ibid. P. 85.

⁵³⁸ Ibidem.

⁵³⁹ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 226–228.

⁵⁴⁰ «Г-н де Тюренн, напротив, полностью отмежевался от партии Принца, как только тот вышел из заключения, и даже не знал, судя по его позднейшим высказываниям, ни о соглашениях, ни об обязательствах своего брата, герцога Буйонского». La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 390. Речь идет о событиях февраля–августа 1651 г.

друзей, что *он сделал это без их участия (курсив мой – С.М.)*, и послужили бы справедливым предлогом для герцога де Буйона и г-на де Тюренна оставить свои интересы (*в его партии – С.М.*)⁵⁴¹», то есть покинуть лагерь принца. Гонди напрасно тратил свой дар убеждения, чтобы «завербовать» влиятельных братьев для поддержки Гастона Орлеанского: оба бывших кондеанца перешли на сторону двора⁵⁴². Другой пример: Бюсси-Рабютен был уязвлен тем, что принц заставил его невыгодно продать должность⁵⁴³, примкнул ко двору и сыграл важную роль в осаде кондеанского Монрона. Если среди дворян-клиентов, или, что еще хуже, в «близком кругу» начиналась буря, от этого страдали и сам Конде, и его партия⁵⁴⁴. Сестра и брат, а также их окружение могли начать действовать только в личных интересах и враждовать с Конде или друг с другом, что дестабилизировало партию, давая мазаринистам сделать несколько дополнительных «ходов».

Поэтому принцу было выгодно находить выходы из спорных ситуаций и поддерживать мир с могущественными родственниками. Так, одним из первых шагов принца после восстановления мира в семье был жесткий разговор с Мазарини. Принц «обрушился» на кардинала за то, что вопреки данному слову тот отказал мужу сестры принца в важном назначении: «Принц дал ему <...> (*кардиналу Мазарини – С.М.*) поводы для беспокойства, пригрозив присоединиться к фрондерам, чтобы погубить его, в связи с отказом отдать, согласно обещанию, Пон-де-Ларш господину де Лонгвилю»⁵⁴⁵. Ги Жоли упоминает, что выпад принца против министра обосновывался и другими причинами⁵⁴⁶, однако про их конфликт речь в других главах исследования.

⁵⁴¹ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 354.

⁵⁴² Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 4. P. 23–25.

⁵⁴³ Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. T.1. P., 1698. P. 255. Подробнее см. Главу 1 «Конфликты французских дворян во время Фронды: личные отношения и политика», § 1.2 «Конфликты внутри партии».

⁵⁴⁴ Подробнее см. Главу 1 «Конфликты французских дворян во время Фронды: личные отношения и политика», § 1.3 «Конфликты между родственниками».

⁵⁴⁵ Joly G. Mémoires // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. T. 3, P., 1838. P. 25.

⁵⁴⁶ «Эта причина была, по правде говоря, только предлогом, ибо у принца были другие личные и более существенные причины жаловаться на этого министра, о которых он не мог сказать. Его не удовлетворил союз, который кардинал хотел заключить с Вандомским домом, отдав одну из своих племянниц г-ну де Меркеру; он был справедливо возмущен тем, что, заставив его надеяться на то, что Ле Буа рассмотрит договор с княжеством Монбельяр, чтобы отдать его ему, и направив явным образом Эрварта для переговоров по этому делу, он, тем не менее, отдал ему тайный приказ ничего не заключать. В конце концов, он каждый день чувствовал, что этот

Так как временный разрыв с семьей причинил принцу урон, он постарался примириться с родственниками и их окружением и возобновить покровительство над ними. Это означало расширение клиентелы и в дальнейшем партии принца. К примеру, возобновление отношений Конде с сестрой привело также к активному «подключению» к делам партии ее любовника, герцога де Ларошфуко (*до смерти отца он носил титул принц Марсийяк – С.М.*), который был верен принцу до конца гражданской войны. Для фамилии Ларошфуко принц добился тех же привилегий высокого положения, какие были дарованы Роганам, Фуа и Люксембургам. Речь идет о луврских привилегиях, которые распространялись на принцев крови, герцогов, пэров Франции. Они предполагали право въезжать в карете во двор Лувра и право табурета (разрешение дамам сидеть в присутствии короля). Луврские привилегии при Старом порядке распространялись на принцев крови, пэров Франции и герцогов. На тот момент принц Марсийяк не имел права на них претендовать, поскольку его отец, герцог де Ларошфуко, еще был в добром здравии. Автор знаменитых «Максим» в ответ доказал главе партии свою лояльность. Де Рец отмечал, что Ларошфуко всегда сопровождал Конде в поездках и был постоянным членом его внушительной свиты⁵⁴⁷. Само присутствие дворянина в окружении главы партии могло быть наглядной демонстрацией лояльности. Ги Жоли утверждал, что в 1652 г. принц заключил тайное соглашение с Мазарини о его возвращении, и во время переговоров большую роль играла борьба за улучшение положения значимых кондеанцев. Согласно памфлету Жоли, Конде был готов негласно согласиться с возвратом кардинала в «обмен» на привилегии важным участникам своей партии: «Его Высочество предоставит принцу Конти привилегии правительства Прованса, генерал-лейтенанта Гиени – господину де Немуру, маршальский жезл – Марсену, сто тысяч экю – Ларошфуко»⁵⁴⁸.

служитель тайно ссорится с ним на всех собраниях, хотя проявляет к нему особое внимание (*курсив мой – С.М.*)». Joly G. Mémoires. P. 25.

⁵⁴⁷ «...принц де Конде встретился с Королем на прогулке, и Принца сопровождала свита, никак не меньшая, чем у Короля, словом, Месье испугался...». Перевод по изданию: Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 356.

⁵⁴⁸ Première partie des intrigues de la paix et les négociations faites à la Cour par les amis de Monsieur le Prince, depuis sa retraite en Guyenne jusques à présent. [Joly G.], [S. l.], 1652. P. 6.

2.4 Герцогиня де Монпансье и принц де Конде: редкий пример верности

Самым ярким примером полной лояльности и преданности во время Фронды была Старшая Мадемуазель. Привлеченная отцом, она всю Фронду принцев была в лагере Конде, не переходила из партии в партию и не последовала за Гастоном Орлеанским, когда он вернулся ко двору. Важно отметить, что она была богатой наследницей своей матери, поэтому у нее, судя по всему, не было финансовых интересов, побудивших участвовать в делах партии Конде. Также она могла позволить себе действовать независимо, что привело к конфликту с отцом и с двором. Мадам де Мотвиль писала о ней как о человеке «с характером»: «королева немного побаивалась ее темперамента, который был слишком чувствителен к тому, что могло бы ей не понравиться»⁵⁴⁹.

Важно отметить, что в начале Фронды Мадемуазель не была в «доброй дружбе» с принцем. Более того, согласно ее «Мемуарам», их отношения эволюционировали от ненависти к согласию. Монпансье сделала акцент на умении владеть собой, чтобы стать верной союзницей Конде, когда ей это понадобилось⁵⁵⁰. Объяснение Мадемуазель и принца произошло после его выхода из заключения. Освобождение принцев 13 февраля 1651 г. было для Монпансье «вдвойне радостной новостью»⁵⁵¹, что подтверждает и де Рец. По его словам, герцогиня «с неописанной пылкостью ратовала за освобождение принца де Конде»⁵⁵². Во время их разговора произошло искреннее объяснение, в ходе которого оба рассказали, что ранее взаимно испытывали далеко не самые теплые чувства. Мемуаристка пишет: «Когда комплименты закончились, мы исповедовались в неприязни, которую испытывали друг к другу: он признался мне, что радовался, когда я заболела оспой,

⁵⁴⁹ Madame de Motteville. Anne d'Autriche et la Fronde: d'après les Mémoires de madame de Motteville / texte établi par Henry Chapoy. P., 1882. P. 379.

⁵⁵⁰ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 302.

⁵⁵¹ В январе 1650 г. по приказу двора были арестованы принцы де Конде, де Конти и герцог де Лонгвиль. Фронда принцев началась при деятельном участии герцогини де Лонгвиль, которая сбежала из столицы в Руан и стала активно искать союзников в провинциях для освобождения братьев и мужа.

⁵⁵² Cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz / Éd. A. Feillet, J. Gourdault et R. de Chantelauze. Grands écrivains de la France. P., Hachette. 1870–1920. P. 299.

страстно желал, чтобы на мне была отмечена эта оспа, чтобы какое-нибудь уродство осталось, и чтобы к той ненависти, которую он питал ко мне, наконец, ничего нельзя было прибавить. Я сказала ему, что никогда не испытывала такой радости, как когда он оказался в тюрьме; что мне очень хотелось, чтобы это произошло, и что я могла думать о нем только для того, чтобы желать ему зла» (*курсив мой – С.М.*)⁵⁵³.

Неясно, почему отношения этих двух значимых участников Фронды столь сильно изменились. Причиной перемены такого рода могли стать политический расчет, влияние отца или эмоции. Возможно, Монпансье была влюблена в Конде⁵⁵⁴. Этим могли объясняться и переходы от ненависти к любви, и радость по поводу освобождения принца из заключения, и верность мемуаристки партии кондеанцев. Собственно говоря, увлечение победителем при Рокруа⁵⁵⁵ могло стать одной из причин ее участия во Фронде. Анализируя ее воспоминания, замечаешь намеки в многочисленных упоминаниях Конде. Например, когда жена принца, Клер-Клеманс де Майе-Брезе, к слову сказать, тоже кондеанка и некоторое время его «наместница» в Бордо⁵⁵⁶, сильно заболела⁵⁵⁷, Мадемуазель стала рассуждать о браке с Конде в случае ее смерти⁵⁵⁸. Однако Монпансье «охотилась» за многими женихами, в том числе имела планы даже на Людовика XIV⁵⁵⁹, поэтому ее «проекты» не обязательно были проявлением теплых чувств. Судя по всему, если любовь и была, она осталась невзаимной, потому что у Конде в это время была другая возлюбленная, герцогиня де Шатийон⁵⁶⁰.

Если Старшая Мадемуазель включилась во Фронду не ради денег и интриг для реализации личных интересов, то какие у нее могли быть цели? Мемуаристка отличается от других участниц событий постоянством по отношению к партии Конде. Как показывают «Мемуары», ее политические амбиции, желание быть в

⁵⁵³ Ibid. P. 303–304.

⁵⁵⁴ Lorris P.-G. La Fronde, Paris: Michel, 1961. P. 303.

⁵⁵⁵ 19 мая 1643 принц Конде одержал знаковую победу над испанцами при Рокруа во время Тридцатилетней войны.

⁵⁵⁶ Constant J.-M. C'était la Fronde. P., 2016. P. 107–108

⁵⁵⁷ У нее была рожа на голове – тяжелое инфекционное заболевание.

⁵⁵⁸ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 308.

⁵⁵⁹ Ibidem.

⁵⁶⁰ Constant J.-M. C'était la Fronde. P. 116.

центре событий и управлять партией и армией от имени Конде, сделать нечто важное для себя и для страны могли быть причинами ее участия во Фронде и лояльности принцу. Понимая, что в его партии она реализует свои цели, она не стремилась из нее уходить. Также совершенно очевидно, что Монпансье хотела обособиться от Гастона Орлеанского. В воспоминаниях заметна холодность, с которой она писала о повелениях отца и о том, как неохотно она их исполняла. Еще до того, как Мадемуазель включилась во Фронду, она избегала и игнорировала многие просьбы Гастона Орлеанского, а также показывала обособленность от придворного общества. Например, в 1650 г., до того, как Монпансье стала кондеанкой, она отказывалась путешествовать вместе с двором и симулировала болезнь, что однозначно воспринималось как проявление несогласия с политикой двора⁵⁶¹.

Сложно найти конкретный момент, в который ее точно можно назвать кондеанкой. По моим предположениям, это произошло в период после назначения де Реца кардиналом, то есть с февраля 1652 г. до ее отправления в Орлеан в марте того же года. Назначение Гонди я считаю верхней датой, потому что с этого момента заметно сочувствие Мадемуазель к делам принцев и несогласие с де Рецем⁵⁶², а поездка в семейные земли была уже «кондеанским» мероприятием. Герцогиня пишет, что друзья кардинала де Реца находили эту поездку странной, в то время как принц «был просто счастлив»⁵⁶³. Отправление в Орлеан было выгодно принцу Конде, обосновавшемуся в Бордо, потому что этот город, относящийся к уделу Гастона Орлеанского, мог в противном случае попасть в руки мазаринистов. В то время он имел важное экономическое и стратегическое значение⁵⁶⁴.

Далее мадемуазель де Монпансье часто с восхищением упоминала Конде в «Мемуарах». Вторым по хронологии, но не по значимости проявлением ее героической преданности принцу было участие в битве при Сент-Антуанском

⁵⁶¹ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 245.

⁵⁶² Мадемуазель пишет, что «новое достоинство», то есть кардинальская шапка, дало де Рецу возможность в большей степени «проявлять ненависть к господину Принцу». Montpensier A.-M. Mémoires. P. 339.

⁵⁶³ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 348.

⁵⁶⁴ Constant J.-M. C'était la Fronde. P. 94–95.

предместье Парижа 2 июля 1652 г. В этом бою встретились королевская армия маршала де Тюренна и войско мятежного Конде с иностранными наемниками. Принцесса, конечно, не сражалась со шпагой в руке, но из-за ее высокого авторитета в глазах военных она координировала действия армии кондеанцев, искала подкрепление, посылала к Конде со срочными известиями о ходе битвы, обеспечивала пути к отступлению, отдавала приказы стрелять и т.д.

Для начала она решила заручиться поддержкой отца, но Гастон Орлеанский летом 1652 г. стал отходить от Фронды ко двору. Его излюбленной манерой было ответить отговоркой и «залечь на дно», и когда дочь пришла к нему в Люксембургский дворец, герцог Орлеанский был еще в постели. В ответ на просьбы сесть на лошадь и мчаться на помощь принцу Месье ответил замечательной фразой: «Я не настолько плохо себя чувствую, чтобы оставаться в постели, но и не настолько хорошо, чтобы выходить на улицу»⁵⁶⁵. Мадемуазель старалась убедить его доводами, потом пустила в ход женские хитрости, но все было тщетно: «Я ничего не смогла с ним сделать. Мои слезы столь же мало подействовали на него, как и мои слова»⁵⁶⁶. Осознав, что придется принимать решения самостоятельно, герцогиня оставила отца в покое; как она считала, «нужно либо действовать, либо притвориться больным»⁵⁶⁷. Аристократы иногда симулировали болезнь, если не были согласны с происходящими на политической арене событиями, требующими их участия. Гастон Орлеанский перестал быть полностью лояльным принцу, но и на тот момент остерегался полностью потерять с ним связи.

Лояльность Мадемуазель Конде в событиях 2 июля 1652 г. заметна почти в каждом упоминании о нем в «Мемуарах». К примеру, так она закончила разговор с маршалом Лопиталем и другими участниками партии: «Но подумайте, господа, пока мы забавляемся разговорами о пустых вещах, Принц находится на краю

⁵⁶⁵ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 91.

⁵⁶⁶ Ibidem.

⁵⁶⁷ Ibidem.

гибели. Каким позором покроется Париж, если не поможет ему. Придите же к нему на выручку как можно скорее!» (курсив мой – С.М.)⁵⁶⁸.

Немаловажно, что Монпансье поддерживала принца не только словами, но и конструктивными действиями. Поскольку Месье отстранился от участия в этой кампании, Мадемуазель как представительница семьи посчитала себя обязанной заменить его. Принц отправил к герцогу Орлеанскому маркиза де Жарзе⁵⁶⁹ с просьбой провести в город войска, стоящие в Пуасси и ждущие у ворот Сент-Оноре, а также открыть ворота⁵⁷⁰. Мемуаристка не стала больше обращаться к отцу и начала действовать вместо него: она отправилась в Ратушу и получила там разрешение на въезд войск Конде в Париж, сразу известила его об этом и послала маркиза де Ла Булая к воротам Сент-Оноре, чтобы впустить войска, которые приедут из Пуасси⁵⁷¹.

Монпансье лично участвовала в событиях, неустанно помогала войскам при отступлении, контролировала их, чтобы спасти жизнь солдатам: «Это заставило меня беспокоиться, почему им потребовалось так много времени, чтобы пройти; я послала графа де Олака, пришедшего ко мне, поторопить их; и когда они все прошли, я отправилась на некоторое время отдохнуть в отель Шавиньи»⁵⁷². Она воспринимала эту битву как свое личное дело, за которое болела душой. Во время сражения принцесса проявила немалые самоотдачу и мужество. Мадемуазель ходила по улицам и помогала пострадавшим кондеанцам: к примеру, она нашла раненого Ларошфуко⁵⁷³, а также Гито, упомянутого в связи с конфликтом с Бюсси-Рабютеном⁵⁷⁴.

⁵⁶⁸ Ibid. P. 95–96.

⁵⁶⁹ Рене дю Плесси де Ларош-Пишемер Жарзе (ум. 1672) – маркиз, капитан гвардейцев короля, убежденный мазаринист.

⁵⁷⁰ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 92–93.

⁵⁷¹ Ibid. P. 96.

⁵⁷² Ibid. P. 112.

⁵⁷³ На улице де ла Тикселандери Мадемуазель увидела «наиужаснейший спектакль, который только можно лицезреть» – это был герцог де Ларошфуко, который получил ранение мушкетом в лицо; пуля прошла между носом и глазом, все лицо было в крови, оба глаза были повреждены. Его сын вел его за одну руку, де Гурвиль за другую. «...он мог только слушать, а не отвечать». Montpensier A.-M. Mémoires. P. 97.

⁵⁷⁴ На улице Сент-Антуан Мадемуазель встретила Гито на лошади; он был мертвенно бледным, без шляпы, с расстегнутыми пуговицами. Какой-то человек помогал ему, потому что он не мог самостоятельно удержаться в седле. Она крикнула ему: «Ты умираешь?» В ответ он отрицательно покачал головой. Он получил ранение мушкетом в туловище. Montpensier A.-M. Mémoires. P. 97

Герцогиня проявила даже больше присутствия духа, чем принц Конде. По ее словам, он «был в жалком положении»: «все лицо в пыли, волосы растрепаны; его воротник и рубашка были все в крови, хотя он не был ранен; его кираса была все во вмятинах, и он держал шпагу в руках, потому что потерял ножны <...> он бросился в кресло, плача и говоря мне: “Простите мою скорбь”». Мемуаристка приводит его слова, в которых можно заподозрить малодушие: «Вы видите человека в отчаянии; я потерял всех своих друзей: господ де Немур, Ларошфуко и Кланшо смертельно ранены». В ответе Монпансье заметна вера в лучший исход событий: «Я уверяла его, что им всем трем гораздо лучше, и что хирурги не считают их опасно ранеными...»⁵⁷⁵. Принцесса говорила так не просто для ободрения главы партии, ведь она лично осматривала раненых и имела представление о реальном положении вещей. Конечно, авторы мемуаров в целом склонны преувеличивать собственные поступки и показывать автопортрет с лучшей стороны. Читая фрагменты воспоминаний фрондерки, представляешь героиню приключенческого романа: верную своему слову, мужественную, деятельную, мудрую и смелую. Сложно сказать, действительно ли победитель при Рокруа плакал перед Мадемуазель, но этот росчерк ее пера однозначно показывает лояльность по отношению к Конде и его предприятиям.

Важно отметить, что благодаря преданности и личному участию в делах партии Монпансье имела большой авторитет в глазах военных Конде. Она без лишней скромности подчеркивала это в «Мемуарах»: «...я хорошо знала, что все офицеры будут рады меня видеть...»; «Как только они узнали, что я у ворот, они что есть духу закричали от радости...»; «Мы выпили за ваше здоровье, вы – наша освободительница»⁵⁷⁶. Принцесса неоднократно упоминала, что знала многих офицеров по именам, разговаривала с военными, отправляла им вино, а они отвечали ей симпатией.

Вследствие этого и высокого положения внучки Генриха IV, все полковники во время битвы при Сент-Антуане слушались ее приказов и передавали их

⁵⁷⁵ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 99.

⁵⁷⁶ Ibid. P. 110.

солдатам, как если бы их отдавал командир. К примеру, она лично командовала четырьмястами мушкетерами, которые были ей предоставлены в качестве резерва для отправки к принцу: одну половину из них она отправила на бульвар Сент-Антуанских ворот, а другую – к Арсеналу. У второй части ее «войска» возникли проблемы с проходом из-за людей великого магистра артиллерии⁵⁷⁷, поэтому ей пришлось посылать туда дважды⁵⁷⁸. Мемуаристке это напомнило ее более ранние «подвиги во имя принца Конде»: «Мне казалось, что я снова в Орлеане, я командую и вижу, что меня слушаются»⁵⁷⁹.

Хорошие отношения с военными дали принцессе возможность поучаствовать в битве при Сент-Антуанском предместье и стать одной из наиболее ярких звезд гражданской войны. Выстрелы из пушек Бастилии по королевской армии были одним из важных событий Фронды и биографии Мадемуазель. С одной стороны, это было ярким проявлением лояльности кондеанцам, а также хорошим стратегическим расчетом – без помощи Монпансье Конде потерял бы очень много людей. С другой стороны, стрельба из Бастилии подчеркнула нелояльность герцогини по отношению к правительственному лагерю и была одной из веских причин для опалы и ссылки. Когда принцесса получила разрешение снова приехать в Париж, ей было уже за 30, и планы удачно выйти замуж за мужчину подходящего для нее статуса остались лишь нереализованными мечтами. Мемуаристка дорого заплатила за геройство.

Существует несколько трактовок этого события: согласно версиям современников, Монпансье могла лично быть в крепости в тот исторический момент, либо просто отдать этот приказ. Почти все современные авторы рассказывали, что Мадемуазель сама направила пушку Бастилии против королевской армии. Дюбюиссон-Обене записал в дневнике от 2 июля: «Мадемуазель, взойдя на Бастилию, произвела семь или восемь пушечных выстрелов из равелина, который находится впереди, по людям короля, которые

⁵⁷⁷ Великий магистр артиллерии (фр. *grand maître de l'artillerie*) — один из высших чинов короны Франции в XVI — XVIII веках. Соответствовал чину генерал-фельдцейхмейстера в армиях германских государств и Российской империи.

⁵⁷⁸ Montpensier A.-M. *Mémoires*. P. 101–102.

⁵⁷⁹ *Ibid.* P. 101.

пришли стрелять из мушкетов в сторону Сен-Антуана»⁵⁸⁰. Мадемуазель, по видимому, стремилась преуменьшать или полностью отрицать действие, в котором ее обвинял двор: «она сказала мне, – пишет мадам де Мотвиль, – что это не могло быть предпринято по ее приказу».

Сама Монпансье, конечно, упомянула Бастилию в воспоминаниях. Согласно ее тексту, до того знакового момента она никогда ранее не была в Бастилии, но хорошо себе представляла, в каком направлении нужно расположить орудия во время боя. Для начала герцогиня исследовала крепость: «Я долго ходила вокруг башен и зарядила⁵⁸¹ пушки, которые были все направлены в сторону города: некоторые я поставила со стороны воды и со стороны пригорода, чтобы защищать бастион»⁵⁸². Монпансье понимала, что ставит под удар юного Людовика XIV: посмотрев в подзорную трубу, она по обилию людей и карет определила его местоположение. Также она смогла понять планы «врагов», как она называла королевскую армию в этом эпизоде: «Я видела, как они разделили свою конницу, чтобы прийти и отрезать нас между предместьем и рвом <...> если бы они бежали раньше, мы бы погибли»⁵⁸³. Как только мемуаристка разгадала планы маршала де Тюренна, она незамедлительно послала пажа с известиями к принцу, и поэтому он решил направить войска в город.

Именно для того, чтобы дать возможность армии принца войти в Париж, Мадемуазель дала приказ стрелять из пушек Бастилии. Без ее помощи кондеанцам грозил расстрел войсками королевских маршалов де Тюренна и де Лаферте, которые они послали поближе к городу, «чтобы отеснить наших». Монпансье пишет: «...из Бастилии прозвучало два или три пушечных залпа, как я и приказала, покидая ее... (*курсив мой – С.М.*) в противном случае вся иностранная пехота, жандармерия и некоторая кавалерия, находившаяся в арьергарде, потерпели бы

⁵⁸⁰ Journal des guerres civiles de Dubuisson-Aubenay: 1648–1652. Т. 2. Р., 1885. Р. 246.

⁵⁸¹ В старых изданиях вместо «charger» (заряжать), как сказано в рукописи, написано «changer» (заменять/менять направление). Остальная часть предложения ясно указывает на то, что речь шла о том, чтобы придать пушкам новое направление и направить их против королевской армии.

⁵⁸² Montpensier A.-M. Mémoires. Р. 109.

⁵⁸³ Другой пример, где фрондерка называет «врагами» королевскую армию: «Враги форсировали большую баррикаду, которая удерживала перекресток, ведущий к Пьепосу и Винсенну. <...> (принц) отвоевал баррикаду и изгнал врагов». Montpensier A.-M. Mémoires. Р. 103.

поражение, потому что эти войска были вынуждены ждать пушек...»⁵⁸⁴. В источнике упоминается, что в правительственном лагере не ожидали такого шага от кондеанцев и были напуганы им⁵⁸⁵. Более того, сначала двор даже не понял, на чьей стороне был стрелявший. Мемуаристка сообщает: когда раздался первый выстрел, кардинал сказал: «Хорошо, они стреляют по врагу!»⁵⁸⁶. По словам Монпансье, вскоре королевские военачальники вычислили, что это был ее приказ: «Когда пушка выстрелила еще несколько раз, кто-то сказал: “Боюсь, это будет против нас”. Другие сказали: “*Может быть, это Мадемуазель отправилась в Бастилию, а они открыли огонь по ее прибытии*”. Маршал де Виллеруа сказал: “*Если бы это была Мадемуазель, то именно она приказала бы нас расстрелять (курсив мой – С.М.)*”»⁵⁸⁷. Таким образом, при дворе хорошо знали о преданности герцогини де Монпансье принцу и после ее активного участия в «орлеанском эпизоде» понимали, что от нее можно было ждать самых решительных поступков ради его лагеря.

Мадемуазель осознавала, что оказала огромную услугу партии Конде. Монпансье спасла его армию, что для нее «было большим удовлетворением», но в то же время она подняла руку на короля при помощи пушек и испанских войск. Этот факт омрачил ее радость и стал причиной рефлексии, которой заканчивается посвященная битве при Сент-Антуане глава⁵⁸⁸. Пушки Бастилии добавили последний штрих к портрету опасной бунтарки и поставили крест не только на проекте Мадемуазель выйти замуж за Людовика XIV, но и на всех ее выгодных матримониальных планах вообще.

Чем объяснялось геройство Мадемуазель? Мемуаристка неплохо разбиралась в ходе сражения и понимала, что у армии принцев мало шансов одержать победу

⁵⁸⁴ Ibid. P. 111.

⁵⁸⁵ Ibid. P. 111–112.

⁵⁸⁶ Ibid. P. 114–115.

⁵⁸⁷ Ibid. P. 115.

⁵⁸⁸ «Когда вечером я думала, и все время, когда я думаю о том, что я спасла эту армию, признаюсь, для меня было большим удовлетворением и в то же время большим удивлением думать, что я также направила пушки короля Испании в Париж и водрузила красные флаги с Андреевскими крестами. Радость, которую я испытывала от того, что оказала столь значительную услугу партии и сделала на этом собрании что-то столь необычное, чего, быть может, никогда не случалось ни с кем в моем состоянии, помешала мне сделать те размышления, которые теперь можно сделать по поводу это и то, что могло бы омрачить (мою радость)». Montpensier A.-M. Mémoires. P. 112–113.

без помощи из Парижа: «Нужно сказать, и это довольно известный факт, что этот пригород открыт со всех сторон и что потребовалось бы вдвое больше войск, чем у г-на принца, чтобы удержать всего один проспект. Враги насчитывали более двенадцати тысяч человек; у господина принца было всего пять, он сопротивлялся им семь или восемь часов...»⁵⁸⁹.

Также, вероятно, ее очень угнетало поведение Гастона Орлеанского во время битвы при Сент-Антуане, и она чувствовала из-за него сильную вину. Монпансье пыталась компенсировать лавирование отца между принцами и двором своей полной преданностью Конде. Выше я упоминала, что именно к герцогу Орлеанскому принц послал с просьбой обеспечить проход войск в город, но разрешала эту проблему Мадемуазель. В «Мемуарах» и при доверенных лицах она искренне проявляла недовольство отцом. В разговоре с графом де Бетюном, который назван в источнике «человеком достойным и порядочным», герцогиня сказала: «...Месье не сделал всего, что, по моему мнению, он должен был сделать по отношению к принцу...»⁵⁹⁰. Так герцогиня говорила и при самом Конде. Когда принц оценил лояльность Мадемуазель и «высказал тысячу комплиментов и благодарностей» за Сент-Антуан, она обратилась к нему: «...у меня есть к вам просьба: ничего не говорить Месье о проступке, который он совершил по отношению к вам». Похоже, она была больше недовольна, чем глава партии. Конде на это ответил: «Я просто должен поблагодарить его; без него меня бы здесь не было»⁵⁹¹.

После самого ответственного момента герцог Орлеанский вел себя так, как будто ничего не произошло. Монпансье делает акцент на контрасте: Конде был в восхищении, а Гастон даже не хотел сказать дочери несколько слов одобрения. Принц практически заставил его похвалить Мадемуазель. В том, как мемуаристка описала разговор с отцом, заметны разочарование и обида: «Он пришел ко мне, чтобы сказать, что он доволен мной, *но не с той нежностью, с которой он должен*

⁵⁸⁹ Ibid. P. 103.

⁵⁹⁰ Ibid. P. 106.

⁵⁹¹ Ibid. P. 107.

*был бы это делать. Я объяснила это раскаянием, которое он, должно быть, почувствовал в том, что я сделала то, что он должен был сделать; так что его равнодушие, которое мне так трудно вынести, утешило меня в тот день (курсив мой – С.М.)»*⁵⁹².

Однако даже в таких, казалось бы, крепких и доверительных отношениях, которые были между Монпансье и Конде, пробегало облачко. Принц временами был холоден с Мадемуазель несмотря на все, что она для него делала. Это замечали другие участники лагеря. Госпожа де Шатийон однажды сказала Мадемуазель: «увы, вы хорошо справляетесь со всем, что делаете для господина принца; но мне кажется, что в последние дни он был не слишком добр к вам и что у вас есть основания жаловаться на него (курсив мой – С.М.)»⁵⁹³. Подобная внезапная холодность принца к членам его группировки не была редкостью: серьезные разногласия из-за фаворитизма между Бюсси-Рабютеном и Гито проанализированы в главе о конфликтах. Мадемуазель была более деятельной и более лояльной участницей партии, но даже в отношениях с ней принц не всегда был благодарным. Тем не менее в ответе Мадемуазель слышится полнейшая преданность: «Если господин принц и подвел меня, то только в мелочах, я никогда не подведу его, а это слишком важное дело, чтобы думать о чем-то другом, кроме как о том, как помочь ему (курсив мой – С.М.)»⁵⁹⁴.

Лояльность Монпансье принцу проявлялась также в том, что она пыталась подвести его к откровенному разговору про то, насколько искренны помыслы членов его партии и клиентелы. Она была одной из немногих участниц Фронды, у которой не было явных корыстных целей: «...если бы я была на его месте (на месте Конде – С.М.), я бы задушила людей, [которые] поставили меня в это положение ради своих частных интересов (курсив мой – С.М.)»⁵⁹⁵. Мадемуазель фактически отчитала Конде за то, что он не придавал значения своему окружению, не отличал настоящих друзей, одним из которых, естественно, она считала себя, от

⁵⁹² Ibid. P. 112.

⁵⁹³ Ibid. P. 104.

⁵⁹⁴ Ibidem.

⁵⁹⁵ Ibidem.

приспособленцев и искателей наживы. Из этого следует, что, по мнению Мадемуазель, принц не придавал должного значения лояльности и нелояльности членов его партии: недостаточно поощрял истинных друзей и не замечал проступков ложных. «Я не могу не сказать вам, что этот случай должен заставить вас отличить ваших настоящих друзей от тех, кто здесь только из-за своих особых интересов и кто подверг опасности вашу персону в надежде получить пятьдесят тысяч экю⁵⁹⁶. Я говорю с вами только из дружбы, чтобы заставить вас задуматься об этом, потому что другие не осмелятся сказать вам», – написала она в «Мемуарах». Судя по этому разговору, принца и Мадемуазель действительно связывали близкие отношения, потому что он безропотно снес ее выговор в назидательном тоне («...надеюсь, что вы исправитесь...») и не стал с ней спорить даже тогда, когда от гнева у него выступили слезы⁵⁹⁷.

Анализу поступков Мадемуазель уделена значительная часть данной главы, так как ее поведение является одним из наиболее последовательных примеров лояльности. Другие участники гражданской войны значительно реже проявляли преданность главе партии; не удовлетворив свои потребности, они переходили в более подходящий для них лагерь. Если участники Фронды и оставались в какой-либо партии, отнюдь не все из них были готовы были пожертвовать репутацией или поссориться со своими семьями. Невозможно сказать наверняка, ведь нет неоспоримых доказательств, но я думаю, что Мадемуазель вела себя как влюбленная женщина. Возможно, ее лояльность принцу была проявлением сильных чувств. Монпансье была чуть ли не единственной участницей Фронды, у которой не было ярко выраженных финансовых интересов, она также не стремилась получить какую-либо должность или землю.

⁵⁹⁶ Мадемуазель и другие аристократы часто путали экю и ливры в мемуарах.

⁵⁹⁷ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 111.

2.5 «Формальная» и «ложная» лояльность

В истории Фронды много темных пятен и запутанных «сюжетных ходов» во многом потому, что у участников зачастую не было конкретных и постоянных политических планов. Лидеры и важные члены партий специально запутывали «формальной дружбой» как сторонников, так и противников, чтобы выгодным для себя образом вести политические игры. Ярким примером является поведение герцога Орлеанского во время битвы при Сент-Антуане, проанализированное выше. В июле 1652 г. он еще колебался между принцами и двором, вероятно, вел переговоры и готовился к уходу из лагеря, не обозначая четко свою позицию, что давало ему возможность для маневра. Этим объясняется его пассивность и нежелание даже встать с кровати, чтобы помочь принцу. В октябре того же года он вышел из партии Конде и официально отказался от участия во Фронде.

Некоторые дворяне во время Фронды сторонились партий и не хотели «официально» принимать ту или иную сторону. Конечно, формально это и не было возможно, ведь у партий не было постоянного членства, регулярных заседаний и т. д. В качестве примера можно привести случай с зятем Гастона Орлеанского. Карл IV, герцог Лотарингский общался с участниками лагеря Конде, но не вступал в него. Мадемуазель писала, что они проводили вместе время, он ездил с ней ко двору, но при этом избегал встреч с принцем Конде и герцогом Орлеанским «из боязни заключить какой-либо союз»⁵⁹⁸. Но заниматься политикой означало для высокопоставленного дворянина постоянно заключать союзы, иногда с двумя противоборствующими лагерями одновременно. Герцог Лотарингский был известен тем, что продавал свои услуги тому, кто больше заплатит. Герцог Орлеанский и принц Конде интриговали с ним, чтобы получить подкрепление, даже если герцог одновременно вел переговоры с двором. Мазарини не жалел усилий, чтобы помешать ему присоединиться к партии принцев. Анна Австрийская предложила вернуть герцогу Лотарингскому графство Клермон в обмен на

⁵⁹⁸ Montpensier A.-M. Mémoires. P. 75.

отставку. Мазарини узнал в январе 1652 г., что герцог Лотарингский поставил свои опытные полки, наполовину немецкие, наполовину лотарингские, на службу Конде и герцогу Орлеанскому, несмотря на заключенное с ним соглашение⁵⁹⁹.

Почему участники партии могли перестать быть лояльными ее главе? Из воспоминаний де Ларошфуко следует, что кондеанцы отнюдь не часто могли реализовать чаяния в партии. Мемуарист отметил, что в 1651 г., когда Мазарини должен был покинуть столицу, а Конде вышел из заключения и торжественно въехал в Париж, сторонники принца могли диктовать Анне Австрийской свои условия, но не сделали этого: «...они оставили королеве и ее сан, и власть, не обеспечив себе существенных выгод. <...> ... каковы бы ни были соображения принцев, они не использовали столь выгодно сложившейся для них обстановки (курсив мой – С.М.)»⁶⁰⁰. Ларошфуко объясняет это тем, что они, добившись преимущества, не смогли воспользоваться им⁶⁰¹.

Почти каждый участник партии заботился в первую очередь о личных или семейных интересах, а не об «общем деле». С точки зрения Монпансье, Ларошфуко тоже стремился лишь «урвать кусок». Она написала с явным недовольством, что он и другие важные кондеанцы вели переговоры нечестно: «...мадам де Шатийон, господа де Немур и де Ларошфуко, рассчитывавшие первая – по договору получить сто тысяч экю, другой – губернаторство и последний – такую же сумму, думали только о том, чтобы добиться этого от Принца, какую бы цену это ни стоило, и для этого они постоянно вели переговоры с двором»⁶⁰². Многие участники не были довольны главой лагеря. Эту мысль подтверждают сведения из произведения мадемуазель де Монпансье, которая тоже обратила внимание, что многие кондеанцы сомневались в партии. В отличие от Ларошфуко, она не разделяла этого недовольства и с осуждением относилась к «ненадежным» членам группировки: «Люди, которым нет дела ни до чего, (кроме собственных интересов) задевали мои

⁵⁹⁹ Xavier Le Person. Le Grand Condé. Un exil pour l'honneur, Fayard, 2023. P. 80.

⁶⁰⁰ La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes. P. 351.

⁶⁰¹ Ibidem.

⁶⁰² Montpensier A.-M. Mémoires. P. 85.

чувства; другие начали верить, что *их партия не была достаточно хорошей (курсив мой – С.М.)*»⁶⁰³.

Нередко участники Фронды пытались расположить к себе дворян из противоборствующих партий: заверяя в «дружбе», они старались втереться в доверие, побольше узнать о лагере врагов и нанести удар. Ложные проявления лояльности и щедрые обещания могли усыпить бдительность врага, сделать его менее осторожным. В оправдание «лицемерных интриганов» и «ложных друзей» стоит отметить, что в культурном коде эпохи была заложена учтивость, в высшем обществе требовалось скрывать аффекты. Этикет распространялся и на друзей, и на врагов. Показать истинные чувства, к примеру, неприязнь, было невежливым. Де Рец подчеркнул это небольшим комментарием: «...Лионн со своей стороны *сильно озлоблен против Принца («très-animé» – «очень оживленный»)*, больше даже, нежели допускают приличия (курсив мой – С.М.)»⁶⁰⁴. Людовик XIV также весьма милостиво разговаривал с Гонди, когда отдавал приказ о его аресте.

Иногда такая обманчивая дружба могла подтолкнуть дворянина к лавированию между партиями, что приводило к ухудшению отношений внутри его лагеря, иногда она была приманкой, прикрытием для западни. Мазарини вел себя подобным образом, когда пытался задобрить коадьютора и сделаться его «другом». Мемуарист вспоминал об этом эпизоде с откровенным недоверием: «Перед отъездом в Гиень Кардинал всеми способами старался выказать мне свою дружбу; он даже изъявил готовность предоставить мне решить, кого избрать купеческим старшиной, что *с виду казалось учтивостью, а на деле было ловким ходом*: Кардинал признавался, что от прежнего купеческого старшины, которого он назначил сам, ему не было никакого проку (курсив мой – С.М.)»⁶⁰⁵. Бдительность де Реца была вполне объяснима: «В тот же самый день *он употребил все силы, чтобы поссорить меня с г-ном де Бофором (курсив мой – С.М.)*»⁶⁰⁶. Сам мемуарист тоже не был «истинным другом» для партии двора: он часто упоминал, что вел

⁶⁰³ Ibid. P. 89.

⁶⁰⁴ Cardinal de Retz. Oeuvres. T. 3. P. 340.

⁶⁰⁵ Ibid. P. 63.

⁶⁰⁶ Ibidem.

тайные переговоры с Мазарини и Анной Австрийской. На словах он был готов к сотрудничеству и миру, но на деле следовал только собственным интересам. Злые языки обвиняли коадьютора в том, что он подстрекал народ к восстанию ради личных выгод. Королева однажды в сердцах сказала ему: «В будущем вы всегда на моей стороне, в настоящем – всегда мой противник»⁶⁰⁷.

Далее в «Мемуарах» коадьютор рассказывает о новых попытках Мазарини «подружиться» с фрондерами, поссорив их между собой. Эту интригу распутываешь как клубок нитей – дружеских, любовных, патрон-клиентских – которые первый министр старался разорвать, чтобы развалить «оппозиционную» партию, ведь чем хуже были отношения участников партии, тем слабее она неизбежно становилась. В этот раз Мазарини решил сделать ставку на мадам и мадемуазель де Шеврез. «Поведение герцогини де Шеврез внушало ему в этом отношении большие надежды; <...> она на всякий случай не забывала старательно поддерживать дружбу с двором и внушать Королеве, что ее связывает со мной не столько ее собственная ко мне дружба, сколько упрямство ее дочери»⁶⁰⁸, – пишет де Рец. Под «упрямством дочери» коадьютор имеет в виду свою связь с мадемуазель де Шеврез, важную для «укрепления» партии парламентских фрондеров. Для разделения политических противников Мазарини попытался убедить мадам де Шеврез «дружить» с двором против фрондеров. Это было важно для ослабления влияния коадьютора на Гастона Орлеанского, так как Месье питал к мадам де Шеврез слабость. Чтобы двор мог «подружиться» с матерью, необходимо было «подружиться» и с дочерью, а для этого кардинал посчитал необходимым поссорить ее с Гонди. Мазарини нашел для него соперника в лице «красивого как ангел» герцога Омальского, который «зачастил в отель Шеврез». Де Рец объяснил любовнице, с какой целью преданный Мазарини ловелас начал осаду, и она отвергла незадачливого воздыхателя.

Как пишет мемуарист, на этом история не заканчивается: «Вскоре в Отеле Шеврез отделались от герцога, в отместку он пожелал отделаться от меня»⁶⁰⁹.

⁶⁰⁷ Ibid. P. 457.

⁶⁰⁸ Ibid. P. 168.

⁶⁰⁹ Ibid. P. 168–169.

Герцог Омальский поручил наемному убийце по имени Гранмезон избавиться от соперника. Если бы ему это удалось, Мазарини смог бы «ложной дружбой» не только поспособствовать развалу партии старых фрондеров, но и чужими руками лишить жизни одного из опаснейших политических противников. Однако Гонди был чудесным образом неуловим для покушений, и Гранмезон сам все ему рассказал. В результате кардинал «проиграл раунд», и старые фрондеры на тот момент остались по-прежнему лояльными друг другу.

Подводя итоги главы, суммирую основные мысли и наблюдения из предыдущих параграфов о лояльности в лагере двора, в партии старых фрондеров, принца Конде, а также о проявлениях «формальной» и «ложной» лояльности во время Фронды.

Стойкость политического союза Анны Австрийской и Мазарини не вызывает сомнений. Вероятно, во многом именно ей объясняется победа двора во Фронде, потому что в других лагерях не было настолько же постоянного тандема абсолютно лояльных друг другу участников событий. Цитаты из мемуаров «оппозиционеров» показывают, что королева следовала рекомендациям первого министра, постоянно поддерживала с ним зашифрованную переписку, в том числе в тот период, когда кардинал был в изгнании, а также доверяла его политическому опыту намного больше, чем своему собственному. Однако не исключено, что участники Фронды, завидуя успеху Мазарини, специально стремились очернить его и королеву в мемуарах. В главе 3 настоящего исследования, посвященной анализу памфлетов Фронды, проанализировано влияние пропаганды на образ королевы и кардинала, которое остается ощутимым даже сегодня. Вполне вероятно, что между ними были близкие отношения, но полных и достоверных доказательств этого не обнаружено. Возможно, это были лишь слухи, распространявшиеся мазаринадами и подхваченные авторами других источников XVII в.

Изучая партию старой Фронды, можно также проследить отношения лояльности. Де Рец многократно упоминал о верных ему людях, на которых можно

было положиться в самых разных вопросах от финансирования предприятий партии до защиты жизни мемуариста. Не всегда «добрые друзья» были членами одной партии, и этот факт подчеркивает, что личная лояльность участников Фронды по отношению друг к другу была важнее, чем принадлежность к партии. Кардинал де Рец был «политическим советником» Месье, и последний, подобно королеве, во многом руководствовался советами духовного лица. К примеру, он по настоянию коадьютора не поехал в Орлеан и не поддержал принца Конде активными действиями во время битвы при Сент-Антуанском предместье. Однако Гастон Орленский лавировал между Рецем, Конде и двором, поэтому говорить о полной лояльности и постоянном политическом союзе в этом случае невозможно.

Важным отличием в отношениях внутри кондеанцев и старых фрондеров был статус первых лиц группировок. Принц стоял значительно выше в социальной иерархии, чем коадьютор Гонди: покушение Ларошфуко на Реца как раз и объяснялось тем, что последний якобы «возомнил себя принцем». Конде обладал огромной властью и серьезным военным потенциалом; его партия практически «дублировала» его клиентелу, многие дворяне следовали за ним из жадности наживы и привилегий. Де Рец же был «первым среди равных»: он имел влияние на Месье, Парижский Парламент, народ, священников, но от него и не ожидалось таких серьезных «бонусов», как от члена семьи Бурбонов.

Что касается партии принца Конде, она привлекала недовольных поведением Анны Австрийской и Мазарини аристократов, многие из которых входили в клиентелу принца и были опытными военными. Состав партии объясняет размах военных кампаний Фронды принцев. Лояльность принцу крови имела очевидные преимущества, которые заключались в возможности получить от него выгодную должность, деньги, земли и привилегии. Этим объяснялось большое количество «продажных людей» в его партии. Однако привлекательность выгодных перспектив «дружбы» с принцем омрачалась его склонностью к фаворитизму, внезапными «охлаждениями» по отношению даже к верным и деятельным участникам его партии.

Самым ярким примером лояльности в партии Конде была Старшая Мадемуазель. Примирившись с принцем, Монпансье последовательно и решительно защищала его интересы, чем серьезно повлияла на ход Фронды. Активность и независимость Мадемуазель объяснялась несколькими факторами, такими как богатое наследство от матери, бойкий темперамент, стыд за лишь «формально» лояльного Конде отца, обида на двор из-за нереализованного проекта их брака с Людовиком XIV, а также, возможно, чувства к Конде. Самым ярким ее поступком, подтверждающим лояльность принцу, было участие в битве при Сент-Антуане, когда ее приказ стрелять из пушек Бастилии по королевской армии дал принцу возможность отступить к городу. Принц не отвечал ей взаимностью, временами холодно с ней обращался, невзирая на ее услуги партии, но доверял ей планы, разрешал по-дружески поучать себя и управлять подчиненными ему войсками.

«Неполная» и «формальная» лояльность часто объяснялись не желанием участников Фронды побольше поучаствовать в интригах, а их несогласием с политикой главы партии или недовольством им. Хотя в страсти к плетению интриг многим аристократам и аристократкам XVII в. невозможно отказать! Вступая в партию, они собирались удовлетворить личные и семейные интересы, но, если этого не происходило, они считали себя в праве сменить сторону. Также многие дворяне не считали себя приверженцами какой-либо конкретной партии, предпочитая заключать временные союзы с противоборствующими лагерями. Такими «двойными агентами» можно назвать многих участников событий, к примеру, герцога Лотарингского и, вероятно, герцога Орлеанского. Кардинал де Рец тоже постоянно вел переговоры с двором, хотя и писал о себе как о фрондере. С помощью «ложной» дружбы участники гражданской войны стремились втереться в доверие к противникам, выведать их планы и поссорить между собой. Или, возможно, они просто стремились быть галантными, следовать этикету как с друзьями, так и с врагами и выбирали наиболее выгодный союз.

В начале главы я задавалась вопросом контекстов употребления слов «amitié» и «ami». В источниках по Фронде эти слова соответствуют отношениям, которые ученые называют функциональной дружбой, партнерством, взаимовыгодным сотрудничеством. Фразы с выражением дружбы в источниках середины XVII в. стали такими частыми, что просто не могли не быть формальными⁶¹⁰. Назвав все эти отношения «лояльностью», я не стала проводить непреодолимую грань между любовниками, приятелями, патронами и клиентами и просто преданными друг другу людьми, потому что сами современники, судя по их воспоминаниям, легко ее преодолевали. Моей задачей было найти аристократов, которые помогали друг другу, делились секретной информацией, вместе воевали и плели интриги – словом, «дружили против» кого-то третьего, имели выгоду от функциональной дружбы. Оказалось очень сложно их найти среди перепутанных сюжетных линий, постоянных конфликтов между участниками событий и приукрашенных автопортретов в мемуарах.

Аристократы, которые были лояльны друг другу или главе партии всю гражданскую войну, были большой редкостью: можно назвать всего пару имен, таких как герцогиня де Монпансье, герцог де Ларошфуко. Это явление вполне объяснимо, ведь у каждого дворянина были его личные интересы, ради реализации которых он и вступал во Фронду. Естественно, у любого участника Фронды были «les intérêts particuliers» – «личные интересы»: невозможно представить аристократа, который бы без всякой цели вступил в партию и действовал для ее блага, совершенно позабыв про себя и свою семью. Но выборка источников показывает, что постоянство в партии чаще проявляли те дворяне, которых связывало с главой партии нечто большее, чем желание получить сиюминутные «бонусы». Это могли быть совпадение по целям во время гражданской войны, взаимовыгодные патрон-клиентские отношения, *личная преданность* главе лагеря, родство с ним или, вероятно, в случае с мадемуазель де Монпансье, влюбленность. Также к последовательному участию в партии были склонны те аристократы, у

⁶¹⁰ Стогова А.В. "Добрый друг": социальная идентичность придворного времен Анны Австрийской и Людовика XIV // Мир Клио: сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. 2007. Т. 1. С. 391.

которых не было острой нужды в деньгах и титулах. К примеру, Ларошфуко и Монпансье были верны принцу Конде, а Бюсси-Рабютен ушел из его партии, когда перестал быть его фаворитом и был вынужден невыгодно продать должность; после Фронды он также нуждался в деньгах из-за проигрышей в карты⁶¹¹. Из этого следует, что аристократы могли быть лояльны главе лагеря до тех пор, пока их интересы совпадали и пока у них были хорошие личные отношения.

⁶¹¹ Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр великого неудачника /Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов. М., 2010. С. 197–198.

Глава 3. Мазарини: спаситель или враг государства? Позиции главных участников Фронды и пропаганда

Распутывая клубки межличностных отношений фрондеров, мазаринистов и кондеанцев, было важно проанализировать *взгляд важных участников партий на происходящие события и свою роль в них*. Сложно представить, к примеру, чтобы Великий Конде – принц крови – осознанно желал воевать против своего короля и получать обвинение в оскорблении величества, а кардинал Мазарини – вызывать безудержный гнев народа, «пить кровь французов» и быть для бедняков «отвратительным предметом слез»⁶¹².

Чтобы лучше разобраться в дружбе и вражде, лояльности и конфликтах, я задалась рядом вопросов, ответами на которые стала эта глава исследования. *Какие были позиции у важных участников Фронды? Какие образы политических оппонентов они стремились распространить? Как события гражданской войны отражались на их репутации? Как важные государственные деятели XVII в. оправдывали свое поведение во время гражданской войны? Как они обосновывали свои мотивы и действия?* Ответы на эти вопросы оказались не только в источниках личного происхождения, но и в политических памфлетах. Образы злокозненного иностранца и мятежного принца во многом сформировались благодаря необъективным, но очень популярным и многочисленным мазаринадам, поэтому эти памфлеты Фронды использовались в настоящей диссертации в качестве одного из типов источников наряду с газетами и письмами центральных действующих лиц лагерей принцев и двора.

⁶¹² La verité sans masque de la misere persecutee, ou La plainte des pauvres a la Reine, contre le cardinal Mazarin. 1649. P. 2

3.1 Принц Конде vs кардинал Мазарини: сражение в письмах и на поле брани. Мотивация поступков, собственная позиция, взаимные обвинения

Изучая письма к королю и королеве политических оппонентов – принца Конде и кардинала Мазарини – можно заметить схожие мотивы. В этом параграфе я бы хотела проанализировать их точки зрения, дать каждому возможность «оправдаться» и «ответить» на аргументы политического оппонента, «обосновать» свои важные политические шаги во время гражданской войны. Решающим «да» или «нет» был один важный момент: нужно было не только отстаивать позиции, но и склонить королеву и юного короля на свою сторону.

Оба утверждали, что были полностью лояльны французскому престолу, *ставили превыше всего интересы государства и уже оказали короне важные услуги*. Конде подчеркивал свои военные победы. В письме к королю, посвященном возвращению кардинала во Францию, сказано следующее: «Сир, я никогда не искал в своих действиях ничего иного, кроме вашей безопасности, блага государства, славы Франции и счастья народа; *у меня не было других мыслей в дни Рокруа, Фрайбурга, Норлингена и Ланса (курсив мой – С.М.)*, когда я заставил торжествовать герб Вашего Величества»⁶¹³. Принц имеет в виду военные победы под его командованием во время Тридцатилетней войны, подчеркивая этим свою лояльность и готовность пролить кровь ради французской монархии. Также принц подчеркивает, что не выступает против короля. С его точки зрения, *«слава этих счастливых подвигов возбудила в Мазарини ревность (курсив мой – С.М.)*, и поэтому он приложил все усилия к заключению принца»⁶¹⁴. Однако последний отмечает, что позор, под которым он имел в виду тюремное заключение, не изменил его теплых чувств к монархии.

Конечно, в письмах кардинала нет упоминаний подобной зависти, но он также не стеснялся упоминать о значимости своих действий во благо короны. К примеру, в письме к королеве он рассказывал о «бескорыстии» и «рвении», с которыми он

⁶¹³ Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. 1652. P. 6.

⁶¹⁴ Lettre de Monsieur le Prince de Condé. P. 6.

служил Франции⁶¹⁵. Его письмо к королю из Седана начинается красноречивой фразой: «Поскольку блага и милости, которыми я обязан доброте покойного короля <...> и Вашего Величества, бесконечно превосходят *цену малой награды за услуги, которые я старался оказать государству (курсив мой – С.М.)*, я также считал себя более обязанным, чем любое другое существо и слуга Вашего Величества, оказывать их ему до последнего вздоха моей жизни»⁶¹⁶.

В письме королеве 23 декабря 1651 г.⁶¹⁷ кардинал сообщил, что исправно выполнил приказ покинуть Францию: «Я не только покинул Королевство, следуя приказам, полученным мною от Вашего Величества, я даже удалился далеко от его границ...»; «Я оставался в таком состоянии более десяти месяцев и был в большей степени склонен отойти еще дальше, чем вернуться...»⁶¹⁸. Из другого письма можно узнать, что министр «отправился до самого Рейна»⁶¹⁹. Мазарини подчеркивал, что изгнание из Франции было для него большой жертвой, которую он сознательно принес, «дабы *предоставить больше места скорейшему установлению общественного счастья*, на которое вся Франция возлагала надежды после моего удаления; *я терпел это в отставке, не сказав ни единого слова*, не донеся до Ваших Величеств моих жалоб, увещеваний и нижайших молений... *(курсив мой – С.М.)*»⁶²⁰. Кардинал «более десяти месяцев постоянно страдал» и от моральных, и от материальных трудностей: рушилась его репутация и страдали финансы. Как Мазарини сообщил монарху, он «лишался всех благ», предназначенных для уплаты больших долгов, которые он взял на себя «для поддержки Ваших дел и Вашей службы... *(то есть дел короля – С.М.)*»⁶²¹.

Похожая мысль более пространно изложена в письме к королю: министр надеялся, что его изгнание позволит быстрее закончить гражданскую войну⁶²².

⁶¹⁵ Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne. 1652. P. 1.

⁶¹⁶ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin au Roi. P. 3.

⁶¹⁷ Письмо было опубликовано в 1652 г.

⁶¹⁸ Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne. P. 1, 2–3.

⁶¹⁹ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. 1652. P. 4.

⁶²⁰ Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne. P. 1.

⁶²¹ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. P. 5.

⁶²² «...я отправился даже до самого Рейна, чтобы узнать, действительно ли, как многие, по-видимому, убеждены, после того, как была получена свобода господина принца, *не было ничего большего, чем желать моего отъезда, чтобы увидеть королевство на высочайшей высоте счастья и процветания, о которых можно только мечтать*; и

Автор красноречиво утверждал, что все его частные интересы были направлены на благо Франции: «ничто <...> не заставило бы меня провести остаток своих дней с большей сладостью и большим душевным спокойствием, даже если бы мне пришлось оказаться в самой дикой части земли и в самой дальней от всякого общения части света, чем осознание того, что мое изгнание способствовало величию Вашего Величества и сделало счастливыми его народ»⁶²³. Таким образом, Мазарини представил себя в качестве «жертвы государству», принесенной, чтобы «успокоить все бури»⁶²⁴. Свою жертвенность кардинал объяснял преданностью стране: «моя любовь к Франции давно и глубоко укоренилась, и никакое плохое обращение не способно ее поколебать»⁶²⁵. В письме к Летелье кардинал отмечал, что его «удаление» облегчает их величествам принятие важных решений и «укрепляет их», так как предлог для неудовольствия народа, под которым министр имеет в виду себя, устранен⁶²⁶.

Однако Мазарини не считал, что его изгнание действительно пошло на пользу Франции: «...если бы я видел, что мой первый шаг произвел более одного из ожидаемых эффектов...»⁶²⁷. Этим аргументом первый министр объясняет **начало организации армии** для сопротивления «бунтовщикам» и защиты короля. Поэтому он «принял помощь друзей» и стал собирать корпус войск, «достаточно значительный, чтобы быть полезным государству...»⁶²⁸. Принц Конде резко негативно отзывался об этом поступке Мазарини. Согласно его интерпретации, кардинал собрал армию в 8 тысяч человек, во-первых, на деньги короля, а не на свои собственные, «как он хвастался», а, во-вторых, лишь под выдуманном предлогом защиты королевства от принца. Людовик де Бурбон считал истинной

дать людям вкусить сладость Золотого века, чтобы торговля снова процветала, чтобы финансы Вашего Величества имели изобилие, необходимое для того, чтобы образумить Врагов, чтобы Ваша Власть была восстановлена, чтобы Королевский Дом был полностью объединен и *чтобы можно было заключить в самое короткое время всеобщий Мир, столь необходимый и столь желанный (курсив мой – С.М.)*». Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. 1652. P. 4.

⁶²³ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. P. 5.

⁶²⁴ Ibid. P. 5.

⁶²⁵ Ibid. P. 5–6.

⁶²⁶ A. M. Le Tellier. Villarceaux 3, 8 février 1651. (extrait.) // Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère. Tome 4 / recueillies et publ. Par M. A. Chéruef [puis, pour les t. VII à IX] par M. le Vte G. d'Avenel. 1872–1906. P. 6.

⁶²⁷ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin à la Reyne, 1652. P. 3.

⁶²⁸ Ibid. P. 3–4.

целью Мазарини «восстановить себя в качестве министра с оружием в руках»⁶²⁹. Принц утверждал: именно возвращение Мазарини из изгнания во Францию вынудило его взяться за оружие, чтобы воспрепятствовать этому.

Схожим пунктом в аргументации принца Конде и кардинала Мазарини было сетование на то, что во время Фронды **серьезно пострадала их репутация**. Косвенно они обвиняли в этом друг друга и сторонников каждого. Оба писали, что их действия были направлены на **восстановление доброго имени**. Кардинал Мазарини сообщал королеве, что в ответ на указы и декларации, обвинявшие его «в величайшем позоре», он лишь предпринимал шаги для «сохранения чести»⁶³⁰. Обосновывая необходимость собрать армию для войны с кондеанцами, министр писал, что его важными задачами были служение королю и забота о «восстановлении своей чести», так как враги не дремали: «я не должен оставаться в молчании и бесполезной умеренности, в то время как они продолжают терзать мою репутацию»⁶³¹.

Кардинал утверждал: у него было множество возможностей доказать свою невиновность, но он не делал этого, так как считал, что может всколыхнуть французов и отсрочить наступление «общественного блаженства». Мазарини упоминал преданных друзей, которые приготовили многочисленные манифесты в защиту его «столь поруганной репутации», но он не дал им возможности их опубликовать, чтобы не помешать восстановиться покою в обществе⁶³². В этих манифестах содержались объяснения поступков кардинала, «которые были превращены в обвинения и преступления, особенно в вопросах мира»⁶³³. Также

⁶²⁹ Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. Contenant ses intentions. P. P. 10.

⁶³⁰ Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne, 1652. P. 1.

⁶³¹ Ibid. P. 4.

⁶³² «Я даже сделал над собой усилие, чтобы не желать защищать манифестами мою столь жестоко поруганную репутацию и не дать моим друзьям, которые заявляли о моей невиновности, опубликовать те (манифесты), которые привязанность заставила их подготовить, так что никто не мог бы иметь ни малейшего повода упрекнуть меня в том, что из-за этого особого интереса и из-за слишком большой поспешности я мог бы стать причиной задержки общественного блаженства...» Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne, 1652. P. 2–3.

⁶³³ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. P. 6.

Мазарини просил у короля и королевы предать его правосудию, чтобы доказать: «я не способен ни на одно из преступлений, которыми меня хотели запятнать»⁶³⁴.

Кардиналу было отчего беспокоиться: оппоненты считали его виновным во всех возможных грехах. Мазарини упоминал, что его жизнь постоянно подвергается опасности⁶³⁵, и эту информацию можно подтвердить письмами Конде. Принц действительно угрожал ему смертью, в которой видел благо для Франции: «...это будет стоить вам не меньше, чем *ваша голова*»; «...я готов умереть при условии, что *через вашу смерть я восстановлю общественную свободу и спокойствие государства (курсив мой – С.М.)*»⁶³⁶. В письме Конде к Мазарини, красноречиво подписанном «я есть и буду до последней капли крови вашим истинным врагом»⁶³⁷, приводятся упреки, которые были подхвачены мазаринадами. Есть вероятность, что само это письмо является мазаринадой, написанной от лица принца, но высокопарный стиль, изящные речевые обороты, подпись «Людовик де Бурбон» подсказывают, что автором или заказчиком вполне мог быть Конде.

Одно из наиболее серьезных обвинений – в *узурпации власти, в неспособности управлять страной и преднамеренном нанесении вреда Франции*. Конде подозревает кардинала во враждебности по отношению к нему и в злоупотреблении властью, данной ему монархией: «ваши деяния всегда были мне (*принцу Конде – С.М.*) во вред», «все было бы потеряно, если бы вы правили и стали опорой Франции, как вы это делали прежде»⁶³⁸. К аргументу о их личной вражде добавляется немного демагогическая идея *о защите интересов простых людей*: «одна только тирания, которую вы осуществляли против всего французского народа, заставила меня вооружиться»⁶³⁹. Принц писал о кардинале как о человеке, который, пользуясь своей «роковой» властью, действовал против самых разных «категорий» французов. Он лишил имущества тех, «кто добился наилучших результатов», заключил в тюрьму принцев крови, изгнал и сместил магистратов,

⁶³⁴ Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne, 1652. P. 4.

⁶³⁵ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. P. 5.

⁶³⁶ Lettre de monseigneur le prince de Condé écrite au C. Mazarin. P. 4–5.

⁶³⁷ Ibid. P. 7.

⁶³⁸ Ibid. P. 3–4.

⁶³⁹ Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne, 1652. P. 3.

которые выступали против его налоговой политики, а также «насиловал и угнетал народ»⁶⁴⁰.

Также кардинала часто порицали за заботу лишь о своих, а не государственных интересах. Принц красноречиво сравнивает себя с Моисеем, который, если понадобится, сможет пройти по дну водоемов и расколоть горы, чтобы добраться до своего врага, так как «Бог устал от злоупотреблений, которые причинили ваши (*кардинала Мазарини – С.М.*) излишества». Автор заранее ставит в вину своему оппоненту жертвы, неизбежные в конфликте – кровь «самых верных», пролитую в сражениях «ради удовлетворения ваших (*кардинала Мазарини – С.М.*) амбиций»⁶⁴¹.

Конде также упорно отстаивал свою невиновность. В письмах к королю Людовик де Бурбон многократно упоминал, что недоброжелатели-мазаринисты его оболгали: «мои враги злонамеренно оклеветали меня и у них хватило наглости прикрываться святым именем Вашего Величества»⁶⁴²; «представители Вашего Величества объяснили Вам причины, по которым я не должен больше считаться виновным перед Вами»⁶⁴³. Несмотря на попытки принца объяснить свою позицию и загладить вину за двойственное впечатление, которое вызывало его «фрондирование», все оставалось тщетным. Людовик де Бурбон жаловался Герцогу Орлеанскому⁶⁴⁴: «я имел честь засвидетельствовать свое почтение королю и королеве, но... *проявленная там холодность* дала мне повод усомниться в том, что *впечатления, которые мои враги оставили у них о моих проступках, еще не полностью стерлись* из их разума. Это помешало продолжить мои визиты в Пале-Рояль, чего я страстно желал (*курсив мой – С.М.*)».

Однако принц совершил множество неоднозначных шагов. Среди прочего он не явился на церемонию совершеннолетия Людовика XIV в парламенте 7 сентября 1651 г. Он уехал из Парижа днем ранее, когда ему отказались выдать имена

⁶⁴⁰ Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. P. 11.

⁶⁴¹ Lettre de monseigneur le prince de Condé écrite au C. Mazarin. P. 4.

⁶⁴² Lettre écrite au Roy par Monsieur le Prince sur le sujet de son absence, a l'action de sa majorité. 1651. P. 3.

⁶⁴³ Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. Contenant ses intentions P. 6.

⁶⁴⁴ Lettre de Monsieur le Prince a Son Altesse royale. Sur le sujet de son esloignement de la cour. 1651. P., P. 4.

клеветников, которые он запросил. Естественно, при дворе этот поступок был воспринят как открытое проявление нелояльности и враждебности. «Манкирование» куда менее важными событиями придворной жизни серьезно ухудшало отношение к аристократам, так как вызывало сомнения в их преданности короне. Например, Гастон Орлеанский заставлял Мадемуазель сопровождать двор в поездках, но она не раз оставалась в постели, ссылаясь на насморк⁶⁴⁵.

Принц Конде отправил королю несколько писем⁶⁴⁶, чтобы объяснить причины своего отсутствия на столь важном для государства мероприятии, а также чтобы выдвинуть соображения, по которым не следовало допускать возвращения Мазарини во Францию. С точки зрения Конде, Мазарини воспользовался как своим высоким положением, так и церемонией совершеннолетия короля, чтобы выставить его в дурном свете: «...он (Мазарини – С.М.) имел честь получить от Вашего Величества *декларацию, обвиняющую меня в оскорблении величества*, которую он должен зарегистрировать в парламенте, чтобы заставить силу вашего совершеннолетия послужить моему краху (*курсив мой – С.М.*)»⁶⁴⁷. Официальное объявление Людовика XIV совершеннолетним означало, что отныне фрондеры и кондеанцы сопротивляются не регентству, фактически возглавляемому кардиналом Мазарини, а самому монарху, что делало их положение еще более неоднозначным, чем ранее⁶⁴⁸.

⁶⁴⁵ «В этот день я осталась в постели, чтобы убедить всех в своей болезни, на которую жаловалась накануне. Кардинал посчитал, что я могу остаться в Париже. Месье пришел навестить меня; я сказала ему, что я больна и не могу поехать в Бургундию. Месье был мной очень недоволен, но я настаивала на своем решении. Сожон вскоре пришел ко мне, и я рассказала ему о том, что говорил мне Месье. Сожон посоветовал мне сопровождать двор в поездке». Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. P. 245. См. Главу 1, параграф 1.3 «Конфликты между родственниками».

⁶⁴⁶ Lettre écrite au Roy par Monsieur le Prince sur le sujet de son absence, a l'action de sa majorité. 1651; Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. Contenant ses intentions. 1652.

⁶⁴⁷ Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. Contenant ses intentions. 1652. P. 4.

⁶⁴⁸ Фрондеры и кондеанцы утверждали, что выступили не против Людовика XIV, а против первого министра Мазарини. К примеру, среди их девизов было: «Слава королю и принцам, долой Мазарини!». Однако во время второго этапа Фронды армия принцев сражалась с армией короля. Мадемуазель, рассказывая о битве при Сент-Антуанском предместье в «Мемуарах», называла вторую «нашими врагами», что действительно заставляет усомниться в лояльности кондеанцев двору.

Также принц написал Гастону Орлеанскому в уверенности, что кардинал и его приверженцы захотят поссорить их; в этих источниках много схожих идей⁶⁴⁹. С точки зрения автора, Мазарини искал любую возможность нанести ему вред. «Нет ни одной уловки, которая не была бы использована», – с негодованием констатирует принц, объясняя причины своего удаления от двора и отъезда из Парижа⁶⁵⁰.

Основные мысли упомянутых выше писем к королю заключаются в том, что Людовик де Бурбон покинул столицу вынужденно. Он не был уверен в своей безопасности, ведь годом ранее он был арестован⁶⁵¹. Конде обосновывал свои перемещения по Франции враждебностью со стороны Мазарини: к примеру, из страха вновь лишиться свободы принц по необходимости покинул Париж и отправился сначала в Сен-Мор, затем в Гиень⁶⁵². Людовик де Бурбон отмечал, что даже в «отступлении» кардинал вставлял ему палки в колеса: «...войска, находящиеся под моим именем, были атакованы, они (*военные силы лагеря мазаринистов – С.М.*) готовятся прийти и атаковать меня вплоть до города Бордо, чтобы уничтожить его вместе со мной, и, когда я прибыл туда, мне сообщили, что враг захватил город Бурж и разрушил башню, чтобы бросить мне вызов, а затем захватил город Сен-Аман и блокировал замок Мурон, мою вотчину...»⁶⁵³. Первый министр не удовольствовался лишь этим: он также попытался сорвать встречу принца с Гастоном Орлеанским, которая намечалась в Лудене или Шаторо⁶⁵⁴.

Таким образом, Конде почувствовал себя вынужденным «защититься от угнетения» со стороны Мазарини. Конде полностью возлагал ответственность на Мазарини за свое «удаление» от двора и столицы, а также за сбор войск, которые, как следует из его интерпретации, были нужны для защиты от потенциального

⁶⁴⁹ «С тех пор они не забывали ничего, чтобы осудить меня и вызвать у меня серьезные подозрения, вплоть до того, что они *сговорились арестовать меня во второй раз... (курсив мой – С.М.)*» Lettre de Monsieur le Prince a Son Altesse royale. Sur le sujet de son esloignement de la cour. 13. septembre 1651. P. 4.

⁶⁵⁰ Lettre de Monsieur le Prince a Son Altesse royale. Sur le sujet de son esloignement de la cour. 13. septembre 1651. P. 3.
⁶⁵¹ 19 января 1650 г. – арест принца Конде.

⁶⁵² Lettre de Monsieur le Prince de Condé escrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. Contenant ses intentions. P. 9.

⁶⁵³ Ibidem.

⁶⁵⁴ Ibidem.

нападения кардинала. Иными словами, фактически принц объясняет формирование военизированной партии кондеанцев агрессией Мазарини: «Эти причины, Ваше Величество, заставили парламент Бордо вступить за мои интересы, а парламент Парижа – приостановить действие Декларации против меня. Эти же причины заставили моих друзей и вообще всех добрых и верных французов сбегаться со всех сторон, чтобы присоединиться ко мне и поддержать мои замыслы»⁶⁵⁵. Конде написал королю, что ради славы государства и мира народа он готов оказать монархии «самую выдающуюся» услугу из всех, что были ранее – выступить против Мазарини, для чего он «со всем неудовольствием в мире» вынужден взяться за оружие⁶⁵⁶. Из этого следует, что Конде поставил королю ультиматум: либо он окончательно изгонит Мазарини, либо принц окажет кардиналу вооруженное сопротивление, что неизбежно переведет гражданскую войну в «горячую» фазу.

Вернусь к церемонии совершеннолетия короля. Из писем кардинала следует, что он действительно «возымел большую надежду» на совершеннолетие короля как на «верховное средство от всех зол». Первый министр считал, что оно «произведет в умах людей благоприятное для Его Величества воздействие, так что ни у кого из его подданных не возникнет иных мыслей, кроме как заслужить его уважение и его благосклонность»⁶⁵⁷. Возможно, Мазарини действительно надеялся, что 7 сентября 1651 г. само собой положит конец Фронде, но в контексте письма его слова выглядят как обвинение участников гражданской войны в неповиновении монархии.

Мазарини строил аргументацию на том, что являлся законным министром и защищал интересы французской короны. Он всячески подчеркивал, что якобы и фрондеры, и кондеанцы были бунтовщиками не только против него лично, но и против королевской власти. В письмах он многократно обращал внимание на то, что королю требуется защита от «грозных сил, которые нападают на него», и сравнивал Фронду с опасным недугом, который «сжигает внутренности

⁶⁵⁵ Ibid. P. 12.

⁶⁵⁶ Ibid. P. 12–13.

⁶⁵⁷ Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne. P. 3.

организма»⁶⁵⁸. «Я считал, что не может быть ни одного доброго француза, ни одного верного слуги Ваших Величеств, который не только без стыда, но и без преступления мог бы, скрестив руки, смотреть на нынешнее положение дел, не устремляясь туда со всеми силами и друзьями, <...> чтобы дать королю больше средств для защиты»⁶⁵⁹, – писал кардинал королеве.

Оба обвиняли друг друга в действиях против Франции, которые привели к разжиганию гражданской войны. Принц Конде открытым текстом называл Мазарини «явным врагом государства» и «нарушителем общественного спокойствия»⁶⁶⁰. С точки зрения принца, кардинал решил «отправиться в поход» на Французское королевство и, воспользовавшись церемонией совершеннолетия Людовика XIV, зарегистрировать в парламенте декларацию против него, чтобы обвинить в оскорблении величества. Конде считал, что это дало бы министру больше свободы в дальнейших действиях. Он возмущался также, что Мазарини, которого «объявили преступником, нанесшим ущерб Величеству, и голова которого была оценена как голова публичного негодяя»⁶⁶¹, восстановил свое положение в королевском совете и в качестве первого министра.

Среди многочисленных аргументов против возвращения Мазарини во Францию принц обратил внимание на тот факт, что оно наносит вред авторитету короля. Конде заметил, что министр был выслан по декларации⁶⁶², которая навсегда закрыла ему въезд в страну. Если грубо нарушается указ парламента, имеющий юридическую силу правового акта в государстве, это подрывает репутацию как парламента, так и монарха. С аргументом Людовика де Бурбона сложно поспорить: «...это не могло быть сделано без того, чтобы снова не подвергнуть народ насилию со стороны его министерства и гнету монополии», а это в свою очередь «вызвало бы новые беспорядки в государстве, способные нанести ему непоправимый

⁶⁵⁸ Ibid. P. 3.

⁶⁵⁹ Ibid. P. 3.

⁶⁶⁰ Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. P. 5, 10.

⁶⁶¹ Ibid. P. 11.

⁶⁶² Принц называет ее в письме «Сентябрьская декларация».

ущерб». Принц подводит адресата письма к мысли, что кардинал навсегда уничтожит «всеобщий мир», чего тот и добивается⁶⁶³.

Мазарини с осуждением писал о партии кондеанцев, что они установили «тесные связи с испанцами», а подписание договоров с ними разожгло «огонь гражданской войны»⁶⁶⁴. Все это очень походило на измену, потому что Франция в то время все еще находилась в состоянии войны с Испанией. И, наоборот, он поздравлял Анну Австрийскую, когда «после изгнания испанцев с постов, которые они занимали в Шампани, и после выигранной битвы, в которой они потеряли свои главные силы»⁶⁶⁵ ни одна партия не могла появиться там с оружием в руках против воли монарха. Конде не отрицал связей с иностранным государством: более того, он открытым текстом написал королю, что Испания, «знакомая с его проектами», а также другие европейские государства сами предложили ему помощь по выдворению «этого человека вне закона (кардинала Мазарини – С.М.)»⁶⁶⁶.

Важно отметить, что первый министр также прибегал к помощи иностранных войск во время гражданской войны, что имело плачевные последствия для мирного населения. Газета «*Courrier françois*» – еженедельное периодическое издание, проявившее симпатию к Парламентской Фронде в 1649 г. – упоминала о польских войсках и «других иностранцах», «которых кардинал Мазарини привез сюда, чтобы мучить добрых и верных подданных короля»⁶⁶⁷. По сообщению второго выпуска «*Courrier*», в котором говорится о новостях января 1649 г., эти войска находились в Медоне и Севре близ Парижа, «где они причинили неслыханный ущерб и (проявили) беспрецедентную жестокость». «*Courrier françois*» приводит чудовищные подробности насилия: польские и другие военные «оскверняли церкви, насиловали девочек в возрасте от девяти до десяти лет, сжигали и разрушали дома, наносили увечья мужчинам и женщинам, крали и забирали то, что показалось им полезным в этих городах, и уничтожали то, что не смогли взять с

⁶⁶³ Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. P. 7.

⁶⁶⁴ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. P. 7.

⁶⁶⁵ Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne. P. 2.

⁶⁶⁶ Lettre de Monsieur le Prince de Condé écrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. P.12.

⁶⁶⁷ Suite et seconde courrier françois, apportant toutes les nouvelles de ce qui s'est passé depuis sa première arrivée jusques à présent. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649. P. 5.

собой, в частности, вино, которое они выливали из сосудов, после того как напились»⁶⁶⁸. Интересно, что в промазаринистской «Gazette» Ренодо от 21 января 1649 г. также упомянуто про «несколько польских отрядов», которые стояли в Севре и в других окрестных деревнях, но нет ни намека на мародерство солдат. В издании сказано, что эти войска отправили на размещение в Медон, который ранее «охранялся лишь крестьянами», которые держали там скот⁶⁶⁹.

Итак, в интерпретации принца и других «мятежников» кардинал был злейшим врагом государства, и наоборот, Мазарини обращал внимание на сотрудничество Конде с Испанией и на организацию войск против воли французской короны. При этом оба вождя гражданской войны активно пользовались военной поддержкой других государств для реализации собственных целей, «прикрытых» интересами страны и короны. И Конде, и Мазарини писали друг про друга как про врагов короны, действовавших в корыстных интересах.

3.2 Мазарини в мазаринадах

Я анализировала тексты из Национальной Библиотеки Франции и Государственной публичной исторической библиотеки в Москве с целью собрать «список грехов», в которых анонимно обвиняли Мазарини, и сравнить его с упреками принца Конде, с тем, что в брошюрах писали о других значимых участниках Фронды, таких как Анна Австрийская, принц Конде, Мадемуазель де Монпансье.

Как это следует из первого параграфа главы, основным объектом нападок оппонентов и недоброжелателей был кардинал. Из писем к королю и королеве следует, что одной из причин возвращения первого министра была необходимость защититься от клеветы. Такой была его версия событий. Действительно,

⁶⁶⁸ Suite et seconde courrier françois. P. 5.

⁶⁶⁹ Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Relations et recits des choses avenues toute l'année 1649. Par Theophraste Redaudot. A Paris, du Bureau d'Adresse, aux Galleries du Louvre. 1650. P. 71.

памфлетисты в чем только не подозревали Мазарини: в коварстве, использовании темных сил и даже в атеизме. Полный список красочных эпитетов, которыми памфлетисты именовали объект критики, едва ли возможно составить. Среди них много выражений, связанных с животными, мифическими существами и неодушевленными предметами, такими как: адская фурия, морское чудовище, волк-оборотень, выводок змей, страус, способный переваривать железо и сталь, флюгер, поддающийся любому ветру.

Одной из наиболее распространенных тем, связанных с репутацией Мазарини, была **народная ненависть к нему**. Резко негативное отношение народа являлось одним из важных аспектов гражданской войны, фоном, на котором разворачивались ее события. Искрой для начала Фронды в 1648 г. был арест парламентского советника Брусселя⁶⁷⁰ – любимца простых парижан, который выступил против увеличения налогов. На следующий день столица была покрыта баррикадами, и народ разбивал камнями окна в Пале-Рояле.

Логично, что в мазаринадах фрондеров и их сторонников образ первого министра нарисован в черных тонах. В 1649 г. появилась «Разоблаченная правда о преследуемой бедности, или жалоба бедняков королеве на кардинала Мазарини⁶⁷¹» – открытое письмо королеве от 22 января 1649 г., по говорящему названию которого можно судить об отношении к первому министру. Послание так и подписали: «очень верные и послушные слуги, бедняки, или преследуемая нищета»⁶⁷².

Авторы многих памфлетов не стеснялись в выражениях. Вот несколько хлестких сравнений: «горшок, полный ртути, но покрытый пурпуром, покрасневшим от крови бедных и несчастных»; «человек, который является морским чудовищем по своим нравам и не имеет ничего человеческого, кроме своей внешности»; «он живет как лошадь, а не как человек»⁶⁷³. В мазаринадах иногда

⁶⁷⁰ Подробнее об аресте советника Брусселя и начале Фронды см. главу 1, параграф 1.1 «Конфликты внутри партии».

⁶⁷¹ В дословном переводе «Правда без маски...» «La verité sans masque de la misere persecutee, ou La plainte des pauvres a la Reine, contre le cardinal Mazarin».

⁶⁷² La verité sans masque de la misere persecutee, ou La plainte des pauvres a la Reine, contre le cardinal Mazarin. P., 1649. P. 8. Изображение можно посмотреть в Приложении № 4.

⁶⁷³ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 5, 7.

приводятся такие обвинения в сторону кардинала, в которые уж совсем сложно поверить. Как клевета звучит, например: «он одобрял изнасилования, насилие, кровосмешение и прелюбодеяние»⁶⁷⁴. Также его обвиняли в торговле своим телом⁶⁷⁵.

Даже в памфлетах, не имеющих очевидной политической направленности, можно встретить те же идеи. По интонации анонимной мазаринады под названием «Секретная переписка в Понтуазе» сложно сказать, каких взглядов придерживался ее автор, потому что в ней в почтительных выражениях сказано и о короле с королевой, и о принце Конде, и о Мазарини. Структура памфлета отличается от других мазаринад, которые я анализировала: автор повествует о том, как король, королева и другие «сильные мира сего» вышли на прогулку и стали занимать слушателей поучительными историями. По сюжетам этих рассказов можно изучать литературные вкусы французской знати XVII в.: король повествовал об Александре Македонском, принц – о Цезаре, Мадемуазель – о Статире и Орондате⁶⁷⁶. Все остальные тоже упоминали сюжеты из античности и современной литературы, и только кардинал после долгих уговоров согласился рассказать зловещую и правдивую историю, как с момента вступления в должность министра к нему приступали демоны-мучители⁶⁷⁷. «Навязчивые тревожные мысли перед сном», – сказали бы врачи сегодня, и эти мысли представляют большой интерес для исследования отношения французов к кардиналу во время Фронды.

⁶⁷⁴ Ibid. P. 3.

⁶⁷⁵ «Он путешествовал по Италии и Сицилии, месту своего рождения, где он использовал свое тело для постыдных удовольствий, чтобы попытаться сколотить свое состояние, и он странствовал по всем странам, из которых был изгнан с позором...». *La verite reconneue par Monseigneur le Prince de Condé, sur les entreprises de la Reyne contre la Ville de Paris*. P., 1652. P. 11.

⁶⁷⁶ Вероятно, имеется в виду книга «Oroondate ou les Amans discrets» («Орондат, или сдержанные любовники») – трагикомедия Герена де Бускаля XVII в. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1520345j.image> (дата обращения: 7.03.25).

⁶⁷⁷ «Он взял слово и говорил так⁶⁷⁷:

Государь, я не приведу здесь никакой другой истории, кроме своей собственной, и не расскажу вам ничего, что не случилось бы со мной с тех пор, как я стал министром: меня всегда мучили духи, в них не было недостатка, они не пропустили ни одного дня, чтобы явиться ко мне, ни одной ночи, чтобы нарушить мой покой; но никогда они не причиняли мне столько хлопот и не обращались со мной так сурово, как с той ночи королей, когда я вызволил Ваше Величество из Парижа, чтобы приехать в Сен-Жермен». *La conference secrete tenue a Pontoise entre le Roy, la Reyne, Le Cardinal Mazarin, Messieurs les Princes & plusieurs autres Grands Seigneurs de la Cour*. P., 1652. P. 7–8.

Тема ненависти народа к министру поднимается даже в этой миролюбивой и изящной мазаринаде. В рассказе Мазарини говорится, что, кроме прочих мучений, демоны «выражают *ремонтрации парламенту, чтобы еще больше настроить его против* меня. Некоторые *вызывают ненависть народа, как будто он и так недостаточно меня (Мазарини – С.М.) ненавидит (курсив мой – С.М.)*»⁶⁷⁸. В этом памфлете без оскорблений, требований и угроз, в мазаринаде, которая больше напоминает сценарий для небольшой постановки или рассказ, звучит мотив страха кардинала перед народным гневом⁶⁷⁹.

Во многих мазаринадах фрондеров и сторонников принца повторяются схожие и приводятся более тяжкие обвинения в сторону кардинала. Акцентирование внимания на **иностранном происхождении** первого министра является отличительной чертой открытых писем и памфлетов. К примеру, принц Конде свысока упоминал о нем как об «этом иностранце»⁶⁸⁰. Другие памфлеты также отличаются не самым приветливым отношением к политику родом из Италии. В «Преследуемой нищете» прямым текстом говорится, что королева предпочитает «чужую кровь отечественной крови французов»; «французы – ваши (королевы – С.М.) законные подданные, Мазарини – иностранец. *Достаточно сказать, что он с Сицилии (курсив мой – С.М.)*»⁶⁸¹. Можно представить себе, какие чувства испытывала королева-испанка, если она читала это письмо. Тот же мотив звучит в мазаринаде «Франция у ног короля», где кардинала назвали «сицилийским тираном»⁶⁸². Примечательно, что она начинается с эпитафии на латыни: «Несправедливо, что какой-либо итальянец завоевал такую великую страну»⁶⁸³. Цитата подписана «Virg.», но я нашла ее не у Вергилия, а в другой мазаринаде, где у той же фразы другая подпись: «E. de la Plante»⁶⁸⁴.

⁶⁷⁸ La conference secrete tenue a Pontoise. P. 12–13.

⁶⁷⁹ «Они создают шум всех этих дьяволов в моих ушах, как будто они создают яд, чтобы побудить население напасть на меня». La conference secrete tenue a Pontoise. P. 12–13.

⁶⁸⁰ Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. P. 7.

⁶⁸¹ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 5, 6–7.

⁶⁸² La France désolée aux pieds du roy. Où le Gouvernement tyrannique de Mararin est succinctement décrit. [S. 1.], 1649. P. 2.

⁶⁸³ В оригинале на латыни: «Nulli fas Italo tantam fubuertere gentem. Virg.». La France désolée aux pieds du roy. P. 1.

⁶⁸⁴ https://bibnum.institutdefrance.fr/medias/dd/8e/e8/2c/dd8ee82c-ae77-423e-8b84-36f3972efd37/attachedfiles/Bib_Mazarine_M13537.pdf (Дата обращения: 10.08.25).

Мазаринада «Государство в беде из-за правления иностранцев» целиком построена на мысли о том, что «общая болезнь всех государств» – неспособность терпеть его⁶⁸⁵. Автор, подписавшийся «M. N. R. F. I.», в нескольких статьях изложил следующую мысль, которую он назвал «политической максимой»: «иностранцы приносят мораль и пороки своих стран в ту, которую они населяют»⁶⁸⁶. Памфлетист утверждал также, что участие иностранцев в управлении государством является одним из способов его разрушения⁶⁸⁷. Текст полон отсылок к истории Библии, Афин, Спарты, Древнего Рима и др., из которых следует однозначный вывод о негативном влиянии иностранцев. Отдельное место в мазаринаде занимает тезис о превосходстве французов над другими нациями: «Французы, которые всегда хотели жить в соответствии со своей древней свободой, никогда не могли терпеть министерство иностранцев. <...> им было почти невозможно привыкнуть к легкомыслию англичан, тяжеловесности немцев, помпезности испанцев, медлительности итальянцев»⁶⁸⁸. M. N. R. F. I. последовательно подводит читателей к мысли о том, что образ действий кардинала Мазарини никак не сочетается с традициями французской нации, и поэтому «не может быть терпим»⁶⁸⁹.

Гиперфиксация мазаринад на иностранном происхождении первого министра вполне объяснима. С одной стороны, господство министра-итальянца заставляло французов чувствовать себя «игрушкой и посмешищем в руках других наций»⁶⁹⁰, то есть, по мнению памфлетистов, дискредитировало их родину в глазах соседних стран. В эпоху, когда в Европе практически не прекращались войны, было не просто невыгодно, но очень опасно показывать слабость государства. С другой стороны, если один из наиболее значимых людей, представляющих власть во Франции,

⁶⁸⁵ L'Etat en trouble Par le Gouvernement des Étrangers. Où l'on verra que c'est une maladie ordinaire à tous les Etats de ne pouvoir souffrir un Gouvernement Estranger, & que tant que nous serons gouvernez par eux; il est bien difficile que nous ayons une bonne Paix. P., 1652.

⁶⁸⁶ L'Etat en trouble. P. 3.

⁶⁸⁷ «Это же основание послужило Философу в его «Политике», заставив его смело сказать, что способ разрушить государство – призвать в него иностранцев». L'Etat en trouble. P. 4.

Автор имел в виду трактат Аристотеля «Политика», так как в нем иностранцам (метекам) отказывали в гражданстве.

⁶⁸⁸ L'Etat en trouble. P. 8.

⁶⁸⁹ Ibid. P. 10.

⁶⁹⁰ La verite reconnue par Monseigneur le Prince de Condé. P. 3–4.

происходил из другой страны, зачем ему было заботиться о чужой родине? Авторы анонимных памфлетов утверждали, что кардинал вывез из Франции все ее богатства и заставил простых людей голодать. «Мазарини хочет довести нас (*французских бедняков – С.М.*) до нищенства, оставить нам только мелочь, как будто он хочет сделать апостолами всех французов и приютом отшельников всю Францию; он мог свободно истощать сокровища нашей казны и все кошельки королевства»⁶⁹¹, – писала «Преследуемая нищета». «Франция у ног короля» также считала целью кардинала Мазарини с помощью «несчастных» сторонников завладеть сокровищами и перевести их в Италию, «а затем посмеяться над нашей (*французов – С.М.*) глупостью»⁶⁹².

Конечно, обвинения преувеличены, но в историографии о кардинале часто пишут как о министре, который действительно много заботился о **личном обогащении**. Исследовательница Симона Бертьер упоминала, что он обладал «сказочным состоянием», и его богатство должно было играть важную позитивную роль для имиджа первого министра короля⁶⁹³. По сведениям Клода Дюлонга-Сентени, к 1643 г. (год вступления в должность первого министра) состояние Мазарини было примерно 600.000 ливров⁶⁹⁴. В дальнейшем оно увеличилось, ведь через руки министра проходило много дел, связанных с финансами. У Мазарини было несколько банковских счетов, в том числе открытых для него третьими лицами, он мог давать деньги в долг и инвестировать в крупные предприятия. Например, в 1640-х гг. он вложил 50.000 экю в сделку со своими партнерами-банкирами⁶⁹⁵. Накопить такие большие суммы и распорядиться ими можно было благодаря властным полномочиям. Также у министра было несколько доверенных

⁶⁹¹ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 8.

⁶⁹² La France désolée aux pieds du roy. P. 3.

⁶⁹³ «В то время никто не думал отдавать ему должное за скромность его состояния. Скорее можно было бы заключить, что он был неспособен: если он не умел управлять своими собственными активами, как он мог управлять активами страны? Напротив, демонстрируя богатство хорошего качества, являющееся отражением богатства его господина, он оказывал ему честь. Поэтому Мазарини решил обогатиться. Современники были поражены его талантом в этой области». Bertière S. Mazarin: le maitre du jeu. Clamecy, 2024. P. 9, 318.

⁶⁹⁴ Dulong-Sainteny C. Le processus d'enrichissement du cardinal Mazarin d'après l'inventaire de l'abbé Mondin // Bibliothèque de l'école des chartes. T. 148, 1990. P. 355.

⁶⁹⁵ Une copie de cette lettre (Bibl. nat., ms Baluze 332, fol. 136 v) donne une variante plus appuyée de cette dernière phrase : «Il n'y auroit pas d'équité que [...] je perdisse non seulement mes 50000 escus, mais que je fusse encor obligé pour les autres, etc.» Цит. по: Dulong-Sainteny C. Le processus d'enrichissement du cardinal Mazarin. P. 356–357.

лиц для ведения финансовых вопросов: например, аббат Монден имел счет под своим именем, открытый у банкира Тома Кантарини для кардинала Мазарини⁶⁹⁶. Если бы не Фронда, мы бы очень мало знали об этом механизме, действовавшем до кризиса.

Мемуаристы – проигравшие участники Фронды – использовали любые сведения против своего врага-министра и нарисовали его язвительный портрет, «тем более впечатляющий, что среди них было несколько превосходных писателей». Они разоблачили «сицилийского негодяя», который приехал в их страну, чтобы нажиться. Следуя за мазаринадами и мемуаристами, многие французские историки XIX века, в частности Лависс и его коллеги, чья точка зрения нашла отражение в школьных учебниках, транслировали этот образ Мазарини. Можно сказать, что он и сейчас преобладает в коллективной памяти французов⁶⁹⁷.

«Нищета» была настолько убеждена в коварстве Мазарини, что обвиняла его в сговоре с турками против христианского мира: «его неумная алчность» привела к тому, что он «ежегодно берет у Великого Турка сто тысяч чекинов⁶⁹⁸, чтобы помешать миру и единству между христианскими князьями»⁶⁹⁹. Этот аргумент естественным образом подводил к мысли о беспринципности и нелояльности первого министра, для которого не существовало никаких ценностей, кроме материальных. Как можно доверить управление государством лицу, у которого «нет ни веры, ни закона, ни Бога, ни души»⁷⁰⁰?

Похожим общим местом памфлетов является акцент на **отнюдь не самой знатной семье** первого министра. Действительно, о юности Джулио Мазарини известно немного из-за скромного для политика социального происхождения.

⁶⁹⁶ Достоверно известно, что Монден или Мондини был пьемонтского происхождения, что он служил при дворе Савойи с начала 1630-х гг., что он был отправлен во Францию с дипломатической миссией в этом качестве и совершил там много покупок товаров и драгоценностей. Изучение документов, которые банкир Кантарини был вынужден представить, достаточно для того, чтобы установить: у Мазарини был счет на имя Мондена, и он был должен 136 470 ливров, не считая расходного векселя на 10 000 ливров за перевозку «одежды», предназначенной для кардинала. Dulong-Sainteny C. Le processus d'enrichissement du cardinal Mazarin. P. 359, 364.

⁶⁹⁷ Bertière S. Mazarin. P. 13.

⁶⁹⁸ Цехинов. Устаревшая форма от слова «zecchino». Золотая итальянская монета.

⁶⁹⁹ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 6.

⁷⁰⁰ Ibid.

Ничего не предвещало ему успешную карьеру за пределами Италии. Он родился в семье мелких землевладельцев Пьетро Маццарино (Мазарини) и Ортензии Буфалини на севере Неаполитанского королевства. Будучи выходцем из не самой знатной семьи, он знал, что ему уготована подчиненная роль, он будет вынужден служить людям, гораздо менее одаренным, чем он сам⁷⁰¹. Сегодня его бы назвали «self-made man» – человеком, который добился всего самостоятельно. Отца министра, Пьетро Мазарини, в памфлетах ругали продавцом устриц, сельским священником, пиратом, дровосеком, торговцем, конюхом и другими непрестижными профессиями. Пьетро действительно был далеко не аристократом, но и невозможно назвать его бедняком. Современные исследователи не знают точно род его деятельности, но считается, что он был дворецким или управляющим в доме семьи Колонна⁷⁰².

Важность родственных связей во Франции XVII в. трудно переоценить: дворяне и аристократы в первую очередь руководствовались семейными интересами, в соответствии с ними выстраивали политические и брачные стратегии, выбирали партии и патронов во время Фронды. Нить практически любой интриги времени гражданской войны начиналась с семейных выгод, которые дворяне чаще всего рассматривали как личные. Отсюда ясен ответ на вопрос, почему Мазарини переживал из-за своего происхождения. В конце жизни, когда его положение во Франции укрепилось, Мазарини обратился к специалистам по генеалогии, чтобы те открыли или придумали лестные сведения о его родословной. Расследование показало, что есть небольшая вероятность родства со знатной семьей Спинола. Также на юго-западном побережье Сицилии нашелся город под названием «Мазара». Носить имя города было почетным, ведь это могло означать, что дворянин владеет этим местом и принадлежит к славной семье. Но специалисты по генеалогии столкнулись с множеством людей по фамилии Мазарини, некоторые из них наверняка бы запротестовали. Также исследователи

⁷⁰¹ Bertière S. Mazarin. P. 9.

⁷⁰² Дворецкими, егерями и секретарями дома семьи Колонна часто становились выходцы из обедневшего дворянства. Bertière S. Mazarin. P. 31–32.

родословной министра нашли интересный исторический факт: во время «Сицилийской вечерни»⁷⁰³, которая свергла Анжуйскую династию в пользу Испании, некий Жан Мазарини заплатил жизнью за свою преданность французским государям. Однако невозможно было доказать, связан ли кардинал с этим героем узами родства, и проект не был закончен. Современные эрудиты опровергли вышеназванные гипотезы о славной родословной Джулио Мазарини⁷⁰⁴.

Неудивительно, что этот аспект биографии кардинала стал мишенью для острой сатиры. Даже в «Секретной переписке в Понтуазе» – самой миролюбивой из проанализированных мазаринад – остроумно, но в негативном ключе поднимается тема происхождения министра. Кардинал, рассказывая монарху и его свите о демонах, которые ежедневно его мучили, упоминал, что они высмеивали его семью: «Они показывают моих предков крысоловами, насильниками, кротолами, банкротами, торговцами курами⁷⁰⁵ и продавцами спичек... я иногда не могу удержаться от смеха над такой прекрасной генеалогией»⁷⁰⁶. В других памфлетах «градус» осуждения становится только выше: его семью обвиняли в том, что она жила «жалкой жизнью», но при этом «купалась в ванне наслаждений»⁷⁰⁷. «Преследуемая нищета» писала, что отец первого министра, согласно французскому произношению, Пьер Мазарини, был «продавцом устриц в раковинах», который «еще не достиг звания парфюмера»⁷⁰⁸. Дальше – больше: тот же анонимный автор упоминает о якобы другом «славном предке» – конюхе, которого повесили на Мальте в 1572 г. за грабеж дома и убийство своего хозяина⁷⁰⁹. Возможно, этот слух основывался на том, что отец Мазарини повздорил со своим патроном из-за жалования⁷¹⁰. Из логики автора следуют два неутешительных для

⁷⁰³ Сицилийская вечерня 29 марта 1282 г. – национально-освободительное восстание сицилийцев против власти Анжуйской династии Капетингов. Закончилось изгнанием французов с Сицилии.

⁷⁰⁴ Bertièrre S. Mazarin. P. 29.

⁷⁰⁵ «Porte poulets». Слово «poulet» на жаргоне XVII в. означало «любовное письмо», поэтому другой вариант перевода – «разносчики любовных записок».

⁷⁰⁶ La conference secrete tenue a Pontoise. С. 14.

⁷⁰⁷ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 4.

⁷⁰⁸ Ibidem.

⁷⁰⁹ Ibidem.

⁷¹⁰ Пьетро Мазарини писал сыну в 1629 г., что патрон неблагодарен по отношению к нему: «Я не приму покровительство, которое не является почетным и полезным, которое не обеспечивает моего собственного содержания и не дает мне 300 экю на дом». Цит. по: Bertièrre S. Mazarin. P. 33.

министра вывода: во-первых, его социальное происхождение не соответствует высокому рангу, который он занимает неправомерно, и, во-вторых, если он из «неблагонадежной» семьи – к нему нет доверия. Он представляет опасность для своего хозяина – для короля – а, значит, и для всей страны. «Его дед убил своего господина. Разве он не может этого сделать?»⁷¹¹, – задает риторический вопрос «Преследуемая нищета». В памфлете утверждается, что Людовик XIV живет под «жестоким гнетом» своего министра и «в домашнем рабстве», о чем даже не подозревает⁷¹².

Среди прочего мазаринады обвиняли кардинала в **преднамеренном нанесении вреда Франции** – это следует из двух соображений, приведенных выше. Следуя логике памфлетов, если Мазарини является иностранцем – его господство по определению не может привести страну ни к чему хорошему, а если он еще из подозрительной семьи – он вовсе разрушит государство. «Преследуемая нищета» утверждала: «Французы используют свою жизнь, свою кровь и все, что им наиболее дорого, для сохранения государства; Мазарини использует все самое жестокое в своей ярости и самое тонкое в своем влиянии, *чтобы разрушить его* <...>, *выдавая свой особый интерес за благо общества (курсив мой – С.М.)*»⁷¹³. Этот аргумент представляется наиболее весомым и достоверным, потому что министр действительно отмечал в письмах, что поставил все свои частные интересы на службу Франции. Мазарини упоминал, что собрал войско на свои средства для защиты короля от принца. Принц же утверждал, что кардинал сделал это за счет государственной казны для восстановления на посту министра после изгнания. Кроме того, Конде, по его словам, тоже собрал войско не против короля, а для сопротивления Мазарини.

Вышеприведенное обвинение напрямую связано со следующим: многие мазаринады связывают деятельность кардинала с **разжиганием гражданской войны**. Снова вспомним историю про кардинала и его демонов из «Секретной

⁷¹¹ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 6.

⁷¹² Ibidem.

⁷¹³ Ibid. P. 7.

переписки в Понтуазе». Как много тревог Мазарини (или же обвинений, выдвинутых против него?) содержится в этом фантастическом повествовании! Министр рассказал изумленным придворным, что есть такие демоны, «которые говорят [о нем] все мыслимые подлости королю, королеве и господину принцу, <...> [которые] позволят мне погибнуть в войне, которую я начал»⁷¹⁴. Эту же мысль подхватывает «Преследуемая нищета»: «Он просит только войны, без которой не может жить; он неумолим в отношении нашей крови»⁷¹⁵.

Связь первого министра с королевой – излюбленная тема кондеанцев и фрондеров от герцога де Ларошфуко до кардинала де Реца – не могла не найти своего отражения в сатирических памфлетах. Как и в мемуарах, так и в мазаринадах, которые я анализировала, не было сказано прямо об их предполагаемой связи⁷¹⁶. «Правда принца», «Франция у ног короля» и «Преследуемая нищета» как ограничивались обтекаемыми фразами, которые можно толковать и как безграничное доверие королевы к министру, так и утверждали о большей симпатии к нему. В памфлете «Франция у ног короля» используются такие выражения, как «пленил ее сердце», «внушил ей уважение», «изменил ее добрые намерения»⁷¹⁷. Наиболее откровенно о слабости Анны Австрийской к Джулио Мазарини написали в «Правде принца»: «она любит его и не может его покинуть, даже если речь идет о потере Франции»⁷¹⁸. В мазаринадах приводится схожая мысль о колдовских чарах, которые министр направил на королеву ради корыстных целей⁷¹⁹, или о способности кардинала изменять мнение и желания «доброй королевы»⁷²⁰. Иными соображениями памфлетисты не могли объяснить, как Анна Австрийская не видела злоупотреблений фаворита: «его

⁷¹⁴ La conference secrete tenue a Pontoise. P. 12–13.

⁷¹⁵ La verité sans masque de la misere persecutee P. 7.

⁷¹⁶ Про отношения королевы и кардинала на основе мемуаров современников см. Главу 2, § 2.1 «Мазарини и Анна Австрийская: преданность на грани с любовью в лагере двора».

⁷¹⁷ La France désolée aux pieds du roy. P. 2.

⁷¹⁸ La verite reconnue par Monseigneur le Prince de Condé. P. 6.

⁷¹⁹ «Несомненно, это какие-то чары и какая-то темная магия, которая ослепляет глаза Вашего Величества» La verité sans masque de la misere persecutee P. 7.

«Я искренне верю, что дьявольскими чарами он околдовал ее... он тогда еще не овладел ее душой, он не очаровал ее дух и еще не говорил с ней о сладостном пламени любви» La verite reconnue par Monseigneur le Prince de Condé, sur les entreprises de la Reyne contre la Ville de Paris. P., 1652. P. 3.

⁷²⁰ La France désolée aux pieds du roy. P. 2.

жизнь, это его поступки говорят, это его преступления обвиняют его, это весь мир остается возмущенным; «Вы предпочитаете его (кардинала Мазарини – С.М.) счастье счастью Королевства и Ваших детей...»⁷²¹. Далее мысль перетекает в грозное предупреждение о том, что «страстные прихоти» королевы и предпочтение «частного блага общественному» ставит ее на «край пропасти», потому что слабость к ненавистному министру может сделать ненавистной и ее в глазах народа⁷²². «Нищета» без особенного почтения советовала Анне Австрийской прислушаться «к разуму, а не к своим чувствам», а также призывала королеву успокоить подданных, наказав «виновного»⁷²³.

Из вышеприведенных обвинений следует грозный вывод: «Преследуемая нищета» в свою очередь требует преследования и даже смерти министра как «возмутителя общественного спокойствия и того, кто хочет уничтожить и погубить свободу государства»⁷²⁴. Просьба «Нищеты» к королеве звучит как злое предупреждение: «раненое терпение превращается в ярость: пусть Ваше Величество потеряет того, кто хочет потерять ее, а не народ, у которого есть только его крайняя слабость и несчастье его нищеты <...> Мы просим Ваше Величество, чтобы Мазарини погиб, и чтобы он стыдом позорной смерти загладил оскорбление, несправедливость и зло, которое он причинил Вашему Величеству и всей Франции, нарушив общественный покой, разрушив почти все государство»⁷²⁵. Автор от имени народа заявлял: «Гревская площадь ждет его (Мазарини – С.М.)», то есть призывал королеву публично казнить министра как преступника. С точки зрения памфлетиста, казнь кардинала решит все проблемы королевства: успокоит бунтующих, устроит принцев, заставит внешних врагов бояться Францию. «...Как скорпион, раздавленный своим жалом, исцеляет зло, которое он сотворил, так и позор его смерти отрет слезы с наших глаз и смягчит рану, которую жестокость

⁷²¹ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 5, 8.

⁷²² «Вдовы в отчаянии, бедные угнетены, богатые несчастны, ваше королевство разрушено, ваши штаты в смятении, ваш мир ненадежен, особа короля в опасности, ваша – на краю пропасти <...>, [Ваше Величество] не верит, что вызывает ненависть народа». La verité sans masque de la misere persecutee. P. 5.

⁷²³ Ibid. P. 8.

⁷²⁴ Ibid. P. 7.

⁷²⁵ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 8.

жизни причинила каждому: наша жизнь будет счастливой, если у нас больше не будет этого ликантропа»⁷²⁶, – убеждала королеву «Преследуемая нищета».

Как авторы памфлетов хотели, чтобы королева относилась к Мазарини?

Подбирая источники для исследования, я нашла необычный текст под названием «Письмо королевы кардиналу Мазарини с требованием покинуть пределы Французского королевства»⁷²⁷. Автором в библиографическом описании значится Анна Австрийская, но в конце письма нет ее автографа; стиль и объем текста заметно отличаются от других писем придворных аристократов. Текст сравнительно короткий по сравнению с письмами Мазарини и Конде: если их послания были примерно от 3 страниц мелким шрифтом до 13 средним, то это письмо занимает всего 4. Возможно, источник является не письмом королевы, а мазаринадой, составленной от ее имени, потому что содержание текста очень напоминает памфлеты против министра. Если этот текст написала королева, возможно, на нее оказывали давление.

В этом письме, как и в «Преследуемой нищете», автор называет кардинала «вероломным, неблагодарным, нелояльным и бесчестным»⁷²⁸. Сомнительно, чтобы это были слова Анны Австрийской. Повторяется идея о неизбежности справедливого наказания за неверность, «которую человек под Небесами осмелился совершить против Короля»⁷²⁹. В источнике встречается мысль о слепом доверии Анны Австрийской к фавориту: «мои (королевы – С.М.) желания и моя любовь к возвеличиванию вашей персоны могли запутать мой язык, ибо я была столь ослеплена». Эта выдержка очень напоминает приведенный выше пассаж из «Преследуемой нищеты»⁷³⁰. Советы Мазарини королева называет «дурными»,

⁷²⁶ «Et Comme le Scorpion écrasé sur la piqûre donne la guéri son au mal qu'il a fait». La verité sans masque de la misere persecutee P. 6. Вероятно, автор памфлета транслировал популярный миф о том, что скорпион в случае опасности мог убить себя собственным ядом. Ликантроп (греч. Λυκάνθρωπος) – оборотень, человек, превращающийся в волка. La verité sans masque de la misere persecutee P. 6.

⁷²⁷ Anne d'Autriche. Lettre de la Reyne envoyée au cardinal Mazarin, pour se retirer hors du royaume de France. 1651.

⁷²⁸ Anne d'Autriche. Lettre. P. 3–4.

⁷²⁹ Ibid. P. 3.

⁷³⁰ «Несомненно, это какие-то чары и какая-то темная магия, которая *ослепляет глаза Вашего Величества* и не дает ему видеть порядок и нынешнее состояние Государства и Королевства». La verité sans masque de la misere persecutee. P. 5.

«пагубными» и сравнивает их с заражением, проникающим в ум⁷³¹. Автор источника утверждает, что Мазарини лишь на словах заботился о благе подданных короля. Удивительно знакомыми выглядят обвинения в усугублении нищеты народа⁷³² и в иностранном происхождении⁷³³ кардинала, которые кажутся особенно странными от королевы-испанки. Письмо заканчивается молитвой к Богу «строго наказать в аду тех, кто, давая плохие советы, причиняет столько несчастий и бедствий»⁷³⁴, однако в нем нет четких приказов покинуть страну или должность. Сложно поверить, что источник действительно написан Анной Австрийской, так как его структура и содержание больше похожи на пропагандистские тексты мазаринад. Именно такое отношение королевы к Мазарини ожидали авторы многих памфлетов против первого министра.

3.3 Королева, Принц Конде, Гастон Орлеанский, Старшая Мадемуазель в памфлетах Фронды

Как отмечалось выше, кардинал Мазарини был не единственным действующим лицом в памфлетах времени Фронды. В брошюрах формировались также образы других важных действующих лиц, однако в источниках, которые я анализировала для исследования, было значительно меньше упоминаний о королеве, принцах и других, чем упоминаний о кардинале.

Анна Австрийская была вторым по значимости и по частоте упоминаний персонажем в проанализированных мазаринадах. В «Преследуемой нищете», «Франции у ног короля» и в «Правде принца» – речь о памфлетах уже заходила в предыдущем параграфе, однако по этим источникам можно изучать представления

⁷³¹ Anne d'Autriche. Lettre. P. 4.

⁷³² «...У вас не было другой заботы, кроме как усугублять нищету народа, столь оскорбленного и преследуемого, вместо счастья, которое, как вы знали, вы хотели обеспечить для него (*курсив мой – С.М.*)» Anne d'Autriche. Lettre. P. 4–5.

⁷³³ «Франция не нуждалась в иностранных украшениях: она, казалось, имела достаточно своего собственного блеска, не заимствуя из других мест, однако она только заставила багрянец на ваших плечах покраснеть, чтобы заставить вас покраснеть от стыда и позора (*курсив мой – С.М.*)». Anne d'Autriche. Lettre. P. 4–5.

⁷³⁴ Ibid. P. 6.

не только о первом министре, но и о королеве: ее образ заметно эволюционирует от картинки с невинной обманутой министром женщины до портрета переменчивой и неумолимой властительницы, которая бросает интересы подданных к ногам фаворита.

«Преследуемая нищета» представляет собой открытое письмо к Анне Австрийской, анонимный автор которого от лица простых людей рассказывает об их несчастьях и просит у нее защиты. В начале брошюры королева показана как обманутая чарами кардинала, но все еще равнодушная к интересам народа, поэтому автор старается донести до нее правду и убедить встать на сторону французских бедняков. В начале текста приведен красноречивый эпитаф из Псалтири на латыни: «да не закроет надо мной колодезь уст своих» (Пс.: 68,16)⁷³⁵. Автор давит на жалость и акцентирует внимание на доброте Ее Величества, так как больше преследуемому народу не к кому обратиться⁷³⁶.

Похожая идея изложена в «Правде принца»: сначала Анну Австрийскую называют «великой королевой» и «самой добродетельной из всех, когда-либо правивших Францией», а затем указывают, что ее представление о ситуации в государстве в корне неверно: «откройте же глаза, снимите эту повязку, которая мешает вам познать истину и опасность, в которой вы находитесь...»⁷³⁷. Памфлетист оставляет надежду переубедить королеву, сравнивая ее состояние с глубоким сном⁷³⁸. В начале «Франции у ног короля» говорится о мудрости и благочестии королевы, которые позволили стране «добиться преимуществ»: Анна Австрийская «дала мне (*Франции – С.М.*) верные непогрешимые свидетельства, что под ее покровительством я увижу конец моих бедствий и начало моего покоя и

⁷³⁵ В тексте памфлета: «Neque urgeat super me puteus os suum». La verité sans masque de la misere persecutee. P. 1.

⁷³⁶ «...Естественная добродетель людей... неразрывно связана с силой Великих: Ваше Величество, мадам, обладает ею в таких преимуществах, она производит такое восхитительное действие, что нужно быть злобным до ярости, чтобы не надеяться на Вашу доброту как на лекарство от наших недугов». La verité sans masque de la misere persecutee. P. 1.

⁷³⁷ La verite reconnue par Monseigneur le Prince de Condé. P. 6.

⁷³⁸ «Но какая мне польза, господа, тратить здесь время, пытаясь убедить ее; а так она ничего не слышит, слишком сонная (*курсив мой – С.М.*)». La verite reconnue par Monseigneur le Prince de Condé. P. 6.

процветания»⁷³⁹. На первых страницах памфлета королева изображена как идеальная правительница, однако позже попавшая под пагубное влияние министра.

Далее тон брошюр становится более настойчивым: «Преследуемая нищета» утверждает, что достаточно лишь быть разумным человеком, «чтобы проникнуться состраданием накануне печального зрелища, составляющего большую часть наших нынешних страданий»⁷⁴⁰. Интонация мазаринад постепенно меняется, как будто передает накал народного недовольства, что заметно по лексике источника, аргументам, просьбам, переходящим в претензии. К концу текста появляются жесткие требования мести и расправы: «голос бедняков, которые вопиют о мести, в жестокой нужде, которая бросает им вызов, излагают печальные жалобы страдающего Королевства». В «Нищете» появляется тон угрозы: «пусть Ваше Величество поразмыслит, до какой крайности может дойти мятежный народ, который стремится только к смерти, не имея больше ничего, чтобы прожить»⁷⁴¹. Однако «Нищета» обязуется вновь выказывать Анне Австрийской полную лояльность, если она удовлетворит просьбы народа, то есть избавится от Мазарини.

Образ королевы мрачнеет, автор начинает подозревать ее в равнодушии к народным тяготам, ее сравнивают с «бесчувственным мрамором»⁷⁴². «Преследуемая нищета» спрашивает королеву, что «вызвало перемену в ее личности и духе», как «доброта (превратилась) – в злобу, обещания – в угрозы, любовь – в ненависть, а овца – в свирепую львицу»⁷⁴³. В «Правде принца» королеву сравнили с Семирамидой: «она каждый день расчленяет и сдирает с Франции кожу, которой она покрывает себя, чтобы больше угодить этому жестокому Мазарини... Она любит, как Семирамида, коня и жестокого человека»⁷⁴⁴. Вот в мазаринаде уже и ее стали сравнивать с животными, жестокими мифическими персонажами и

⁷³⁹ La France désolée aux pieds du roy. P. 1–2. Мазаринада написана от лица Франции.

⁷⁴⁰ La verité sans masque de la misere persecutee. P. 2.

⁷⁴¹ Ibid. P. 2–3.

⁷⁴² «Если все эти причины не способны смягчить ваше сердце, то оно будет *бесчувственное мрамора* (курсив мой – С.М.)». La verité sans masque de la misere persecutee. P. 7.

⁷⁴³ Ibid. P. 2.

⁷⁴⁴ «Elle aime comme Semiramis un cheual & vn brutal». La verite reconnue par Monseigneur le Prince de Condé. P. 6–7.

неодушевленными предметами, как ранее в тексте памфлета писали только о министре.

Черная легенда о королеве представлена в мазаринаде под названием «Истина, продолжающая провозглашать свои оракулы без лести»⁷⁴⁵, где приводится характеристика важных участников Фронды из разных лагерей⁷⁴⁶. Из тех мазаринад, что я читала, в этой «нарисован» самый негативный образ королевы, тогда как в остальных она сравнительно немного критикуется. Автор сравнивает Анну Австрийскую с Мадемуазель в пользу последней. Памфлетист старался найти в королеве любые «изъяны» и даже ставил ей в вину иностранное происхождение, что не встречалось в других мазаринадах, с которыми я работала. Важным критерием, который переключается с аргументами из проанализированных выше мазаринад, является отношение двух участниц Фронды к французскому народу – это центральная идея памфлета и главная «ось» для сравнения двух аристократок. В «Истине без лести» королеве предъявляют серьезные, но необоснованные обвинения: «Первая (королева Анна Австрийская – С.М.) жаждет только нашей крови; другая же (мадемуазель де Монпансье – С.М.) движима только желанием сохранить ее для нас; первая хочет разрушить государство; вторая хочет спасти его: женщина – объект всеобщей ненависти: девушка снискала всю нежность народа»⁷⁴⁷.

Власть королевы названа «тиранией», потому что она, согласно мазаринаде, «ненавидит народ» и «расшатывает трон»⁷⁴⁸. Согласно «Истине без лести», королева не любит Мадемуазель, потому что та не согласна с ее поведением и не хочет подчиниться «тирании»: «Какое место занимает Мадемуазель в сознании королевы? Она находится там в том же положении, в котором в нашем

⁷⁴⁵ Памфлет является продолжением мазаринады «Истина, произносящая свои оракулы без лести» *La verité prononçant ses oracles sans flatterie*. I. Sur la Reyne: II. Sur le Roy. III. Sur le duc d'Orleans: IV. Sur le p. de Condé. V. Sur le Parlement: VI. Sur le duc de Beaufort. VII. Sur le Coadjuteur: VIII. Sur le parlement de Pontoise. IX. Sur Paris: et sur l'Estat. 1652.

⁷⁴⁶ *La Verité Continuant de prononcer ses Oracles sans flatterie*, I. Sur Mademoiselle. II. Sur le premier President. III. Sur le Marquis de Chasteau-neuf. IIII. Sur la Duchesse de Chevreuse. V. Sur le Comte de Harcourt. VI. Sur le Mareschal de Turenne. VII. Sur le Comte de Servient. VIII. Sur le Conseil d'Espagne. IX. Sur le Conseil du Roy. X. Et sur Mazarin. 1652.

⁷⁴⁷ *La Verité Continuant de prononcer ses Oracles*. P. 3.

⁷⁴⁸ *Ibid.* P. 3–4.

представлении находится Королева». Автор мазаринады отметил, что Мадемуазель отстаивала интересы народа «с такой же страстью, как и свои собственные», а также гордилась тем, «что она народна, хотя по рождению была выше всего великого»⁷⁴⁹ – поэтому «Истина без лести» преклоняется перед ней и транслирует ее образ как однозначно позитивный. Также памфлетист считает заслугой принцессы ее принадлежность к лагерю принцев как к «наиболее законной» партии, хотя и без этой ремарки очевидна политическая направленность сочинения.

«Яблоком раздора» между Анной Австрийской и принцессой де Монпансье, с точки зрения автора брошюры, остается кардинал: «Если бы Мадемуазель была Мазарини, она была бы предметом привязанности Королевы; если бы мы были Мазарини, Королева относилась бы к нам с большой добротой; но, поскольку Мадемуазель не самодовольна, а мы противимся несправедливости Королевы, Королева ненавидит ее, и Королева преследует нас»⁷⁵⁰. Подытоживая памфлет, автор желает Анне Австрийской отправиться в монастырь – В Эскориал или Вальде-Грас, а Мадемуазель пророчит французский престол, «которого она заслуживает»⁷⁵¹. Как многие мазаринады, «Истина без лести» пропагандирует черную и розовую легенды о королеве и о принцессе, упрощая понимание их позиций в гражданской войне и их политические линии.

Образ **принца Конде** в мазаринадах изменялся в зависимости от сторон, которые он и авторы брошюр занимали в гражданской войне. В «Преследуемой нищете» о нем упоминается мимоходом, так как главный объект критики в памфлете – кардинал: «...он всецело владеет сердцами всех принцев крови, у него достаточно магии и уловок, чтобы снискать благосклонность своих врагов»⁷⁵². Памфлет был опубликован в 1649 г., во время парламентской Фронды, когда Конде был в лагере двора. В кондеанской «Истине Принца», появившейся в разгар второй волны Фронды, облик победителя при Рокруа существенно изменился. Автор

⁷⁴⁹ Ibid. P. 4.

⁷⁵⁰ Ibidem.

⁷⁵¹ Ibid. P. 5.

⁷⁵² La verité sans masque de la misere persecutee. P. 8.

пишет о нем как о настоящем герое и спасителе Франции, упоминая о его прошлых и настоящих военных победах: «только один сражался и рисковал своей жизнью сто и сто раз, чтобы восстановить свободу Отечества... Конде, имя, приятное всем французам, да, именно этот великий принц Конде, эта непобедимая храбрость, ныне торжествует над врагами»⁷⁵³. Как в «Истине без лести» Мадемуазель сравнили с королевой, так образ принца оказался «подсвеченным» благодаря сопоставлению с кардиналом: «Мазарини навлек бы на себя ненависть всех из-за своей похоти, а он, своей храбростью, – всеобщее одобрение»⁷⁵⁴.

Логично, что во фрондерских мазаринадах образ принца – политического противника – совершенно иной. В памфлете де Реца⁷⁵⁵, упомянутом в главе 1 в связи с конфликтом в парламенте, Конде представлен как необязательный человек, дающий пустые обещания и приносящий вред собственной стране. Фрондер упрекает его в том, что принц не поспособствовал «очищению двора» от ставленников Мазарини. Напротив, как сказано в мазаринаде, через несколько дней после обсуждения этого дела не только не были отстранены сторонники министра, но и был смещен хранитель печатей фрондер Шатонеф; в то же время друзья принца «были возвращены». Такое поведение принца де Рец называет «остатками тирании кардинала Ришелье»⁷⁵⁶. Также коадьютор обвиняет принца в отсутствии сочувствия простому народу, потому что его военные «получили право грабить всё королевство, словно покорённую страну»⁷⁵⁷ – похожий мотив звучал в полемике между Конде и Мазарини, проанализированной выше.

Идею о том, что принц больше делал вид, чем действительно боролся с министром, развил секретарь коадьютора Ги Жоли в мазаринаде «Интриги вокруг заключения мира». Жоли написал, что лагерю принца было на руку возвращение Мазарини из изгнания, так как кондеанцы надеялись извлечь выгоды из ослабления

⁷⁵³ La verite reconneue par Monseigneur le Prince de Condé. P. 5.

⁷⁵⁴ Ibid. P. 5.

⁷⁵⁵ Discours libre et veritable, sur les conduites de monseigneur le prince, et de monseigneur le coadiuteur. [Le cardinal de Retz], [S. l.], 1651.

⁷⁵⁶ Ibid. P. 4–5.

⁷⁵⁷ Ibid. P. 5.

его позиций⁷⁵⁸. По мнению автора, принц и кардинал заключили тайное соглашение: «господин принц не будет противиться его возвращению, за исключением случаев, когда это необходимо для того, чтобы избежать окончательной дискредитации его партии. В обмен на это кардинал обещал разрешить вопросы, касающиеся интересов господина принца и, в частности, господ де Немура и де Ларошфуко»⁷⁵⁹. Жоли считает, что сговор Конде с Мазарини был одной из вероятных причин возвращения последнего во Францию. Интересно, что переговоры с кардиналом сторона принцев вела через нашего «старого знакомого» по эпизоду с покушением на коадьютора – через Гурвиля.

Мнение о герцоге Гастоне Орлеанском в целом совпадает в мемуарах и мазаринадах. Большинство авторов считало его умным и могущественным, но очень неуверенным в себе человеком, подверженным влиянию со стороны. Во фрондерской мазаринаде Ги Жоли несколько раз повторяется мысль о том, что мазаринисты и кондеанцы, ведя тайные переговоры о возвращении кардинала ко двору, с помощью давления добивались «вынужденного согласия» Гастона Орлеанского с их требованиями⁷⁶⁰. Например, армиям мазаринистов и кондеанцев негласно разрешалось грабить окрестности Парижа, чтобы вызвать у Месье «страх перед какой-нибудь революцией», более губительной для государства, чем присутствие Мазарини⁷⁶¹. Также о нем отзывались как о спящем, который не понимает, что происходит вокруг него. Гастон стал героем брошюры – вероятно, песенки или стишка, – к которому автор, обращаясь от лица Франции, просит последовать примеру его славного отца Генриха IV и спасти страну от «тиранов», которые ее «разрывают»⁷⁶². В качестве припева повторяется ответ Гастона на все мольбы: «Я сплю».

⁷⁵⁸ Première partie des intrigues de la paix et les négociations faites à la Cour par les amis de Monsieur le Prince, depuis sa retraite en Guyenne jusques à présent. [Joly G.], [S. l.], 1652. P. 2.

⁷⁵⁹ Ibidem.

⁷⁶⁰ Ibid. P. 7.

⁷⁶¹ Ibid. P. 5.

⁷⁶² «Гастон, Гастон, пробудись,
Услышь мои крики, помоги мне
Против этих трех тиранов, которые меня разрывают.
Эти три жестоких чудовища поклялись меня уничтожить;
Огради меня от подобных попыток.

Мадам де Мотвиль – современница Фронды, которая не разделяла открыто позицию какого-либо лагеря, но внимательно следила за событиями и основными действующими лицами, писала о Месье с уважением: «Он был настолько велик и значителен, что можно сказать, имел такую же абсолютную власть во Франции, как если бы был королем»⁷⁶³. Но несмотря на то, что «Бог дал ему ум и рассудок», Гастон Орлеанский, по ее выражению, «действовал, исходя из желаний других» и позволял себя вести, лишаясь таким образом всех преимуществ: «не советуясь с самим собой, он подчинял свои интересы, свои мысли и свои суждения страстям тех, чьим советам он хотел верить»⁷⁶⁴. Мотвиль отметила, что сначала он во всем слушался аббата де Ларивьера и даже был просителем шапки для него, а затем это место в уме Месье занял коадьютор. Сам де Рец многократно упоминал о сотрудничестве с Гастоном: согласно его «Мемуарам», Месье сделал его своим политическим консультантом или «оракулом»⁷⁶⁵.

В мазаринаде под названием «Истина, провозглашающая свои оракулы без лести» образ могущественного, но слабовольного Месье написан в той же цветовой гамме. Автор⁷⁶⁶ утверждает, что герцог Орлеанский «никогда не проявлял ничего, кроме добродушия», а также делает ему ряд весомых комплиментов: «он очень глубок в политике», «он умнее всех, кто к нему приближается»⁷⁶⁷. Как и мадам де Мотвиль, памфлетист видел проблему в том, что Месье «не знал собственной ценности». По словам автора, «его руки слабее его ума», и из-за этой черты герцог стал «восприимчивым ко всякого рода впечатлениям»⁷⁶⁸. «Истина без лести» – мазаринада явно кондеанской направленности, поэтому в ней в сугубо негативном ключе упоминается арест принцев. Автор обвиняет Мазарини в том, что он воспользовался «ведомостью» Гастона Орлеанского, которого министр запутал,

Я сплю». La France parlant a monsieur le duc d'Orleans endormy. 1649.

⁷⁶³ Madame de Motteville. Anne d'Autriche et la Fronde: d'après les Mémoires de madame de Motteville / texte établi par Henry Chapoy. P., 1882. P. 378.

⁷⁶⁴ Ibidem.

⁷⁶⁵ Подробнее об отношениях Гастона Орлеанского и кардинала де Реца см. главу исследования «Дружба, верность, преданность: лояльность во время Фронды», параграф 2.2 «Лояльность в партии старой Фронды: друзья, спутники, соратники».

⁷⁶⁶ Предполагаемый автор анонимного памфлета – Клод дю Боск де Монтандре (16..–1690).

⁷⁶⁷ La verité prononçant ses oracles sans flatterie. 1652. P. 10.

⁷⁶⁸ Ibid. P. 10–11.

чтобы отправить в тюрьму политических оппонентов – принцев Конде, Конти, де Лонгвиля – и не вызвать его сопротивление. В памфлете сказано также, что Месье прислушивался к «самым разным людям»: далее перечисляются такие имена, как коадьютор, мадам де Шеврез, Шатенеф и «другие мазаринисты» – брошюра была опубликована в 1652 г., когда «старые фрондеры» многократно заигрывали с двором и лавировали между лагерей. Автор обвинил Гонди в том, что именно он внушал Гастону «некий вызов власти» Конде, и эти соображения, вероятно, оправданы. У памфлета небезыntenесный вывод относительно Месье: «Тот, кого подхватывают различные течения, никогда не движется равномерно»⁷⁶⁹, то есть если бы он не следовал чьей-либо указке, он вряд ли бы так много колебался между лагерей.

Завершая главу, я бы хотела сформулировать несколько мыслей о позициях важных участников Фронды, их действиях и их образах, фрагменты которых мне удалось составить по материалам писем и мазаринад 1650-х гг. Основной идеей этой главы было рассмотреть, как в памфлетах писали о наиболее значимых участниках событий – ведущих лицах партий, таких как кардинал Мазарини, принц Конде, королева Анна Австрийская, герцог Орлеанский и Старшая Мадемуазель. Фронда – это непонимание, столкновение интересов и целей, порой это ссора с членами семьи и потеря лояльности бывших приближенных. Непонимание среди наиболее могущественных людей королевства, соответственно, имело наиболее заметные последствия.

Как они видели свою роль, как они оказались участниками крупных беспорядков? Кардинал Мазарини оказался в пучине гражданской войны, будучи законным первым министром и преемником Ришелье. Он настаивал на легитимности своего положения, он мог увеличивать налоги во время Тридцатилетней войны и продолжающейся войны с Испанией и не хотел «делиться» властью и ресурсами. Принц Конде был отодвинут им от государственных дел первой важности и многократно выражал недовольствие, что

⁷⁶⁹ Ibid. P. 12.

не получил место в Королевском совете. Вполне обоснованно принц крови претендовал на привилегии, которыми обладал кардинал-итальянец из семьи мелких землевладельцев, и эта несправедливость сделала Людовика де Бурбона непримиримым оппонентом первого министра, а также поссорила с королевой. Анна Австрийская не имела достаточного опыта, чтобы править без доверенного «политического консультанта», и ее выбор пал на первого министра, а не на принца; естественно, королева защищала кардинала от нападок, потому что ей были нужны его услуги и советы по управлению.

И кардинал, и принц видели свою политическую линию во время Фронды единственно верной и справедливой. Каждый считал себя совершенно невиновным, каждый настаивал на том, что по полному праву ведет свою политическую линию в соответствии с интересами короля, государства и народа. «Виноват» в их представлении, что логично, был политический оппонент.

Анализ писем кардинала и принца к августейшим особам показывает, что основные действующие лица гражданской войны обвиняли друг друга в одном и том же, и эти «грехи» были весьма серьезными. Вот примерный список преступлений, в которых Конде и Мазарини взаимно выдвигали обвинения:

- измена Франции/преднамеренное нанесение вреда государству;
- нанесение вреда народу;
- разжигание гражданской войны;
- распространение клеветы на политического оппонента благодаря влиянию на свои клиентелы.

Эти государственные мужи не могли примириться, потому что каждый считал свои интересы и привилегии более значимыми. Каждый считал себя более достойным вершин власти благодаря важному посту или знатности рода. Фактически Джулио Мазарини и Людовик де Бурбон использовали одни и те же аргументы, но обращали их друг против друга. Это была война одним и тем же оружием, обращенным на противника: они распространяли клевету, старались привлечь на свою сторону влиятельных людей, собрать армии, задействовать другие страны. Возможно, гражданская война продолжалась так долго, потому что

на втором ее этапе – во время Фронды принцев – сильные мира сего использовали очень мощные и многочисленные ресурсы для сопротивления друг другу. Столкновение интересов Конде и Мазарини зародилось до начала гражданской войны, постепенно разгоралось и перешло в стадию открытого конфликта с применением военной силы. Именно их личное соперничество и многочисленность ресурсов, которые несколько лет не кончались, как я предполагаю, были одной из причин затягивания конфликта. Кроме того, настроить французов против пришельца-иностранца было куда легче, чем против принца крови. Для французов нашлось объяснение всех их бед, которые воплотились в одной фигуре. Перефразировав известное для российской истории выражение, мы получаем: «король и принцы – хорошие, итальянец-министр – плохой».

Вероятно, **обвинения из мазаринад и из писем принца «вдохновлялись» друг другом**, так как все эти источники были напечатаны во время Фронды в 1649–1652 гг. Авторы памфлетов могли прочитать открытые письма Конде к королю, к королеве и к кардиналу и развить мысли принца. Сравнение обвинений из писем Конде и из мазаринад показывает, что в этих источниках было много схожих обвинений в сторону кардинала. В мазаринадах против кардинала и письмах Конде есть общая идея: Мазарини является врагом государства и французов, поэтому от него нужно избавиться, выслав из страны или лишив жизни, что свидетельствует о наличии налаженных связей между лагерем принцев и издателями брошюр.

Проанализированные памфлеты примечательны тем, что в них соединились как личные амбиции участников Фронды, так и политические заявления. Анализ этих источников позволяет понять, как политическая борьба выходила за рамки дворцовых интриг, переносась в публичное пространство. В мемуарах аристократы-участники событий могли выразить свою точку зрения постфактум, будучи в лагере побежденных или победителей, в то время как авторы памфлетов транслировали злободневные идеи непосредственно во время гражданской войны, влияя на общественные настроения. По этой причине мазаринады были серьезным информационным оружием во время Фронды, с помощью которого можно было пропагандировать идеи своего лагеря, очернять противника, анонимно устраивать

провокации и писать откровенную ложь, чтобы уничтожить репутацию главы партии или добиться активных действий двора. Письма Мазарини к королеве и к королю, в которых он оправдывался за свои действия и убеждал, что его намерения и действия неправильно истолковали, свидетельствуют об эффективности такого метода борьбы.

В заключение главы приведу цитату современника Фронды Габриэля Ноде⁷⁷⁰ из сочинения «Политические соображения о государственных переворотах»: «Принцы или их министры должны научиться обращаться с публикой и убеждать ее красивыми словами, соблазнять ее и обманывать внешним впечатлением, завоевывать ее и склонять к своим замыслам проповедями и чудесами под предлогом святости или посредством красивых перьев, заставляя их писать подпольные буклеты, манифесты, апологии и заявления, художественно сочиненные, чтобы водить ее за нос и заставляя одобрять на этикетке сумки все, что в ней содержится»⁷⁷¹.

⁷⁷⁰ Габриэль Ноде (1600–1653) – французский ученый, писатель, издатель, библиотекарь Джулио Мазарини и шведской королевы Кристины, создатель первой библиотеки для Мазарини.

⁷⁷¹ Naudé G. *Considérations politiques sur les coups d'État*. Rome, 1639 (éd. consultée: Paris, 1667), P. 242. Цит. По: Jouhaud C. *Propagande et action*. P. 339.

Заключение

Фронда – взрыв противоречий между аристократами и членами их клиентел, выступление недовольного третьего сословия против налогового гнета, подогреваемое пропагандой, борьба сильных мира сего за власть и влияние во время малолетства монарха. Ее анализ в исследовании начинается с распутывания клубка противоречий интересов аристократов, так как одним из элементов, лежащих в основе конфликта на уровне государства, была напряженность между важными участниками событий. Однако отдельно взятые фрондер, мазаринист или кондеанец не обязательно были врагами: они могли не только не строить взаимных козней, но и «дружить против» третьего, помогая друг другу, если это было выгодно. Более важными были личные отношения между участниками, чем партии, к которым они принадлежали.

В первой главе работы изучены конфликты между членами разных партий, в одной партии и между родственниками. Я рассматриваю Фронду как совокупность многочисленных конфликтов, связанных с патрон-клиентскими отношениями, объяснявшими многие поступки участников событий. Клиентелы в большей степени объединяли людей во Франции XVII в., чем партии. Возможно, партии представляли собой не что иное, как клиентелы. Зачастую партии формировались на основе патрон-клиентских или семейных связей дворян, а не наоборот. Аристократ, лояльный Мазарини на первом этапе гражданской войны, мог вслед за патроном перейти в «оппозиционный» лагерь, если тот поссорился с двором – такая ситуация сложилась в жизни графа де Бюсси-Рабютена, клиента принца де Конде.

В главе 1 я анализирую столкновение участников противоборствующих партий Ларошфуко и де Реца, а в главе 3 – соперничество Мазарини и Конде. Принц и кардинал развернули «информационную» войну с помощью писем и ангажированных памфлетов, уничтожили репутации друг друга, переманили множество сторонников, стараясь нанести ущерб клиентеле противника, начали наконец военные действия в прямом смысле этого слова. Ларошфуко и Рец не

располагали такими большими возможностями, но не отставали в изобретательности: их методами были организация нападений и распространение очерняющих друг друга слухов. При этом каждый из них полностью считал себя вправе отстаивать собственную позицию в гражданской войне. Как я думаю, и тот, и другой конфликт повлиял на ход Фронды, но столкновение интересов первого министра и принца крови в большей степени. Несовпадение целей и масштаб ресурсов последних были столь велики, что стали одной из причин продолжения Фронды на втором ее этапе. Также прослеживается следующая тенденция: наиболее длительными и серьезными для участников событий были те конфликты, которые назрели еще до Фронды и были катализированы гражданской войной (например, ссора принца и кардинала).

Конфликты возникали, естественно, и внутри одной партии, ослабляя или, наоборот, усиливая ее за счет «отсева» не самых преданных членов. В этом нет ничего странного: если дворянин понимал, что партия не поможет ему решить те задачи, ради которых он в нее вступил, он стремился выйти из партии. Превыше всего для французских аристократов XVII в. были интересы их семьи, часто совпадавшие с личными резонами, поэтому принадлежность к партии имела второстепенное значение. Так можно объяснить частую смену состава партий и лавирование участников между лагерями. Этот процесс связан с работой патрон-клиентских отношений: если патрон (в случае с принцем Конде и Бюсси-Рабютеном – он же и глава партии) хорошо заботился о клиенте, последний был лоялен первому; если же патрон пренебрегал интересами подопечного, тот мог обидеться и прекратить невыгодную связь. Также участники одной партии могли завидовать более успешным «коллегам» и строить против них козни, как это было в парламентской Фронде в случае с советником Брусселем и первым президентом Моле. Но аресты деятелей парламента на начальном этапе гражданской войны только раззадорили парижский народ и склонили его на сторону старой Фронды, чем усилили партию.

Для участников Фронды, как правило, на первом месте была семья, а уже после все остальное: патрон-клиентские, дружеские, любовные, «партийные» отношения. Хотя обычно аристократы стремились быть со своими родственниками заодно, спорные ситуации возникали не только между участниками одной партии, но и между членами одной семьи. Подобные ситуации были не самыми типичными, ведь семейные отношения имели огромное значение для французов XVII в., и личные интересы дворянина зачастую совпадали с линией его семьи. В исследовании я проанализировала несколько конфликтных ситуаций внутри семей, когда один(на) аристократ(ка) начинали вести собственную политическую линию: например, размолвку между принцем Конде и его ближайшими родственниками, «пассивно-агрессивное» противостояние Старшей Мадемуазель и Гастона Орлеанского.

Из этих историй можно сделать вывод, что аристократ(ка) мог(ла) некоторое время вести собственную политическую линию во время Фронды без поддержки родственников при наличии собственного капитала и влияния, как это было в случае с мадемуазель де Монпансье, получившей солидное наследство от матери. Могущественная и богатая женщина, обдумавшая политическую стратегию, могла, по крайней мере, в течение некоторого периода действовать независимо и оказывать заметное влияние на исторические события. Также становится ясно, что любовные похождения участников Фронды во многом были не развлечением, а средством получения ресурсов и укрепления межличностных связей, которые использовались для ведения собственной политической линии.

Однако в перспективе более успешной оказывалась та партия, ядро которой состояло из сплоченных единой целью родственников: лагерь двора победил кондеанцев в том числе потому, что их серьезные оппоненты – Конде, Конти и мадам де Лонгвиль – в очередной раз поссорились друг с другом.

Важным фоном для конфликтов в аристократическом кругу были страдания простых французов, оказавшихся современниками военных действий не по собственной воле. Многочисленные упоминания о тяготах народа во время

гражданской войны были использованы авторами памфлетов «мятежников» для очернения Мазарини. Они стали одним из важных пунктов фрондерской и кондеанской пропаганды. Неслучайно мадемуазель де Монпансье, кардинал де Рец и принц Конде в мемуарах или мазаринадах были преподнесены в качестве «друзей народа».

Таким образом, противоречия между значительными участниками событий нередко имели столь большое значение, что влияли на ход Фронды в целом, и это можно проследить по источникам.

Изучив конфликты аристократов, во второй главе я анализирую проявления мирных взаимоотношений во время гражданской войны. Примеры истинной и функциональной дружбы, преданности, влюбленности и почтения в отношениях аристократов, а также попытки запутать противника ложными проявлениями лояльности стали материалом для данной части исследования. Среди видов мирных взаимоотношений аристократов мне встретились своеобразные тандемы, построенные по принципу: важный участник гражданской войны из королевской семьи с одной стороны (к примеру, Анна Австрийская, Гастон Орлеанский, принц Конде) и его «политический консультант», «оракул» – с другой (кардинал Мазарини, коадьютор, герцог Ларошфуко).

Ярким примером лояльности и крепкого политического тандема являются Анна Австрийская и Мазарини. Согласно мемуарам участников событий, королева испытывала сложности во время регентства, так как не имела достаточного политического опыта для управления страной. Людовик XIII отстранял ее от государственных дел, но после смерти супруга королеве пришлось активно в них включиться. Анне Австрийской требовался надежный политический консультант, которым стал кардинал Мазарини. По сообщениям мемуаристов, она во всем слушалась его и не предпринимала никаких важных шагов без совещания с доверенным лицом. Отношения королевы и министра были столь крепкими и

постоянными, что злые языки фрондеров и кондеанцев назвали их любовными, что не доказано⁷⁷².

Другим ярким политическим тандемом Фронды были герцог Орлеанский и коадьютор. В данном случае сложно сказать, основывалась ли их взаимная лояльность на участии в одной партии. Гонди был вдохновителем и активным деятелем первого этапа гражданской войны, а ближе к завершению конфликта он так часто лавировал между «мятежниками» и двором, что его сложно назвать участником конкретной партии. Гастон Орлеанский постоянно лавировал, склоняясь то к парламентской Фронде, то к принцам, окончательно «открестившись» от «бунтовщиков» осенью 1652 г.

«Правой» рукой принца Конде можно назвать активную участницу его партии – Старшую Мадемуазель. Ее однозначно можно назвать лояльным доверенным лицом, готовым служить партии и связями, и ресурсами, и смелыми поступками. Мадемуазель была одной из наиболее последовательных участниц Фронды, так как она не меняла партию и не колебалась между лагерями. Однако я не встретила в источниках упоминаний о том, чтобы принц выхлопотал для нее новые земли или помог ей еще каким-либо образом в качестве патрона. Вероятно, она в этом и не нуждалась благодаря наследству от матери. Также стоит упомянуть «оракула» принца Конде – герцога Ларошфуко, который отличился преданностью по отношению к своему покровителю. Де Ларошфуко был последовательным в лояльности лагерю кондеанцев и не лавировал между партиями.

«Мемуары» кардинала де Реца содержат большое количество упоминаний дружбы, поэтому являются важным источником для исследования отношений лояльности аристократов во время гражданской войны. Согласно его воспоминаниям, преданные люди были готовы заступиться за него в военном столкновении, найти деньги на его предприятия, приехать со всех концов Франции, чтобы поддержать его, даже выхлопотать для него кардинальскую шапку у двора и

⁷⁷² Шифры и тайные знаки в переписке кардинала Мазарини и королевы Анны Австрийской могли скрывать важную информацию, касающуюся партии двора во время Фронды, а не проявления привязанности.

Рима. Конечно, важно «сделать скидку» на достоверность источника личного происхождения: коадьютор любил приукрасить события и, в особенности, собственный портрет. Вполне возможно, что он специально расписывал яркими красками лояльность своих клиентов, чтобы кондеанцы на их фоне выглядели как корыстолюбцы, поддерживавшие принца только ради выгод.

Действительно, многих дворян привлекали перспективы, которые давала «дружба» с принцем – участие в его клиентеле и партии. В главе приводится анализ отношений покровительства между патроном и клиентами в дворянской клиентеле на основе материалов о кондеанцах. На примере данной партии видно, что действия партии, ее методы и состав напрямую связаны: так как в клиентеле принца-полководца было много дворян из армии, его партия часто использовала военные методы борьбы с «оппонентами». Отношения принца с родственниками не были стабильно хорошими, однако в «мирные» периоды их взаимодействия Конде заботился о них как о самых важных членах партии и клиентелы.

Отношения лояльности в партиях фрондеров и кондеанцев отличались из-за большой разницы в статусах первых лиц. Принц крови стоял намного выше коадьютора, поэтому у него было больше влияния и ресурсов. Соответственно, надежды дворян его партии были значительными: они хотели существенно улучшить свой статус, получить новые земли, привилегии, деньги и т.д. Если Конде, склонный к фаворитизму и «охлаждениям» к клиентам, не оправдывал их, он мог недосчитаться лояльных участников. Конечно, это не значит, что фрондеры во время гражданской войны не теряли членов своей партии, но и ожидания от парламентской группировки не могли быть столь высоки.

«Ложной» лояльностью участники Фронды зачастую успешно запутывали противников, выведывали у них важную информацию о делах противоборствующей партии, заставляя «оппонентов» ссориться между собой или вести себя так, как было угодно «двойному агенту». Но необязательно у «ложного» друга были настолько черные мысли: иногда дворяне колебались между партиями, потому что не могли выбрать одну сторону, не могли определить, в каком из лагерей

получится реализовать личные интересы, либо хотели остаться вне партий, чтобы примыкать то к одной, то к другой в зависимости от ситуации. Иногда дворяне были недовольны условиями в партии, из-за чего начинали лавировать. Вопрос о принадлежности к партии был неоднозначным: например, де Рец в «Мемуарах» всегда называл себя «фрондером», а в брошюрах о нем могли написать как о «мазаринисте».

В целом можно сказать, что наиболее последовательными и лояльными участниками партии были те аристократы и дворяне, кого удовлетворяли их положение и условия в ней, то есть пока совпадала политика ее первого лица и их интересы, кто не испытывал острой нужды в деньгах и имел с главой партии хорошие личные отношения.

Для изучения межличностных отношений аристократов во время Фронды было важно понять, какие были позиции ключевых действующих лиц и как они воспринимали своих политических оппонентов. Фронда была войной, которая велась не только оружием, но и пропагандой, распространявшейся в том числе с помощью мазаринад. Принципиальной целью большинства проанализированных памфлетов было очернить противников и склонить читателей на сторону того лагеря, который заказал брошюру. Кроме того, образ таких ведущих участников Фронды, как принц де Конде, кардинал Мазарини, королева Анна Австрийская, Гастон Орлеанский, Старшая Мадемуазель и др. сложился во многом благодаря мазаринадам и опубликованным письмам и укрепился в мемуарах современников.

Принц Конде и кардинал Мазарини развернули друг против друга информационную войну в письмах, которые были не только отправлены королю и королеве, но и опубликованы в 1651–1652 гг. Анализируя их, можно составить список взаимных обвинений и свидетельств преданности короне. Если любовный язык участники Фронды часто использовали для налаживания функциональной дружбы и политических связей, то в переписке с августейшими особами было принято объяснять свои действия интересами Франции и короны. Каждый автор,

очевидно, стремился не только навредить противнику, но и убедить короля с королевой в своей правоте. Вероятно, и принц, и первый министр стремились убедить августейших особ в том, что все их предприятия были направлены на благо Франции и короны. Анна Австрийская, нуждаясь в помощи в управлении страной, сделала ставку на первого министра, чем еще больше настроила против него принца крови.

И кардинал, и принц заявляли, что без колебаний ставили интересы Французского королевства выше собственных, перечисляли заслуги перед государством, а также жертвы ради него. Конде вспоминал военные подвиги Тридцатилетней войны, Мазарини делал акцент на том, что в ущерб материальному и общественному положению безоговорочно покинул страну, когда от него это потребовалось.

В реальности эти «сильные мира сего» далеко не были бескорыстными, оба боролись за лидерство в нестабильный для Франции исторический момент регентства после смерти Людовика XIII: принц был обижен, что кардинал опередил его в системе рангов и вытеснил из первых рядов политических деятелей, не дал занять место в совете, а министр – выходец из скромной итальянской семьи – впервые в жизни достигший высокого положения, всеми силами держался за большую должность и возможность обогащаться. Их личное соперничество, начавшееся еще при жизни кардинала Ришелье, обострилось во время Фронды и было одной из причин эскалации конфликта.

Министр и принц крови «жонглировали» одними и теми же обвинениями: распространение клеветы, угрозы отнять жизнь или свободу, сбор армий и перевод конфликта в «горячую» фазу, преднамеренное нанесение вреда государству, злоупотребление высоким положением в стране. Конде добавлял к «списку грехов» Мазарини «угнетение» французов, к которым причислял и себя. В интерпретации принца кардинал своим враждебным поведением вынудил его покинуть столицу прямо перед церемонией совершеннолетия короля, то есть подставил Конде, заставив двор усомниться в его лояльности. Согласно аргументации кардинала, и

старая Фронда, и Фронда принцев – все это была «опасная зараза», сжигающая государство изнутри. Оба обвиняли друг друга, в том, что агрессивное поведение оппонента вынудило их собирать войска. Мазарини настаивал, что король нуждался в защите от «ополчившегося против него» принца, а последний доказывал, что хотел остановить «поход» изгнанного итальянца на Францию, потому что тот преследовал цель с оружием в руках вернуть себе «место у кормушки». Очевидно, что причины перехода к военным действиям на втором этапе Фронды были намного глубже, и оппоненты не были полностью искренны, когда обосновывали свои действия перед королем и королевой. Имели место и политические, и экономические, и семейные резоны. Известно, например, что мадам де Лонгвиль уговаривала брата начать войну, так как иначе ей бы пришлось покинуть эпицентр событий и вернуться под надзор мужа, опечаленного ее изменами.

В мазаринадах повторяются обвинения в сторону Мазарини из писем принца, что наводит на мысль о тесном сотрудничестве анонимных авторов брошюр и лагеря Конде. Тема угнетения народа из посланий Людовика де Бурбона развивается в «Преследуемой нищете» и других памфлетах. Образ политика нарисован черной краской: министр представлен как иностранец-кровопийца, который обирает простых людей ради собственного кошелька, ведь ему ни к чему заботиться о чужой стране. Заграничное и не самое высокое происхождение первого министра усиливало чувство отчуждения у французов, а сказочное состояние кардинала позволило назвать его «вором». «Неблагонадежность» семьи и иностранные корни – все это подводило к мысли о том, что Мазарини занимал необоснованно высокое для него положение, а также не заслуживал доверия. Темой нападок на кардинала также были отношения с королевой: многие авторы мазаринад намекали на их связь, так как ничем другим не могли объяснить, почему Анна Австрийская еще не изгнала навсегда «этого итальянца» и «кровопийцу».

В мазаринадах встречаются портреты и других важных участников Фронды, таких как король, королева, принц Конде, первый президент парламента, герцог

Орлеанский, мадам де Шеврез, мадемуазель де Монпансье и других, хотя они и уступают частотой упоминаниям кардинала. Королева показана как ослепленная чарами кардинала женщина – в это несложно поверить, рассматривая портреты харизматичного итальянца –, которая не ведает, что творит. Ее образ постепенно мрачнеет, памфлетисты обвиняют в равнодушии к народным тяготам, из «овечки» она превращается в «львицу». Образ Мадемуазель выгодно подсвечен на фоне королевы; авторы подчеркнули ее «народность» и принадлежность к «правильному» кондеанскому лагерю. Принц, упомянутый в одних памфлетах мимоходом, назван в других «героем» и «спасителем Франции». Гастон Орлеанский подан как «глубокий политик» и умный, однако не уверенный в себе человек, склонный поддаваться влиянию со стороны.

В настоящей работе я попыталась «распутать клубки» межличностных отношений аристократов-участников Фронды, найти в лабиринте нить Ариадны, о которой писал М. Перно⁷⁷³. Я была в корне не согласна с исследователями, которые считали эту гражданскую войну лишь цепью интриг, заведомо лишённых смысла. Участники Фронды, рассмотренные в диссертации, преследовали личные цели, но нельзя отказать им и в борьбе за свои представления о «справедливом» устройстве государства. Многие французские дворяне возмущались из-за возвышения министра-итальянца и не были готовы без сопротивления смириться с его господством. С точки зрения «бунтовщиков», выскочка-иностранец не мог быть легитимным советником короля или регентши, представлявшей интересы монарха во время его малолетства; благодаря влиянию на королеву «сицилийский тиран» «узурпировал» это важнейшее положение, на которое претендовали принцы крови или парламент.

Фронду можно рассматривать как проявление более глобального процесса – кризиса XVII в. Протест был свидетельством того, что монархия во Франции на время ослабла из-за малолетства короля и находилась в переходном положении,

⁷⁷³ Pernot M. La Fronde. P., 2022. P. 10.

что во французской монархии происходили изменения. Борьба за власть влиятельных фигур Фронды показала реакцию общества на переходный период в государстве, в котором происходил постепенный процесс усиления центральной власти. Монарх, ранее «первый среди равных», постепенно становился близким к абсолютному властителю. Альтернативный, «парламентский» путь⁷⁷⁴ французской государственности, который состоял в укреплении судебно-правовых начал, болезненно пересекся с путем централизации и потерпел поражение.

События Фронды свидетельствуют также об изменениях в обществе, в частности, в соотношении сил внутри дворянства. Во Франции середины XVII в. велась схватка за то, что Норберт Элиас назвал «шансами» и «правом управления монополией», прямым образом связанными с «сетью человеческих взаимоотношений»⁷⁷⁵. Поэтому для понимания политических событий гражданской войны анализ межличностных связей дворян имеет принципиальное значение. Борьба была направлена уже не на уничтожение «монополии», а на получение возможности управления ею, то есть за распределение⁷⁷⁶. Для достижения успеха в такой конкурентной борьбе требовались иные человеческие качества; свободное феодальное дворянство начало ослабевать, уступая придворному дворянству. Принцы, сражавшиеся за власть и влияние на короля, оказались слабее сплоченного двора. Подавление Фронды правительственной партией способствовало перевесу административных методов управления, усилению короны и концентрации власти в руках монарха, о чем свидетельствует история единоличного правления Людовика XIV. Эти рассуждения подводят к мысли, что Фронда не была лишь случайным столкновением интересов аристократов, ведь, к примеру, французские придворные конца XVII – начала XVIII вв. также не были и не могли быть во всем согласными друг с другом, однако их недовольство не проявлялось в открытом бунте.

В надежде быть беспристрастным и объективным историком (хотя и была мысленно на стороне «бунтовщиков»), я искала подтверждения сюжетов,

⁷⁷⁴ Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009. С. 459–460.

⁷⁷⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. СПб., 2001. Т. II. С. 113.

⁷⁷⁶ Там же.

описанных одним мемуаристом, в источниках других авторов эпохи, стараясь понять мотивацию поступков аристократов. Одна история вела к другой, один мемуарист приводил детали, серьезно менявшие историю, рассказанную вторым. Чем дальше я продвигалась, тем больше видела, что каждый шаг аристократа-важного участника событий: одобрительный или косой взгляд, как бы невзначай брошенная фраза, почерк письма и подписи к нему, «довольный вид», благословение священника и просьба о нем – все это, во-первых, свидетельствовало о межличностных отношениях аристократов и их «статусе» на данный момент, и, во-вторых, часто оказывало заметное влияние на их последующие действия, которые, в свою очередь, могли серьезно отразиться на событиях Фронды.

Чем дальше я продвигалась, тем больше видела, насколько много ниточек сходились воедино в тех событиях, которым мемуаристы уделяли несколько страниц, а авторы современных учебников по истории Франции – несколько строк. Фронда настолько богата сохранившейся о ней информацией, что невозможно осветить все повороты ее сюжета в одном исследовании. В этой работе я стремилась показать, насколько значимыми были личные связи аристократов и как сильно они влияли на исторические события.

Я надеюсь, что в отечественной науке интерес к Фронде и ее персоналиям сохранится и увеличится. Фронда представляет богатый материал для развития таких направлений, как история повседневной жизни, женщин, гендерная история, микроистория, историческая психология. Историкам, литературоведам и всем интересующимся Фрондой, я уверена, предстоит совершить множество важных наблюдений и открытий.

Список источников и литературы

Источники

Мемуары, дневники, переписка

1. *Bussy-Rabutin R.* Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. P., 1698. – 2 t.
2. *Bussy-Rabutin R.* Les mémoires de messire Roger de Rabutin, comte de Bussy. Amsterdam, 1731. – 2 t.
3. *Dubuisson-Aubenay F.-N.* Journal des guerres civiles de Dubuisson-Aubenay: 1648–1652. P., 1883. – 2 t.
4. *Joly G.* Mémoires // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. P., 1838. T. 3. – 632 p.
5. *La Rochefoucauld F.* Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865. – 540 p.
6. Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère. T. 4 / recueillies et publ. Par M. A. Chéruel [puis, pour les t. VII à IX] par M. le Vte G. d'Avenel. 1872–1906. – 841 p.
7. *Cardinal de Retz.* Oeuvres du Cardinal de Retz / Ed. A. Feillet, J. Gourdault et R. de Chantelauze. Grands écrivains de la France. P., Hachette. 1870–1920. – 10 t. (Mémoires. 1870–1880. T. 1–5).
8. *Madame de Motteville.* Anne d'Autriche et la Fronde: d'après les Mémoires de madame de Motteville / texte établi par Henry Chapoy. P., 1882. – 506.
9. *Montpensier A.-M.* Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. – 2 t.

Роман с ключом

10. *Bussy-Rabutin R.* Histoire amoureuse des Gaules. Liege, 1665. – 258 p.

Мазаринады и письма-памфлеты

(Национальная библиотека Франции, Париж)

11. Déclaration faite par Son Altesse royale (Gaston d'Orléans) et par Monsieur le Prince (de Condé) dans le Parlement, Chambre des comptes, Cour des aydes et maison de ville de Paris, sur le sujet de l'esloignement du cardinal Mazarin. (22 août 1652). Paris: impr. de Vve J. Guillemot, 1652. – 7 p.
12. La conference secrette tenue a Pontoise entre le Roy, la Reyne, Le Cardinal Mazarin, Messieurs les Princes & plusieurs autres Grands Seigneurs de la Cour. A Paris. 1651. – 16 p.
13. La France parlant a monsieur le duc d'Orleans endormy. [S. l.], 1649. – 4 p.
14. La Verité Continuant de prononcer ses Oracles sans flatterie. I. Sur Mademoiselle. II. Sur le premier President. III. Sur le Marquis de Chasteau-neuf. IIII. Sur la Duchesse de Chevreuse. V. Sur le Comte de Harcourt. VI. Sur le Mareschal de Turenne. VII. Sur le Comte de Servient. VIII. Sur le Conseil d'Espagne. IX. Sur le Conseil du Roy. X. Et sur Mazarin. [Claude Du Bosc de Montandré], [S. l.], 1652. – 21 p.
15. La verite reconneue par Monseigneur le Prince de Condé, sur les entreprises de la Reyne contre la Ville de Paris. A Paris, Chez Pierre Lombard, au Mont sain [sic] Hilaire. 1652. – 7 p.
16. La verité sans masque de la misere persecutee, ou La plainte des pauvres a la Reine, contre le cardinal Mazarin. [S. l.], 1649. – 8 p.
17. L'Estat en trouble Par le Gouvernement des Estrangers. Où l'on verra que c'est une maladie ordinaire à tous les Estats de ne pouvoir souffrir un Gouvernement Estranger, & que tant que nous serons gouvernez par eux; il est bien difficile que nous ayons une bonne Paix. Par M. N. R. F. I. A Paris. Chez Antoine

Chrestien, Imprimeur, rue des Sept-Voyes, devant le College de Fortet. 1652. – 15 p.

18. Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne. [S. l.], 1652. – 4

p.

19. Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. [S. l.], 1652. – 16 p.

20. Lettre de Monsieur le Prince de Condé escrite au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. [S. l.], 1652. – 14 p.

21. Lettre de Monsieur le Prince a Son Altesse royale. Sur le sujet de son esloignement de la cour. Du 13 septembre 1651. Jouxte la copie imprimée à Paris, chez Nicolas Vivenay, tenant sa boutique au Palais. 1651. – 4 p.

22. Lettre de la Reyne envoyée au cardinal Mazarin, pour se retirer hors du royaume de France. [S. l.], 1651. – 6 p.

23. Lettre escrite au Roy par Monsieur le Prince sur le sujet de son absence, a l'action de sa majorité. A Paris, chez Nicolas Vivenay, tenant sa boutique au Palais. 1651. – 4 p.

24. Lettre de monseigneur le prince de Condé escrite au C. Mazarin. Jouxte la coppie imprimée à Bordeaux. 1652. – 7 p.

**Мазаринады (Государственная публичная историческая библиотека
России, Москва)**

25. Advis de seigneur le coadjuteur prononce au parlement, pour l'éloignement des creatures du cardinal mazarin le 12 juillet. [Le cardinal de Retz], à Paris, de l'impremerie de la Veufue I. Guillemot, rue des Marmouzets, proche l'Eglise de la Magdeleine. 1651. – 8 p.

26. Apologie du reverend pere chartreux, contre le P. Faure, sur la Responce à la harangue faite à la Reyne. A Paris. 1652. – 24 p.

27. Dereglement de l'estat, Où les curieux verront que les veritables causes des desordres sont: 1. Le mespris de la Religion dans la division de les

Docteurs, dans la Politique des Predicateurs, & dans le mauvais exemple des Grands. II. La confusion des trois Estats, dans l'ambition déreglée du Clergé, dans l'abus de la Noblesse; & dans le luxe du Peuple. III. L'impunité des crimes dans les personnes publiques. IV. La trop grande abondance des richesses dans les Ecclesiastiques V. Le mauvais usage de la Politique dans la pratique des maximes Italiennes, contraires à la simplicité des François. [Bosc de Montandré C.], [S. 1.], 1651. – 16 p.

28. Discours libre et veritable, sur les conduites de monseigneur le prince, et de monseigneur le coadiuteur. [Le cardinal de Retz], [S. 1.], 1651. – 24 p.

29. La Pierre de Touche faisant voir que le Cardinal Mazarin & ses adherans, sont les plus grands ennemis du Roy, de son Estat, de son Peuple & de la Ville de Paris. A Paris Chez Samuel de Larru pres S. Estienne. 1652. – 30 p.

30. La France désolée aux pieds du roy. Où le Gouvernement tyrannique de Mararin est succinctement décrit. [S. 1.], 1649. – 8 p.

31. L'aveglement de la France depuis la minorité. [Bosc de Montandré C.], [S. 1.], [S. d.]. – 29 p.

32. Le prophete veritable de messieurs de Paris, envoye a la reyne sur leurs dernieres resolutions. A Paris d'Escosse aux trois Cremailleres. 1652. – 6 p.

33. L'esprit du feu roy Lovis le Ivste a la reyne. Luy tesmoignant ses sensibles regrets sur le mauvais gouvernement de l'Estat. A Paris. 1652. – 25 p.

34. Le secret de la cour. [S. 1.], [S. d.]. – 11 p.

35. Le Secret de la retraite de Monseigneur le Prince. Contenant une fidelle et courte deduction de toutes les intrigues qu'on a joué dans l'Estat depuis son eslargissement harangue faite a la reyne par un reverend père chartreux, pour la paix. [S. 1.], [S. d.]. – 30 p.

36. Les balades servant à l'histoire. Reveuës & Augmentées. A Paris, Chez Nicolas Vivenay, Imprimeur ordinaire de Monseigneur le Prince de Condé. 1652. – 12 p.

37. Les trahison du cardinal Mazarin, descubertes par Mr le prince: envoye'es avx bons bourgeois de Paris, sur son pretendu retour en France. Bordeaux, chez Guillaume Jacour, imprimeur ordinaire du roy. 1651. – 7 p.

38. Le Tymbre de l'hostel de ville, parlant au cardinal Mazarin, sur les assemblees des princes. A Paris d'Escosse aux trois Cremailleres. 1652. – 8 p.

39. Première partie des intrigues de la paix et des négociations faites à la Cour par les amis de Monsieur le Prince, depuis sa retraite en Guyenne jusques à présent. [Joly G.], [S. l.], 1652. – 8 p.

Сборники газет времени Фронды (Государственная публичная историческая библиотека России, Москва; Национальная библиотека Франции, Париж)

40. Courrier françois, apportant toutes les nouvelles de ce qui s'est passé depuis sa première arrivée jusques à présent. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649.

41. Le courier françois apportant toutes les nouvelles véritables de ce qui s'est passe depuis l'enleuement de Roy, tant à Paris, qu'à S. Germain en Laye. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649.

42. Recueil des gazettes nouvelles ordinaires et extraordinaires. Relations et recits des choses avenues toute l'année 1649. Par Theophraste Redaudot. A Paris, du Bureau d'Adresse, aux Galleries du Louvre. 1650.

Словарные издания

43. Dictionnaire de l'Académie françoise, dédié au Roy. Vve J.B. Coignard et J.B. Coignard (Paris), 1694. [Официальный сайт] URL: <https://dictionnaire-academie.fr/> (дата обращения: 24.04.2025).

44. Nouveau dictionnaire de l'Académie françoise. J.-B. Coignard et J.-B. Coignard (Paris), 1718. [Официальный сайт] URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A2P0221> (дата обращения: 22.05.2025).

45. *Moréri L.* Le Grand Dictionnaire historique. Amsterdam, 1740. Vol. 7. – 1100 p.

Литература

Общая литература по периоду. Исследования социальной истории Франции XVI–XVII вв.

46. *Блюш Ф.* Людовик XIV. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998. – 815 с.
47. *Козандей Ф.* Церемониальная политика во Франции XVI-XVII вв. // Французский ежегодник. 2014. С. 239–251.
48. *Люблинская А.Д.* Франция при Ришелье: французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л.: Наука, 1982. – 275 с.
49. *Малов В.Н.* Людовик XIV: опыт психологической характеристики // Новая и новейшая история. 1996. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/LOUIQUAT.HTM>
50. *Малов В.Н.* Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник. 2005. С. 96–142.
51. *Манфред А.З.* История Франции: в трех томах. М.: Наука, 1972. Т. 1. – 360 с.
52. *Метивье Ю.* Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М.: АСТ: Астрель, 2005. – 192 с.
53. *Новосёлов В.Р.* Французская армия в эпоху Людовика XIV до начала войны за испанское наследство // Сен-Симон. Мемуары. 1691–1701. М.: Ладомир, 2007. – 992 с.
54. *Хеншиелл Н.* Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. А.А. Паламарчук, Л.Л. Царук, Ю.А. Малахова; отв. ред. С.Е. Федоров. – СПб.: Алетейя, 2003. – 271 с.

55. *Шишкин В.В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб.: Евразия, 2004. – 288 с.
56. *Шишкин В.В.* Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб.: Евразия, 2018. – 544 с.
57. *Элиас Н.* Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
58. *Jouanna A.* Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'Etat moderne, 1559–1661. P.: Fayard, 1989. – 504 p.
59. *Kettering S.* Patrons, brokers and clients in Seventeenth-Century France. New York, Oxford University Press, 1986. – 332 p.
60. *Kettering S.* Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Aldershot: Ashgate, 2002. – 286 p.
61. *Lavisse E.* Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution. Louis XIV: histoire d'un grand règne, 1643–1715. P.: Hachette, 1901. – 3 t.
62. *Lavisse E.* Louis XIV, P.: Tallandier, 1978. – 2 t.
63. *Normand Ch.* La bourgeoisie française au XVIIe siècle. La vie publique. Les idées et les actions politiques 1604–1661. P.: Félix Alcan, 1908. – 432 p.
64. *Mandrou R.* Louis XIV et son temps. P.: Presses universitaires de France, 1973. – 579 p.
65. *Mousnier R.* Paris capitale au temps de Richelieu et de Mazarin. P.: A. Pedone, 1978. – 310 p.
66. *Ranum O.* Les parisiens du XVIIe siècle. P.: A. Colin, 1973. – 350 p.
67. *Voltaire.* Le siècle de Louis XIV. Nouvelle édition, augmentée d'un très grand nombre de remarques. Francfort, chez la veuve Knoch & J.G. Eslinger. 1753. – 3 t.

Методологическая литература

68. *Бахман-Медик Д.* Культурные повороты / пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.

69. *Голубович И.В.* Биография: методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемиология и философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 84–97.
70. *Гусельцева М.С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019. – 375 с.
71. *Дильтей В.* Основная мысль моей философии // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 122–123.
72. *Зидер Р.* Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis, 1993. Вып. 1. С. 163–181. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/108/314/1234/1_4_2Sied.pdf
73. *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 271 с.
74. *Никифорова Н.В.* Научная традиция истории понятий и ее культурологический потенциал // Философия права. 2010. С. 104–109.
75. *Пешперова И.Ю.* Просопографические исследования петербургской философии // Архонт. 2021. С. 61–69. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosopograficheskie-issledovaniya-peterburgskoy-filosofii>
76. *Селин А.А.* Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг. // Материалы Международного научного семинара «Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы» [Текст] / А.А. Селин; Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2013. – 144 с.
77. *Тимофеева Т.Ю.* «Мы жили обычной жизнью?» Семья в Берлине в 30–40-е гг. XX в. М.: РОССПЭН, 2011. – 182 с.
78. *Тимофеев Д.В.* Методология «Истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой

четверти XIX века // Новое прошлое / The New Past. 2016. С. 155–168. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-istorii-ponyatiy-ot-teorii-k-praktike-issledovaniy-istorii-obschestvennoy-mysli-rossii-pervoy-chetverti-xix-veka>

79. *Geertz C.* Blurred Genres: The Refiguration of Social Thought // *The American Scholar*, Vol. 49, № 2, 1980. 165–179 pp. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/41210607>

80. *Stone L.* Prosopography // *Daedalus*, Vol. 100, №1, Historical Studies Today, 1971. 46–79 pp. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/20023990?seq=1>

81. *Turner V.* Process, System, and Symbol. Anthropological Synthesis // *Idem.* On the Edge of the Bush. Anthropology as Experience. Ed. Edith L. B. Turner. Tucson, 1985. – 328 p.

Межличностные отношения. Дружба, любовь, семья. Подходы к изучению

82. *Бескова Л.А.* Межличностные отношения в контексте социально-культурных стратегий различных эпох // *Человек: грани философской рефлексии.* М., 1996. С. 64–70.

83. *Прокофьева А.Ю.* Эмоциональный аспект межличностных отношений в российской городской семье XVIII в.: к постановке проблемы // *Вестник Московского университета. Серия 8: История. Научный журнал.* 2011. С. 31–37.

84. *Стогова А.В.* "Добрый друг": социальная идентичность придворного времен Анны Австрийской и Людовика XIV // *Мир Клио: сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной.* 2007. – 2 т. С. 374–396.

85. *Стогова А.В.* Дружба и друзья в представлениях французов XVII века (по сочинениям Ларошфуко) // *Человек в мире чувств: Очерки по истории част. жизни в Европе и некоторых странах Азии до нач. нового времени.* М., 2000. С. 192–220.

86. *Martine S.* Amours et mariages de l'ancienne France. P.: Berger-Levrault, «Arts et traditions populaires», 1981. – 180 p.
87. *Collomp A.* La Maison du père. Famille et Village en haute Provence aux XVIIe et XVIIIe siècles. P.: PUF, 1983. – 341 p.
88. *Fauve-Chamoux A.* Le surplus urbain des femmes en France préindustrielle et le rôle de la domesticité // *Population*. № 1–2. 1998. 359–378 pp.
89. *Flandrin J.-L.* Familles. Parenté, Maison, Sexualité dans l'ancienne France. P.: Hachette, 1976. – 288 p.
90. *Flandrin J.-L.* La vie sexuelle des gens mariés dans l'ancienne société: de la doctrine de l'Église à la réalité des comportements // *Sexualités occidentales. Contribution à l'histoire et à la sociologie de la sexualité / sous la direction de Philippe Ariès et André Béjin*. 1982. 102–115 pp.
91. *Karnoouh C.* Penser "maison", penser "famille". Résidence domestique et parenté dans les sociétés rurales de l'est de la France // *Études rurales*. 1979. № 75. 35–75.
92. *Rey M.* L'Amitié à la Renaissance Italie, France, Angleterre. 1450–1650. San Domenico: European University Institute, 1999. – 231 p.
93. *Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800. London: Weidenfeld & Nicolson, 1977. – 860 p.
94. *Solé J.* L'Amour en Occident à l'époque moderne. P.: Albin Michel, 1976. – 312 p.

Изучение Фронды

95. *Малахова С.И.* Для французского министра грех быть итальянцем? Дебаты в памфлетах Фронды // *Патриотизм как историко-психологическое явление: Материалы LVIII Международной научной конференции*. Санкт-Петербург, 16 декабря 2025 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2025. С. 199–204.
96. *Малахова С.И.* Современная зарубежная историография Фронды (1648–1653) // *Преподавание истории в школе*. 2024. № 10. С. 82–86.

97. *Малов В.Н.* Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М.: Наука, 2009. – 497 с.
98. *Малов В.Н.* Фронда // *Вопр. истории.* 1986. № 7. С. 76–87.
99. *Кожокин Е.М.* Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции. М.: Наука, 1989. – 176 с.
100. *Поршнев Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М: Издательство Академии Наук СССР, 1948. – 724 с.
101. *Шишкин В.В.* Знатные дамы при дворе Анны Австрийской и политическая борьба во Франции в 30–40-е гг. XVII в. // *Идеология и политика в античной и средневековой истории.* Барнаул, 1995. С. 132–141.
102. *Béguin K.* Changements de partis et opportunisme durant la Fronde (1648–1653). La mort de la politique ancienne? // *Politix.* 2001. Т. 14. № 56. 43–54 pp.
103. *Brown H.G.* Mass Violence and the Self: From the French Wars of Religion to the Paris Commune, London: Cornell University Press, 2018. – 296 p.
104. *Capefigue R.* Richelieu, Mazarin, la Fronde et le règne de Louis XIV. P.: Duféy, 1835–1836. – 7 t.
105. *Chéruel A.* Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV. P.: Hachette, 1879. – 4 t.
106. *Constant J.-M.* C'était la Fronde. P.: Flammarion, 2016. – 397 p.
107. *Descimon R.* Les barricades de la Fronde parisienne. Une lecture sociologique *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations.* 1990. № 2. 397–422 pp.
108. *Jouhaud C.* Geoffroy Gay: une lecture de la Fronde bordelaise // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale.* 1979. Т. 91. № 143. 273–295 pp.
109. *Lorris P.-G.* La Fronde, P.: Michel, 1961. – 422 p.
110. *Mailly J-B.* L'esprit de la Fronde, ou l'histoire politique et militaire des troubles de France pendant la minorité de Louis XIV. P.: Moutard, 1772. – 5 t.
111. *Pernot M.* La Fronde: 1648–1653. P.: Tallandier, 2022. – 475 p.

112. *Sainte-Aulaire L. de*. Histoire de la Fronde. P.: E. Ducroco, 1860. – 3 t.

Изучение мазаринад и переписки во время Фронды

113. *Angebault C*. Théologie des clés et censure du public: lecture d'une mazarinade à clé du Sieur de Sandricourt intitulée Le Censeur du temps et du monde, portant en main la clef promise // Littératures classiques. № 54. 2005. 45–58 pp.

114. *Bakos A*. Images of Hell in the Pamphlets of the Fronde // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 2000. Vol. 26. № 2. 335–353 pp.

115. *Crinquand S*. La correspondance privée, simulacre d'autobiographie? // Caliban. 1994. № 31. 147–154 pp.

116. *Dulong-Sainteny C*. Les signes cryptiques dans la correspondance d'Anne d'Autriche avec Mazarin, contribution à l'emblématique du XVIIe siècle // Bibliothèque de l'école des chartes. 1982. T. 140. 61–83 pp.

117. *Jouhaud C*. Écriture et action au XVIIe siècle: sur un corpus de mazarinades // Annales. Economies, sociétés, civilisations. № 1, 1983. 42–64 pp.

118. *Jouhaud C*. Propagande et action au temps de la Fronde // Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984), 1985. 337–352 pp.

119. *Garapon J*. Les mémorialistes et le réel: L'exemple du Cardinal de Retz et de mademoiselle de Montpensier // Littératures classiques. 1989. № 11. 181–189 pp.

120. *Maigne V*. Anecdotes en chansons sous le règne de Louis XIV: de la fronde populaire au divertissement aristocratique // Cahiers Saint Simon. 1995. № 23. 17–23 pp.

121. *Tribout B*. La mémoire de mazarinades: une critique politique sous Louis XIV // Revue d'Histoire littéraire de la France. 2015. № 4. 933–950 pp.

122. *Seifert L*. Eroticizing the Fronde: Sexual Deviance and Political Disorder in the "Mazarinades" // L'Esprit Créateur. 1995. Vol. 35. № 2. 22–36 pp.

Работы, посвященные персоналиям Фронды и их мемуарам

123. *Алташева В.Д.* Галантно-героические мемуары мадемуазель де Монпансье // Границы литературы в гуманитарном пространстве: межвузовский сборник. СПб., 2010. С. 3–12.

124. *Алташина В.Д.* Жанровая специфика романа мемуаров во французской литературе XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2007. С. 3–8.

125. *Алташина В.Д.* От воображаемой конфигурации мемуаров к вымыслу романа (К проблеме генезиса романа-мемуаров во Франции XVIII века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. С. 35–41.

126. *Виппер Ю.Б.* "Мемуары" кардинала де Реца // Кардинал де Рец. Мемуары. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», Наука, 1997. – 831 с.

127. *Виппер Ю.Б.* Первое русское издание "Мемуаров" кардинала де Реца // Кардинал де Рец. Мемуары. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», Наука, 1997. – 831 с.

128. *Голубков А.В.* У истоков прециозности: французская галантная топография 1650-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2016. С. 50–54.

129. *Кожанова Т.О.* Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси-Рабютен Р. Любовная история галлов. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», Наука, 2010. – 322 с. С. 187–244.

130. *Малахова С.И.* Границы дозволенного во время Фронды: бунт аристократов во Франции // Граница как историко-психологическое явление: Материалы LV Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г. /под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторака, 2024. С. 40–44.

131. *Малахова С.И.* Как знаменитые дворяне Франции XVII в. попадали в бунтовщики? Путь в «оппозицию» во время Фронды на примере кардинала де Реца // Путь, дорога как историко-психологическое явление:

Материалы LIV Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18 декабря 2023 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторака, 2023. С. 24–30.

132. *Малахова С.И.* Изучение мемуаров участников Фронды // *Ars Historica*: сборник научных статей. Вып. 15 / сост. Г.С. Рагозин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2024. С. 11–15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://pureportal.spbu.ru/files/131040886/_Ars_Historica_2024.pdf

133. *Малахова С.И.* Мадемуазель де Монпансье: женщина-политик и военный деятель во время Фронды // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2024. Т. 29. № 3. С. 836–846.

134. *Малахова С.И.* Межличностные отношения дворян «партии» Конде во время Фронды // *Человеческий капитал.* 2023. № 11-2 (179). С. 69–77.

135. *Малахова С.И.* Победы и поражения участников Фронды во Франции (1648–1653 гг.) // *Феномен Победы как историко-психологическое явление: Материалы 57-й Международной научной конференции.* Санкт-Петербург, 23 июня 2025 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Старый город, 2025. С. 16–19.

136. *Малахова С.И.* Французские аристократы во время Фронды: личные отношения и политика // *Клио.* 2023. № 8 (200). С. 17–23.

137. *Павлова С.Ю.* Автобиографическая память в мемуарах мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца // *Международный журнал исследований культуры.* 2018. № 1 (30). С. 98–107.

138. *Павлова С.Ю.* Героическое начало в "Мемуарах" мадемуазель де Монпансье // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия филология. Журналистика: Научный журнал.* 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 61–66.

139. *Павлова С.Ю.* Две модели галантности в "Мемуарах" Бюсси-Рабютена // *Известия Саратовского университета.* 2012. С. 40–46.

140. *Павлова С.Ю.* Детство в "Мемуарах" Мадемуазель де Монпансье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. С. 63–67.
141. *Павлова С.Ю.* Кардинал де Рец и идеи Никколо Макиавелли (по материалам "Мемуаров") // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2018. С. 170–174.
142. *Павлова С.Ю.* К вопросу об авторской оценке Фронды в "Мемуарах" герцога Ларошфуко // История и историческая память. 2015. С. 108–115.
143. *Павлова С.Ю.* Образ кардинала Мазарини в мемуарах сестёр Манчини // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. С. 207–215.
144. *Павлова С.Ю.* Образ опальной принцессы в "Мемуарах" мадемуазель де Монпансье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия филология. Журналистика: Научный журнал. 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 50–53.
145. *Павлова С.Ю.* Орлеанский эпизод в "Мемуарах" мадемуазель де Монпансье и идеал героического феминизма // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 2. С. 40–54.
146. *Павлова С.Ю.* Частная жизнь в "Мемуарах" герцога Ларошфуко // Известия Саратовского университета. 2014. С. 39–43.
147. *Петрышева О.В.* Жанр портрета во французской мемуарной литературе XVII в.: канд. филол. наук: 10.01.03/Петрышева Ольга Владимировна. – Нижний Новгород, 2008. – 233 с.
148. *Разумовская М.В.* Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко // Франсуа де Ларошфуко. Мемуары. Максимумы. Л.: Наука, 1971. – 282 с.
149. *Разумовская М.В.* Ларошфуко и Фронда // Литература и эстетика. 1960. С. 5–25.

150. *Стогова А.В.* Загадочный Ларошфуко // Новая и новейшая история. 1999. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/stogova-zagadochnyj-laroshfuko.htm>

151. *Стогова А.В.* Обман между политикой и этикой в "Мемуарах" Ф. де Ларошфуко // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения. М., 2016. С. 111–142.

152. *Стогова А.В.* Ущемленный прелат: конструирование политического жеста во французских мемуарах второй половины XVII в. // Шаги / Steps. 2017. С. 152–168.

153. *Тесцов С.В.* Вопросы изучения западноевропейской эпистографии XVII века // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-izucheniya-zapadnoevropeyskoj-epistolografii-xvii-veka?ysclid=mjdemodpi9447864037>

154. *Трусов В.Е.* Парадокс как разновидность художественной дефиниции (на материале сборника афоризмов Ф. Ларошфуко "Максимы") // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. С. 139–143.

155. *Яхнина Ю.Я.* Послесловие переводчика // Кардинал де Рец. Мемуары. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», Наука, 1997. – 831 с.

156. *Albert-Buisson F.* Le Cardinal de Retz. P.: Librairie Plon, 1954. – 256 p.

157. *Batiffol L.* Biographie du cardinal de Retz. P.: Hachette, 1929. – 249 p.

158. *Bertièrre A.* Le Cardinal de Retz mémoraliste. Lille: Service de reproduction des thèses, 1981. – 678 p.

159. *Bertièrre S.* Mazarin: le maître du jeu. Clamecy: Fallois, 2024. – 957 p.

160. *Blanquie C.* Bussy-Rabutin ou la Cour en exil // Cahiers Saint Simon. 1996. № 24.

161. *Bishop M.* The Life and Adventures of La Rochefoucauld. New York: Cornell University Press, 1951. – 282 p.

162. *Bourdeau J.* La Rochefoucauld. P.: Hachette. 1895. – 205 p.
163. *Chantelauze R.* Le Cardinal de Retz et l'affaire du chapeau. Etude historique, suivie des correspondances inédites de Retz, Mazarin, etc... P., 1878. – 2 t.
164. *Chéruel A.* Avertissement de l'éditeur // Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P.: Charpentier, 1858. – 2 t.
165. *Cousin V.* La jeunesse de madame de Longueville. IV. Commencements de l'amour et de la Fronde // Revue des Deux Mondes. 1852. Vol. 15. № 4. 633–670 pp.
166. *Delumeau J.* Mazarin, homme d'Église // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2002. № 4. 1279–1286 pp.
167. *Dulong-Sainteny C.* Le processus d'enrichissement du cardinal Mazarin d'après l'inventaire de l'abbé Mondin // Bibliothèque de l'école des chartes. T. 148, 1990. 355–425 pp.
168. *Hémon F.* La Rochefoucauld. P.: L'écène, Oudin et Cie, 1896. – 238 p.
169. *Garapon J.* L'autobiographie d'une princesse du sang // Cahiers de l'Association internationale des études française. 1988. № 40. 39–49 pp.
170. *Plaisance D.* Bussy Rabutin et les Maximes // Littératures. 1991. № 24. 7–12 pp.
171. *Pouille J.-B.* Nicolas Fouquet, procureur général au parlement de Paris sous la Fronde (1650–1653): l'habileté d'un temporisateur // Dix-septième siècle. 2023. № 3 (300). 423–437 pp.
172. *Sainte-Beuve C.-A.* La Bruyère et La Rochefoucauld, Mme de La Fayette et Mme de Longueville. P.: impr. de H. Fournier et Cie. 1842. – 284 p.
173. *Stefanovska M.* La politique du cardinal de Retz. Passions et factions. Rennes, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/pur/35145>
174. *Tribout B.* Le livre à venir: la genèse des mémoires de la Rochefoucauld // Revue d'Histoire littéraire de la France. 2017. № 3. 549–566 pp.

175. *Vergnes S.* Les Frondeuses: l'activité politique des femmes de l'aristocratie et ses représentations de 1643 à 1661. Université Toulouse le Mirail – Toulouse II. 2012. – 997 p.

176. *Le Person X.* Le Grand Condé. Un exil pour l'honneur. P.: Fayard, 2023. – 528 p.

История частной жизни, ментальности, гендерная история

177. *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

178. *Белова А.В.* Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувственной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2. С. 5–14.

179. *Виолле-ле-Дюк Э.* Жизнь и развлечения в Средние века. СПб.: Евразия, 2007. – 384 с.

180. *Зайцева Т.И.* Женская правящая элита Франции и Германии в первой половине XVII в.: гендерные аспекты социальных трансформаций раннего Нового времени // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. С. 55–58.

181. *Зайцева Т.И.* "Реабилитация" термина "галантный": историография вопроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. С. 474–480.

182. История женщин на Западе: в 5 томах // под ред. Дюби Ж. и Перро М. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб.: Алетейя, 2008. – 558 с.

183. История частной жизни: в 5 томах // под ред. Арьеса Ф. и Дюби Ж. Т. 3: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 720 с.

184. *Кром М.М.* История повседневности // Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 7–14.

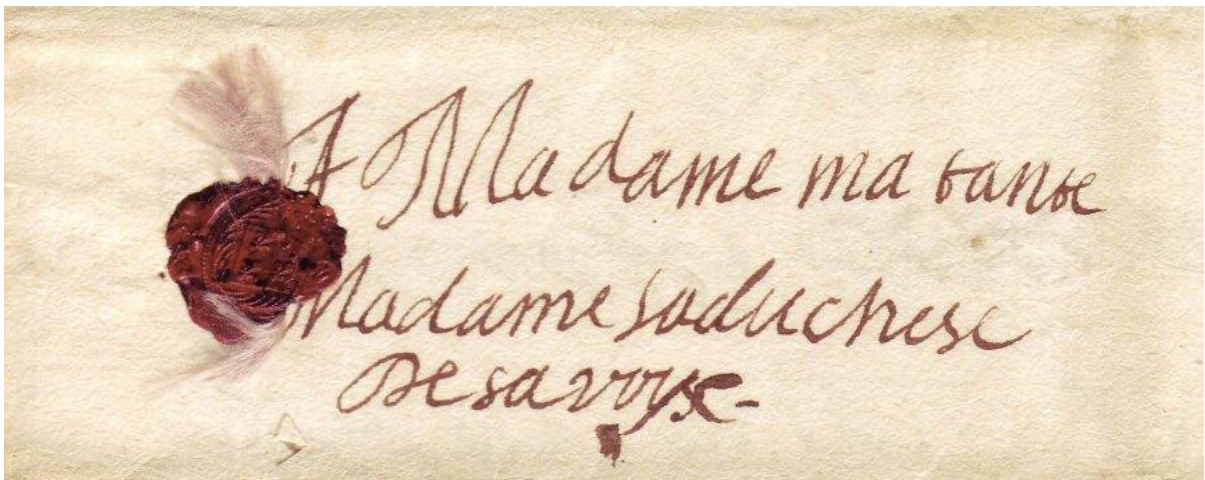
185. *Малахова С.И.* Фронда, или травмировавший французов кризис // Историко-психологические основы формирования ментальности: Материалы LVI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 9 декабря 2024 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторака, 2024. С. 25–29.
186. *Мань Э.* Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII. СПб.: Евразия, 2002. – 288 с.
187. *Неклюдова М.С.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008. – 440 с.
188. *Новоселов В.Р.* История европейской дуэли XVI–XVIII века // Дуэль. От божьего суда до благородного преступления. М.: Музеи Московского Кремля, 2022. С. 11–24.
189. *Новоселов В.Р.* Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI–XVII столетия. СПб.: Атлант, 2005. – 288 с.
190. *Симонова Н.В.* "О, порочные нравы! о, торжествующее свободомыслие!" (кого во Франции могли «Обозвать» либертином?) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. С. 56–64.
191. Укрощение повседневности: нормы и практики Нового времени / Сост. М. Неклюдова. М. Новое литературное обозрение, 2020. – 456 с.
192. *Чеканцева З.А.* Об исторической природе насилия: Франция XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/profile/Zinaida-Chekantseva/publication/303459363_Ob_istoriceskoj_prirode_nasilija/links/5c25c391a6fdccfc706d1cb4/Ob-istoriceskoj-prirode-nasilija.pdf
193. *Чеканцева З.А.* Открытый протест как волеизъявление: Франция XVII–XVIII вв. // Европейский альманах 2003. 2004. С. 116 – 126.
194. *Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. М.: Либроком, 2012. – 240 с.

195. *Чеканцева З.А.* Праздник и бунт между Фрондой и Революцией // *Одиссей 2005: Время и пространство праздника.* 2005. С. 49–67.
196. *Чеканцева З.А.* Устойчивые слухи в обществе как проявление «коллективного воображаемого»: Франция 1661–1789 годов // *Всеобщая история: современные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Брян. гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, Каф. всеобщ. истории; [отв. ред. С.Ф. Блуменау]. – Брянск: Наяда, 2002. С. 8–18.*
197. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. СПб. Университетская книга, 2001. – 2 т.
198. *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 310 с.
199. *Constant J.-M.* La vie quotidienne de la noblesse française aux XVIe et XVIIe siècles. P.: Hachette-Littérature, 1985. – 317 p.
200. *Bluche F.* La vie quotidienne de la noblesse française au XVIIIe siècle. P.: Hachette-Littérature, 1973. – 271 p.
201. *Bluche F.* La vie quotidienne au temps de Louis XIV. P.: Hachette, 1984. – 398 p.
202. *Jacquart J.* La Fronde des Princes dans la région parisienne et ses conséquences matérielles // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1960. Т. 7. № 4. 257–290 pp.
203. *Mongrédien G.* La vie quotidienne sous Louis XIV. P.: Hachette, 1948. – 250 p.

Приложения**Приложение № 1. Автограф Мадемуазель де Монпансье**

Источник: [Электронный источник] Режим доступа:

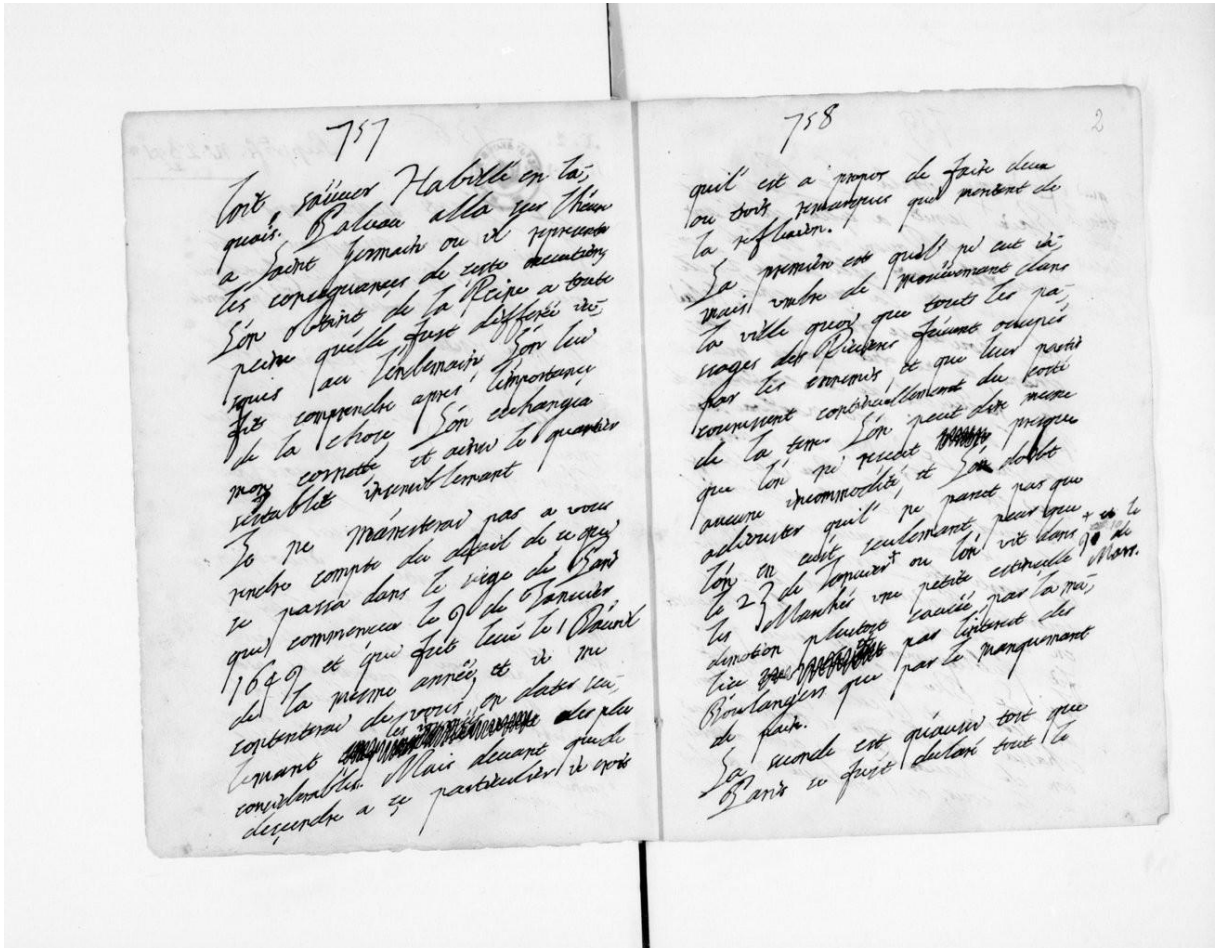
<https://www.pba-auctions.com/lot/4326/1035529> (дата обращения: 11.04.2025)

Приложение № 2. Автограф «Мемуаров» кардинала де Ретца

Источник: [Электронный источник] Режим доступа:

<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90651515/f3.image.r=memoires%20du%20cardinal%20de%20retz> (дата обращения: 11.04.2025)

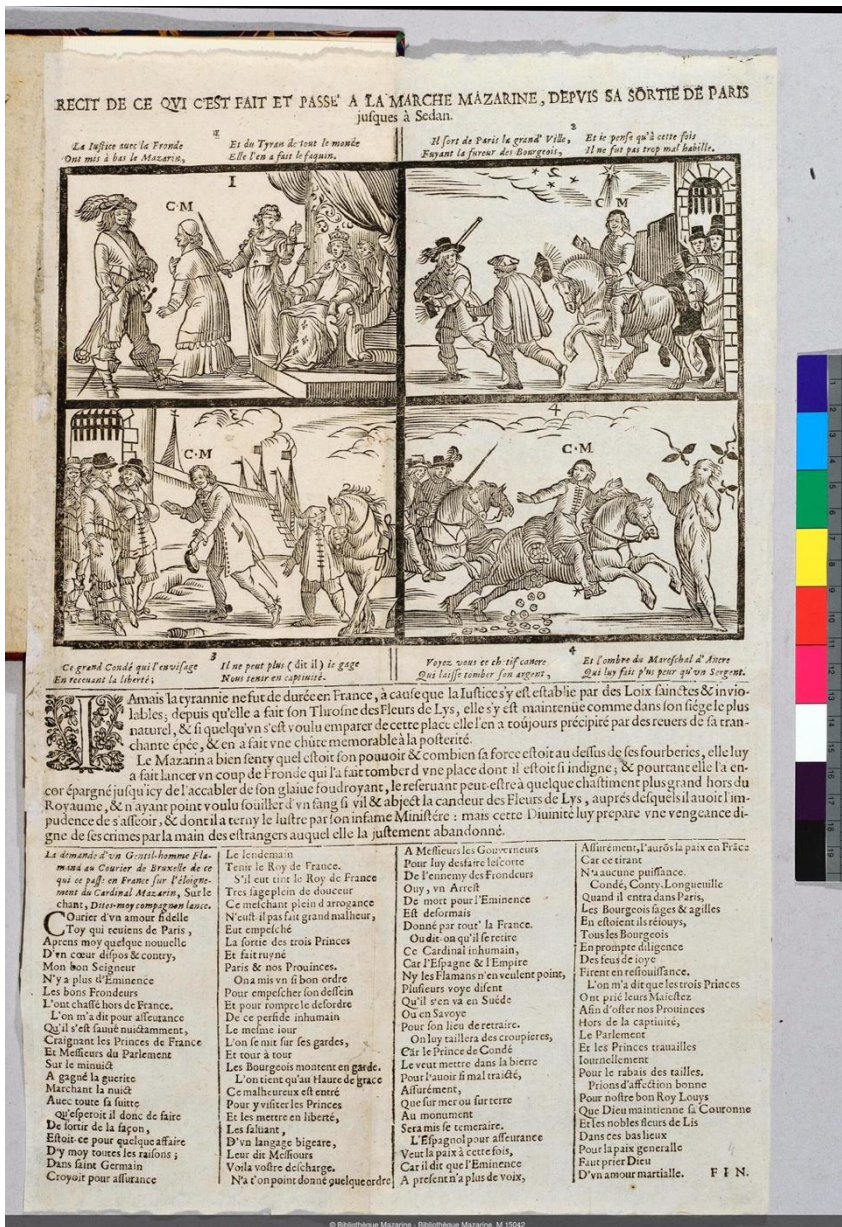
Приложение № 3. Иллюстрированные мазаринады

Памфлет с изображениями кардинала Мазарини. «Повествование о том, что произошло и было сделано во время марша Мазарини, с момента его отправления из Парижа в Седан», 1651 г. Библиотека Мазарини.

Источник: [Электронный источник] Режим доступа:

<https://bibnum.institutdefrance.fr/ark:/61562/mz3596>

(Дата обращения: 8.04.2025)

Иллюстрированная мазаринада «Вопреки Мазарини фронтеры обеспечивают спасение государства».

Источник: [Электронный источник] Режим доступа:

<https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Mazarinade.jpg>

(Дата обращения: 22.04.2025)

*Malgré Mazarin, les frondeurs
assurent le salut de l'État.*

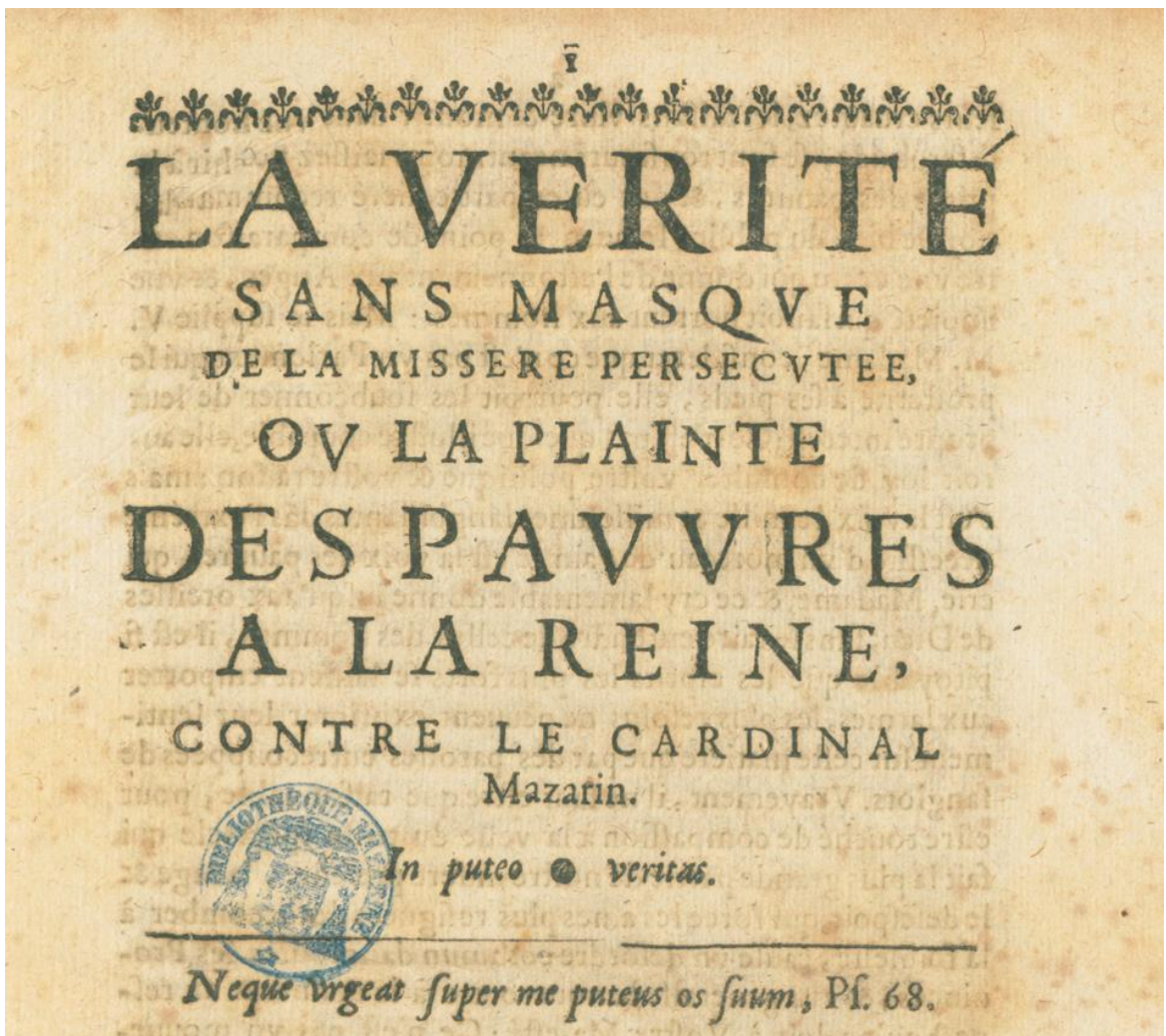
Приложение № 4. Мазаринада в виде коллективного обращения к
королеве Анне Австрийской

Титульный лист и подпись «Преследуемая бедность». Библиотека Мазарини.

Источник: [Электронный источник] Режим доступа:

<https://bibnum.institutdefrance.fr/ark:/61562/mz17759>

(дата обращения: 8.04.2025)

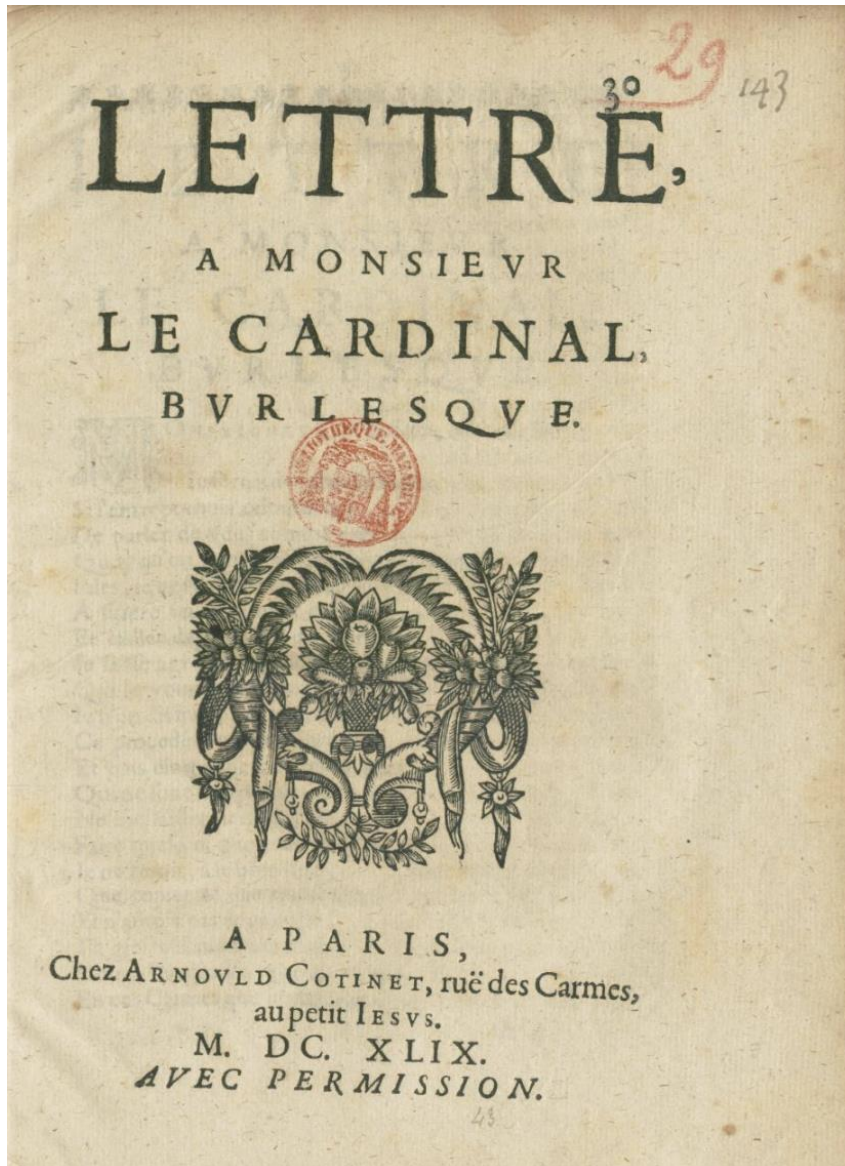
Приложение № 5. Титульный лист мазаринады с пометкой «avec permission» («с разрешением»)

Библиотека Мазарини.

Источник: [Электронный источник] Режим доступа:

[https://bibnum.institutdefrance.fr/viewer/17470/?offset=#page=9&viewer=picture
&o=bookmark&n=0&q=](https://bibnum.institutdefrance.fr/viewer/17470/?offset=#page=9&viewer=picture&o=bookmark&n=0&q=)

(дата обращения: 7.04.2025)

**Приложение № 6. Сторонник Фронды, призывающий парижан к
восстанию против кардинала Мазарини**

Анонимная гравюра на дереве (Париж, 1649). Национальная библиотека Франции

Из книги Brown H.G. Mass Violence and the Self: From the French Wars of Religion to the Paris Commune, Cornell University Press, 2018.

Приложение № 7. «Французский курьер» приносит всевозможные
новости

Гравюра из первого выпуска газеты «Courrier françois» января 1649 г.

ГПИБ России, г. Москва. Отдел редких книг.

Приложение № 8. Второй выпуск «françois, traduit fidellement en vers burlesques»

Внизу стоит пометка «С разрешением», несмотря на «оппозиционный» характер издания. 1649 г.

Источник: [Электронный источник] Режим доступа:

<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1168510n/f19.item#>

(Дата обращения: 6.04.2025)

